Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 5

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Гашам НАДЖАФЗАДЕ. **Смерть осталась в том мире.** *Пьеса* 3
Мишка АССАЯС. **Золото, призраки и новобрачные.** *Новелла* 34
Азер ЭФЕНДИ. **La femme fatale.** *Рассказ* 40
Малик ДУРСУНОВ. **Лудильщик Гриша.** *Рассказ* 65
Вугар ЭМРАХ. *Рассказы* 89
Геллерт УАЙТ. **Тафиаркан.** *Horror* 114
Марк ВЕРХОВСКИЙ. **Иудейка из Кюрдамира.** *Юмореска* 122

ПОЭЗИЯ

Саида СУБХИ. *Стихи* 54
Наталья ВОРОНИНА. *Стихи* 78
Камилла КЕРИМОВА. *Стихи* 107

ПУБЛИЦИСТИКА

Иса ГАБИББЕЙЛИ. **Великая опора азербайджанской литературы Народный писатель Мирза Ибрагимов** 23
Низами ТАГИСОЙ. **Писатель планетарного масштаба** 31
Ляман БАГИРОВА. **Урок географии.** *Эссе* 59
Марат ШАФИЕВ. **Два этюда** 62
Ширин МАНАФОВ. **Азыхская история** 80
Александр ХАКИМОВ. **Жить среди чудовищ, или человек минус…** 112
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Страх. Ангел и бес. Что в нас от ангела, а что от беса** 118
Ниджат МАМЕДОВ. **Книжные рекомендации** 125

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 27.04. 2022 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2022 г.

ГАШАМ НАДЖАФЗАДЕ

СМЕРТЬ ОСТАЛАСЬ В ТОМ МИРЕ

Пьеса в двух действиях и пяти картинах

Памяти Альберта Агарунова,
Национального Героя Азербайджана

Действующие лица:

Альберт
Арзу
Гагик
Аделя
Джамиль
Саадат
Айдын
Отец Альберта
Мать Альберта
Родственник из Израиля
Сосед
Соседка
Командир
Первый солдат
Второй солдат
Третий солдат
Женщина
Человек в черном
Человек в белом
Люди в белом

Действие первое

Картина первая

Открывается занавес, полумрак. Слышны отдаленные звуки стрельбы. Вверху вспыхивают полосы света. Внезапно на сцену падает дождь из цветов. На этом фоне оружейный грохот и стоны людей создают ощущение ужаса. Затем воцаряется тишина. Люди бродят под печальную музыку, что-то неразборчиво бормоча. Среди прочих женщина с ребенком в детской коляске и ветеран войны, инвалид-колясочник. В какой-то момент две коляски сталкиваются. Ребенок и инвалид смотрят, а потом улыбаются друг другу. Затем одновременно нагибаются, чтобы поднять с земли цветок, малыш держится за цветок, а инвалид – за стебель. Оба крепко держатся за цветок, не желая уступать. Мужчина отпускает стебель, отдавая цветок ребенку. Малыш, довольный, смеется. И хотя вдали слышны звуки стрельбы, они больше этого не слышат.

***

1988 год. Бакинский поселок Амирджан. На земле, под тутовым деревом расстелен ковер, на нем небольшой матрас и мутака (подушка). Чуть в стороне дымит самовар. На дереве развешано несколько работ Саттара Бахлулзаде. Простая деревенская жизнь. Временами раздается крик петуха. Звучит грустная лирическая мелодия. В центре сцены вокруг стола о чем-то разговаривают Альберт, Арзу, Аделя и Айдын. Альберт и Гагик в виде призраков в белых одеяниях стоят по разные стороны. Они говорят то тихо, то напряженно. Их голоса не слышны. Временами они тянутся друг к другу, но, как ни стараются, это им не удается.

АДЕЛЯ *(повернувшись в другую сторону).* Когда мы учились в старших классах, Альберт был лидером нашей школы. Мы часто проводили литературные вечера. Ведущими были Альберт и Арзу. Я становилась либо участницей мероприятия, либо с гордостью их слушала и первая начинала аплодировать. Аромат подаренных нам цветов пьянил, но затем они увядали. Еще тогда Альберт сочинил интересное эссе об увядающих цветах. *(Альберту.)* Альберт, ты помнишь об этом?

АЛЬБЕРТ *(Аделе).* Я даже вспомнил мысль Рабидраната Тагора о том, что влюбленный лист рождает цветок, а влюбленный цветок рождает плод, но не стоит ломать последовательность этой любви. Не стоит…

АДЕЛЯ *(прерывает его).* Жизнь подходит к концу, не так ли?

АЛЬБЕРТ. Не только жизнь, Аделя. Все имеет свой конец. *(Обращается к зрителям.)* Мы всегда жестоко относились к природе, разрушали ее, а затем просили у нее помощи. *(Альберт берет со стола цветок и разглядывает его со всех сторон.)* Видимо, еще вчера этот цветок был живым, но его сорвали люди, и он завял. И знаете, почему? Влага в нем испарилась, обидевшись на нас. Это же не ваше тело. *(Выдерживает долгую паузу, затем медленно подходит к краю сцены.)* Однажды вам будет не хватать воздуха, и вы поймете, почувствуете всю боль, которую испытал этот цветок. Вы будете просить у Бога дать вам хотя бы глоток воздуха. Но вы даже не узнаете, что воздух, о котором вы молите, исчезнет вместе с цветами.

АДЕЛЯ. Но в мире еще столько цветов… Разве все они сорваны? И не только цветы дают нам кислород, но и Кура, Араз…

Круг движется.

КТО-ТО *(за кулисами кто-то громко кричит).* Арарат.
АЛЬБЕРТ *(бежит на голос).* Замолчи, замолчи, замолчи.
АДЕЛЯ *(раскинув широко руки).* Тертер. Топхана…
АЛЬБЕРТ. Замолчи, замолчи, замолчи.
АДЕЛЯ Самухский лес…
КТО-ТО*(громко кричит за кулисами).*

О Кура моя, несешь ты бремя,
Не твое покамест время.

Круг движется.
Альберт обхватывает голову руками и слегка наклоняется.

АДЕЛЯ *(кружится на месте).* Амазонка *(улыбаясь, иронично.)* горшочки...

АЛЬБЕРТ *(проворно вскочив).* Вновь не хватает глотка воздуха. *(Имитирует нехватку воздуха.)* Не-хва-та-ет, не-хва-та-ет, не-хва-та-ет. *(Затем поднимает цветы над головой.)* Смотри, вот тот воздух, которого нам не хватает.

АРЗУ *(шутливо).* Уважаемый Альберт, теперь, по-вашему, мы не должны собирать цветы и дарить их тем, кого мы любим?.. *(Берет со стола цветок и кокетливо протягивает его Альберту.)*

Как только Альберт получает цветок, Аделя, положив руку на сердце, проходит немного вперед и, не говоря ни слова, разочарованно возвращается на место.

АЛЬБЕРТ *(повернувшись к Арзу).* Арзу-ханым, было бы лучше, если бы ты со своим любимым вдыхала аромат цветов в своем собственном саду.

АРЗУ *(подходит к Альберту и становится прямо перед ним).* Ты сегодня говоришь, как поэт, Альберт, что с тобой случилось? Я вижу печаль в твоих глазах.

АЛЬБЕРТ. Я не поэт, я музыкант. Музыка – мать поэзии. Музыка зародилась одновременно с возникновением человечества, с первыми звуками и голосами…

АДЕЛЯ *(перебивает Альберта).* Как прекрасно, что музыканты находятся в полной гармонии с природой, они не только видят, но и слышат ее. *(Подходит к Альберту, скрестив руки на груди, кланяется ему, затем поднимает голову.)* Как тебе эта песня? *(Поет).* Полевым была цветком, ты сорвал – и я увяла. О тебе я горевала, стал моим страданьем ты. *(Берет Альберта за руку и выводит на середину.)* Даже если мы не станем срывать цветы, они все равно завянут. И какая разница, завяли они естественным образом или кем-то были сорваны?

АЛЬБЕРТ. То, что они увядают, – это естественный процесс, и мы здесь не вмешиваемся в природу. *(Вертит в руке цветок.)* Еще вчера дерево, покрытое зеленой листвой, окрасилось в желтый цвет. Если цвета не будут меняться, жизнь остановится.

АЙДЫН *(покидает круг и подходит к центру).* Альберт, не обижай девушек, дари им лучше цветы, пусть цветы украшают их, а они украшают собою цветы.

Все дружно с радостным смехом подходят к Айдыну.

ВСЕ ХОРОМ. Точно... Ты прав... Замечательно сказал... Молодец... Ты примирил всех... Так и есть...

Картина вторая

Суматоха на сцене. Мигает свет. То светло, то темно… Это означает либо день, либо ночь... Актеры, кружась, уходят за кулисы, затем вновь появляются с другой стороны. Людей в группе постепенно становится все меньше. На сцене появляются солдаты, они бегают, то появляясь, то исчезая. На сцену в военной форме выходит Альберт. Рядом с ним его родители и близкий родственник, приехавший из Израиля.

ОТЕЦ АЛЬБЕРТА *(грустно качая головой).* Я не могу уехать в Израиль. Слава Богу, у нас здесь свой дом, свой двор и все условия для жизни. Мы живем в дружбе и согласии с азербайджанцами. Женили здесь сына, выдали замуж дочь. Тут прекрасный и чистый воздух. Мы едим хлеб той земли, на которой родились и выросли, делим с азербайджанским народом горести и радости, вместе плачем и смеемся.

РОДСТВЕННИК ИЗ ИЗРАИЛЯ *(расхаживает по сцене. Печально).* Ты говоришь так, будто живешь не на этом свете. Я знаю человека, который за свои пятьдесят лет прожил почти в пятидесяти странах. Где человеку хорошо, там и его родина. Я и сам побывал во многих странах: *(сгибая пальцы)* Латинская Америка, страны Европы, Восток, Средняя Азия, невозможно пересчитать все по пальцам. Нет такой страны, где бы я не был, и вот, наконец, возвратился в Израиль, на свою историческую родину. *(Обращаясь к родителям Альберта.)* Что вы забыли в Азербайджане? Ваша родина – Израиль. Неужели вы не смотрите телевизор, не читаете газет? Все евреи мира объединяются… Вы же… *(Начинает кашлять, затем решительным и более громким голосом.)* Собирайтесь, завтра мы уезжаем в Израиль.

МАМА АЛЬБЕРТА *(с волнением).* Нет, дорогой, мы никуда не поедем. Здесь мы родились, здесь и умрем. *(Смотрит в сторону соседей и улыбается.)* Знаешь, как прекрасен поселок Амирджан, какие здесь добрые и хорошие люди. Как мы можем оставить таких хороших соседей и уехать? Когда родился Альберт *(смущенно)*, у меня пропало молоко, и моя соседка Етяр дала мне свое, я тоже не раз помогала ей с ее сыном. Альберт часто проводил время у них дома. *(Поворачивается к мужу.)* Помнишь тот год, когда сгорел наш дом, все соседи помогли нам за пять дней построить новый и приобрести новые вещи.

ОТЕЦ АЛЬБЕРТА. Да, помню, тогда еще раза три нас даже навещал глава муниципалитета. *(Указывает рукой в сторону.)* У нас в Кубе много родственников, и мы часто навещаем друг друга. Но самый близкий – это ты. Не обижайся на меня *(переминается с ноги на ногу),* но я отсюда никуда не уеду. Здесь я родился, здесь и закончу свои дни.

РОДСТВЕННИК ИЗ ИЗРАИЛЯ. Я не говорю, что Азербайджан – плохое место. Вы прожили здесь всю свою жизнь. Но теперь вы должны возвратиться. *(Замолкает на некоторое время. Подносит руку ко рту и откашливается.)* Оттуда вы сможете писать своим родственникам и соседям письма, перезваниваться с ними. *(Радостно, словно обнаружив факт.)* Сейчас в Закавказье неспокойно. Ухудшились отношения Азербайджана с Россией. Активизировались армяне, которые притязают на карабахские земли. В любую минуту в Баку может произойти какая-нибудь диверсия. *(Оглядывает Альберта с ног до головы.)* Видите, что сделала Россия с Грузией? Похожие события могут произойти и в Баку. Вот и Альберт вернулся из армии. Готовьтесь к отъезду.

АЛЬБЕРТ. Нет, мы никуда отсюда не уедем. Я служил в Грузии, участвовал там в масштабных военных учениях. Я инженер и хорошо разбираюсь в военной технике, знаю все ее секреты, особенно основательно изучил работу танков.

РОДСТВЕННИК ИЗ ИЗРАИЛЯ *(с терпением и осторожно).* Очень хорошо, поверь мне, я этому рад, но Израиль тоже нуждается в таких инженерах, как ты. У нас там тоже сложная обстановка. *(Немного подумав, кладет руку на плечо Альберта.)* Во всем мире нужны хорошие солдаты, и если уедешь туда, будешь получать хорошие деньги.

АЛЬБЕРТ. Нет, я ни за что не покину Азербайджан, у меня здесь много друзей, Мы вместе росли, в футбол играли. Я им как брат, и в самые трудные времена мы всегда поддерживали друг друга.

РОДСТВЕННИК ИЗ ИЗРАИЛЯ (*глядя испытующе на Альберта*). Сын мой, когда начнется война, ты отправишься на фронт? Ты будешь воевать с армянами? *(Родителям Альберта.)* Положение в Азербайджане сейчас очень сложное. Вам здесь нельзя оставаться. Я вам это говорю. Политический климат в мире кардинально изменился, глобализация и национализация охватили весь мир.

АЛЬБЕРТ (*глядя на родственника из Израиля. Громко*). Конечно, я отправлюсь воевать. Это моя родина. Если надо, я отдам за нее свою жизнь. (*Родители подбегают к Альберту. Смотрят то на сына, то на родственника из Израиля. Альберт поворачивает к ним лицом.)* Да, я обязательно отправлюсь на войну. *(Обнимает отца и мать.)* Как я могу не пойти? Многие ребята из нашего поселка сейчас находятся на фронте. Мы выросли вместе, дружили, делили пополам кусок хлеба.

МАТЬ АЛЬБЕРТА. Да разрушатся дома тех, кто затеял эту войну.

ОТЕЦ АЛЬБЕРТА. Да ослепнут те, кто производит и продает оружие.

МАТЬ АЛЬБЕРТА. Пусть отсохнут руки у тех, кто зарится на чужие земли.

ОТЕЦ АЛЬБЕРТА. Иди, сынок, там твои друзья, не оставляй их одних.

Во двор входят соседи Альберта.

СОСЕДКА. Альберт, дорогой, слава Богу, ты отслужил, вернулся домой. Замечательно! *(Обнимает Альберта.)* Сынок, ты так вырос, так возмужал. *(Затем обращается к мужу.)* Сообщи Джамилю, что его друг вернулся. Боже мой, как он ждал тебя, Альберт! *(Тихо шепчет мужу на ухо.)* Приведи сюда ягненка, зарежь его у ног Альберта.

СОСЕД. Будет сделано, сейчас приведу. *(Мужчина целует Альберта, кладет голову на его широкую грудь.)* Когда ты уходил, я дал слово, что принесу в жертву барана, если ты благополучно возвратишься из армии.

Появляются друзья Альберта: Аделя, Арзу, Джамиль, Айдын и Саадат, двор заполняется молодежью. Друзья шумно окружают Альберта, его обнимают, слышен смех и радостные возгласы. Образовавшаяся молодежная группа кружит по сцене. Звучит ритмичная музыка. Веселье охватывает всех гостей, только Родственник из Израиля стоит в стороне и с удивлением наблюдает за происходящим.

РОДСТВЕННИК ИЗ ИЗРАИЛЯ *(про себя).* Таких теплых отношений между соседями я не встречал нигде в мире. *(Музыка постепенно замедляет темп, звучит тише, а мужчина вновь повторяет про себя.)* И такой доброты….

Постепенно все расходятся, на сцене остается только Альберт с друзьями.

АДЕЛЯ. Недавно Анна вместе с семьей переехала в Ереван. Анна так не хотела уезжать. Мы никогда не задумывались над тем, кто мы по национальности. Мы были близкими подругами, нередко оставались ночевать друг у друга.

СААДАТ. Мы вместе делали уроки, дарили друг другу подарки.

АРЗУ. Куда бы ни отправлялся мой отец, он всегда привозил одно платье мне, другое Анне.

СААДАТ. Что же нас разлучило?

АЙДЫН *(проходит вперед и кричит).* Война!

СААДАТ *(кричит).* Какая война? Кто породил эту войну, кто взрастил, кто кормит ее?

АЙДЫН. Политика. *(Все вопрошающе смотрят друг на друга.)*

СААДАТ *(разводит руками).* Чья политика?

АДЕЛЯ Чья политика?

АРЗУ. Что есть политика?

ВСЕ. Аппарат?

ВСЕ. Человек?

ВСЕ. Телевизор?

ВСЕ. Какая у политики национальность?

Все со словами «политика, политика» что-то хаотично ищут на сцене. Внезапно Альберт топает ногой, и все останавливаются и замолкают.

АЛЬБЕРТ *(настойчиво.)* Почему вы отпустили Анну? Она же боялась уехать так далеко.

АДЕЛЯ. Анна очень боялась войны. *(Отвечая Альберту, она чуть ближе подходит к нему).* На ее семью сильно давили из Еревана. Сказали, быстро уезжайте. Когда они уезжали, вся улица плакала.

АРЗУ *(немного пройдя вперед).* Знаешь, что она сказала мне перед отъездом? Что она собрала большую сумку с фотографиями. На этих фотографиях мы все вместе и неразлучны.

Звучит грустная лирическая мелодия. Все молчат. Аделя выходит из круга. Проходя мимо Альберта, тихо шепчет в его сторону.

АДЕЛЯ. Я много думаю о тебе, Альберт. Ты знаешь об этом?

Никто, кроме Альберта, этого не слышит. Музыка звучит громче. На этот раз покидает группу Арзу. Когда Альберт проходит мимо нее, Арзу шепчет.

АРЗУ. Никогда не забывай о том, что я люблю тебя.

Альберт покидает группу и становится рядом с Арзу. Аделя хочет подойти поближе, но, сделав несколько шагов, возвращается на прежнее место. Аделя уходит со сцены. Группа, кружась, также покидает сцену.

АЛЬБЕРТ. Через два дня я ухожу на фронт, Арзу. Наши друзья уже там. Кажется, весь Амирджан отправился на фронт. Наша улица сражается с армянами.

АРЗУ. Я знала, что ты тоже отправишься на фронт, Альберт. Ты не мог бы поступить иначе. Помнишь, когда мы еще учились в средней школе, ты постоянно что-то изобретал, говорил, что благодаря своим изобретениям сможешь остановить войну раз и навсегда. А сейчас... ты тоже так думаешь?

АЛЬБЕРТ. Чтобы остановить войну, нужно отправиться на фронт, чтобы выиграть войну, нужно сражаться. *(Пытается что-то вспомнить.)* Помнишь, Арзу, как наша учительница Фируза дала нам сочинение на свободную тему, связанную с войной. *(С правой стороны сцены показывается Аделя. Арзу и Альберт продолжают разговаривать. Арзу выглядит обиженной.)* Я написал, что музыка, поэзия и культура в целом спасут этот мир.

АРЗУ. Если это так, то возьми с собой на фронт трубу, играй там, и пусть война прекратится.

АЛЬБЕРТ. Арзу, это может произойти лишь в том случае, если и с противной стороны кто-то тоже заиграет на трубе. И не один, а тысячи. И нас должно быть тысячи. Поверь мне, лишь тогда замолчат пушки. *(Протягивает руку.)* Подобно тому, как заклинатели змей в одно мгновение усмиряют музыкой самых ядовитых змей. Война и есть та ядовитая змея.

АРЗУ. Ты прав, Альберт. Мы так далеки от природы. Музыка и есть природа с ее звуками и голосами. Когда человек отдаляется от природы, он грубеет. *(Обращает лицо к небу.)* Знаешь, о чем я мечтаю? Я мечтаю о том, чтобы небеса наполнялись пением птиц, а не звуками бомбардировщиков. *(Смотрит на Альберта.)* Как тебе это стихотворение? Я хочу, чтобы цвели прекрасные цветы, а не разрывались пули. Я хочу, чтобы плакали облака, а не дети. Вот так. А чего хочешь ты?

АЛЬБЕРТ *(берет за руки Арзу и водит ее по кругу).* Я хочу, чтобы мы, взявшись за руки, обошли с тобой весь мир. Это самый лучший ответ войне. *(Смеется.)* Войне станет стыдно перед нашей любовью, и она покинет этот мир.

АРЗУ. Альберт, что такое война и что такое любовь? Война бесчеловечна.

АЛЬБЕРТ. Любимая, войне станет стыдно лишь тогда, когда солдаты с обручальными кольцами на пальцах не нажмут на спусковой крючок автомата.

Арзу кивает головой в знак согласия.
Снова издалека появляется Аделя. Она взволнована и заметно нервничает.

АРЗУ. Альберт, было бы лучше, если бы обручальные кольца вообще не прикасались к спусковым крючкам. *(Арзу отходит в сторону, оглядывается по сторонам, а затем близко подходит к Альберту.)* Знаешь что, Альберт? Я тоже отправлюсь с

тобой на войну. *(Видя удивление Альберта, она становится еще серьезней.)* Да, я пойду с тобой. *(Затем прикладывает к виску палец и о чем-то думает.)* Да, я вспомнила, когда-то в дневнике Анны я прочла одно стихотворение. В нем говорится, что рядом с каждым солдатом должна находиться его любимая женщина. Альберт, и знаешь, почему? Потому что женщина может сделать из мужчины настоящего героя. *(Поворачивается к Альберту.)* Альберт, ты уже герой. Но если ты возьмешь меня с собой, станешь героем вдвойне.

АЛЬБЕРТ. Ты права, Арзу. Я возьму тебя с собой, но не сейчас. С тобой я стану еще сильнее. Пусть закончится эта война, и я построю тебе огромный дом в Шуше.

АРЗУ. Иншаллах, дорогой друг, мы обязательно построим этот дом. *(Кружится вокруг Альберта.)* Анна тоже хотела поехать в Шушу и даже написала стихотворение, посвященное Шуше. Там была такая строчка: «Шуша – диадема Азербайджана».

АЛЬБЕРТ. Арзу, я очень беспокоюсь за Анну. Я помню, как в детстве мы все вместе бегали по дворам, собирали инжир, а потом, усевшись в тени, объедались этими сладкими ароматными фруктами. Все в нашем Амирджане напоминает о ней. Интересно, где она теперь? Может, они переехали во Францию, или же в Сирию, или Бог знает куда?

АРЗУ. Я тоже часто вспоминаю Анну. Помнишь, как мы играли в прятки? Однажды я спряталась в доме Анны. А где лучше спрятаться? За сложенными в нише матрасами и одеялами. *(Смеется.)*

И снова по двору с грустным и задумчивым видом идет Аделя. Завидев ее, Альберт машет ей рукой, подзывая к себе. Она подходит.

АЛЬБЕРТ. Аделя, иди к нам.

Аделя подходит ближе.

АДЕЛЯ. О чем вы говорили?

АРЗУ. Мы говорили с Альбертом об Альберте Эйнштейне. Вот, например, этот человек *(указывает рукой на стену, словно показывает на портрет Альберта Эйнштейна)* мог бы остановить войну, но не захотел. Он думал, что его открытия будут использованы в мирных целях, но люди жадны до богатства…

АДЕЛЯ. Что делать Альбертам. *(Одну руку протягивает в сторону Альберта, а другой показывает на стену, вероятно, указывая на Альберта Эйнштейна.)* На самом деле война – это машина для печатания денег, чернорабочий, зарабатывающий деньги для своего хозяина.

АРЗУ. Вы еще ничего не сказали о Роберте Оппенгеймере, который создал атомную бомбу.

АДЕЛЯ. Значит, вы говорите о борьбе между наукой и культурой?

АЛЬБЕРТ. Я бы сказал, что они борются друг с другом, но на самом деле они могут стать друзьями. Однако этому не позволяют случиться.

АДЕЛЯ. Не помню, кто сказал о том, что наука делает открытия для того, чтобы использовать их в мирных целях, а политика использует их как оружие... Именно поэтому судьба человечества зависит от культуры тех, кто этим оружием владеет. Опять же благодаря чему? Книгам, чтению, музыке...

АРЗУ. Значит, все зависит от нашего уважаемого Альберта *(Арзу смотрит на Аделю)*, играющего на трубе, не так ли, Аделя?

АДЕЛЯ. То есть уважаемый Альберт с помощью трубы может заставить замолчать одного врага или даже трех-четырех. Должно быть как можно больше трубачей, чтобы заставить замолчать всех врагов.

АЙДЫН *(издалека)*. Альберт, Альберт, эй, Альберт!..

АЛЬБЕРТ. Айдын, добро пожаловать, проходи, проходи.

АЙДЫН. Я не один, Саадат и Джамиль тоже здесь.

АЛЬБЕРТ. Добро пожаловать! (*Пожимает всем руки. Айдын, Саадат и Джамиль заходят во двор.)*

АЙДЫН. О чем думает наш уважаемый Альберт, ведь через два дня он уходит на фронт. *(Хлопает Альберта по спине.)* Мы тоже отправимся туда через 2-3 месяца, уже получили повестку. Но говорят, нам еще нужно пройти военную подготовку.

ДЖАМИЛЬ. Айдын, давай попросимся туда, где будет находиться Альберт. Он танкист и знает все секреты танка Т-72 *(шутливо изображает стрельбу из танка)*.

АЙДЫН *(смеясь, толкает Джамиля).* Эй, послушай, это танк Альберта, а не какой-нибудь тебе трактор в Амирджане.

САДАТ. Зачем вам далеко уезжать? Джамиль прав. Вы с детства вместе, а теперь сможете вместе пройти военную подготовку. Я предлагаю *(выходит вперед, с гордостью)* создать танковый батальон и назвать его Амирджанским батальоном.

ВСЕ ХОРОМ. Да здравствуют Амирджанский батальон, у-р-р-а!

ДЖАМИЛЬ. От нас это не зависит. Посмотрим, возьмет ли нас в качестве курсантов уважаемый Альберт? Возможно, все места уже заняты, и для жителей Амирджана там места нет.

АЛЬБЕРТ Ну что мне сказать вам, ребята, я согласен. *(Обводит вокруг рукой.)* Не только Амирджан, но и весь Азербайджан занимают особое место в моем сердце.

АЙДЫН. Я предлагаю написать гимн в честь Амирджанского батальона нашему замечательному еврейскому поэту Симаху Шейде.

Все хлопают.

АЛЬБЕРТ. Друзья, а ведь песни, музыка – мощное оружие на фронте. Когда музыка затрагивает сердца и души солдат, оружие замолкает. Поверьте мне, это правда! Я не раз был свидетелем этого…

САДАТ. Тогда получается, что теперь нам не нужно оружие, не так ли, Альберт?

АЛЬБЕРТ. Оружие предназначено не только для убийства. Оно играет большую роль в установлении мира. На сильного противника никто не нападает.

ДЖАМИЛЬ. Ребята, Альберт прав. Ни одно государство в мире не связывается со странами, обладающими атомной бомбой.

АДЕЛЯ. Странно, бомба служит делу укрепления мира. Очень странное сочетание – бомба и мир.

АЙДЫН. Однако страны, обладающие ядерным оружием, протягивают свои щупальца к другим странам. Вы же знаете об этом?

АЛЬБЕРТ. Мы видали немало таких. Лично я готов в любой момент отрубить щупальца тем, кто протягивает их к Карабаху.

АДЕЛЯ. Жаль, что у нас нет бомбы, хотя бы одной. Может, тогда у нас наступил бы мир.

АЛЬБЕРТ. Нет, ребята, думаю, что нам бомба точно не нужна. Напротив, все существующие в мире бомбы должны быть уничтожены раз и навсегда. Нам нужны не бомбы, а книги, наука, культура… Я думаю, что *(с видом профессора)* война – это никем не регулируемая сила. Беда приходит тогда, когда эта сила направлена не на созидание, спорт, науку, книги и счастье человека, а на разрушение. Она рушит целые города, сравнивает с землей дома, фабрики и заводы, истребляет целые народы. Это можно сравнить с землетрясением. Психологическая, экономическая и политическая нестабильности в обществе, проводимые властью недемократические выборы в итоге приводят к напряжению, т.е. к войне. Складывается впечатление, что эти страны компенсируют свои недостатки посредством войны.

АЙДЫН. *(положив руку на плечо Альберта).* Большое спасибо, уважаемый Альберт, да ты, оказывается, настоящий профессор.

АРЗУ. Ребята, уже поздно, не будем утомлять Альберта. Он отправляется на фронт.

АДЕЛЯ. На самом деле, мы совсем забыли, что через несколько дней Альберт будет смотреть на мир из собственного танка.

Ребята прощаются и уходят. Остается только Арзу.
Свет на сцене медленно гаснет.
В этой темноте Альберт и Арзу постепенно становятся невидимыми.

***

Утро следующего дня. 9:00. Во дворе дома Альберта многолюдно. Все население поселка Амирджан собралось здесь провожать Альберта на фронт. Саадат, Джамиль, Айдын, Аделя и Арзу взволнованы. Машина Альберта под аплодисменты трогается с места. Кто-то плачет, некоторые выливают ему вслед воду.

Картина третья

Город Шуша...Солдаты собрались возле Альберта. Они что-то обсуждают. Некоторые курят в сторонке. Вдалеке слышны выстрелы. На город опускается туман. Звучит грустная песня. Вершины гор покрыты туманом. Кто-то пытается связаться с Баку. Рация, похоже, работает плохо. «Господин генерал, господин генерал, одну минутку, господин генерал, вы меня слышите? Баку, Баку, Баку, мы здесь. Войска отступают. Возможно, это диверсия. Шуша осталась без защиты. Со стороны Ходжалы... Да-да, войска скапливаются. Наши еще не заняли своих позиций».

Слышны отдельные голоса: «Дайте сигарету, внутри все горит, у меня сын родился… Мы должны защитить Шушу, и я назову сына в честь города …»

Альберт отходит от солдат и глядит вдаль. До него доносится голос матери: «Держи свою лошадь и оружие в чистоте».

АЛЬБЕРТ *(про себя).* Стало быть, армяне сегодня войдут в Шушу. *(Сделав пять-шесть шагов вперед, он останавливается.)* Только взгляните на их флагманский танк. Значит, они войдут в Шушу с «почетным» армянским флагом на танке. *(Солдаты вокруг готовятся к обороне, издалека доносится гул. Один из солдат приветствует Альберта и с волнением докладывает.)*

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. Товарищ командир, армяне медленно подходят к Шуше.

ВТОРОЙ СОЛДАТ. Товарищ командир, на головной танк водружен армянский флаг.

ТРЕТИЙ СОЛДАТ. Товарищ командир, мы готовы к бою.

АЛЬБЕРТ. Мне уже обо всем известно, я вижу их как на ладони. Пусть вражеские танки встанут плотно друг к другу, и тогда мы разом подорвем два-три танка.

Альберт слышит тёплые, родные голоса, на его лице играет улыбка.

ГОЛОС АДЕЛИ. Альберт, я хочу поехать в Шушу, ты меня туда отвезешь?

ГОЛОС АРЗУ. Альберт, пусть обручальные кольца никогда не касаются спусковых крючков.

ГОЛОС АННЫ. Я боюсь войны, вдруг она разлучит нас.

ГОЛОС САДАТ. Товарищ командир, возьми этот цветок и воткни его в ствол танка, пусть на него сядут пчелы.

Альберт улыбается.

ГОЛОС САДАТ. И не говори, что цветок завянет в стволе танка, мол, не хватит кислорода, цветок может цвести и там.

ГОЛОС АЙДЫНА. Надеюсь, что на моей свадьбе будет на трубе играть сам Альберт.

Улыбается.

ГОЛОС ДЖАМИЛЯ. Альберт, оставь мне место возле себя.

ГОЛОС ИЗ ИЗРАИЛЯ. Ситуация в Азербайджане сложная, переезжайте в Израиль.

ГОЛОС МАТЕРИ АЛЬБЕРТА. Нет, о чем ты говоришь? Азербайджан – наша родина.

ГОЛОС АЛЬБЕРТА. Я всегда готов отдать свою жизнь за родину – Азербайджан.

Альберт следит за танком с армянским флагом под номером 422, который направляется в сторону Шуши. Номер 422 ему хорошо знаком. Это номер красного автобуса в Баку, следующего из Ахмедлы в Ясамал. Альберт часто ездил на нем со своей тетей, которая тогда жила в Ясамале. Но теперь этот номер стал для него вражеским. Внезапно загрохотали танки. Солдаты бегут куда-то. Вдалеке слышны голоса бойцов вперемешку с оружейными залпами… Внезапно огонь прекращается. Солдаты устало входят в казарму. Двое солдат вносят носилки с телом Альберта и ставят ее посередине казармы.

КОМАНДИР *(с горечью).* Всеми любимый нами командир танка Альберт Агарунов героически погиб при обороне Шуши... Он подбил танк под номером 422, который пытался войти в Шушу. Им были уничтожены командир танка Гагик Авшарян, механик-водитель Ашот Аванесян и стрелок-артиллерист Шаген Саргсян. Ранее Альберт уже проявил героизм в боях за Ханкенди, Джамилли и Дашалты. Память о нем будет жить вечно в сердцах азербайджанского народа.

Раздаются выстрелы в честь Альберта Агарунова.
Затем солдаты, стоящие в строю, выходят вперед по одному.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. Да здравствует Национальный Герой Азербайджана Альберт Агарунов!

ВТОРОЙ СОЛДАТ. Слава Герою Альберту Агарунову, награжденному орденом «Сын Отечества!»

ТРЕТИЙ СОЛДАТ. Да здравствует Альберт Агарунов, награжденный орденом «Ази Асланова!»

Молитву одновременно читают мулла и раввин,
затем откуда-то раздаются голоса.

ГОЛОС АДЕЛИ. Альберт, я хочу поехать в Шушу, ты меня туда отвезешь?

ГОЛОС АРЗУ. Господин Альберт, пусть обручальные кольца никогда не касаются спусковых крючков.

СНОВА ГОЛОС АРЗУ. Быстрее надень кольцо на палец своей возлюбленной, товарищ командир.

ГОЛОС АННЫ. Я боюсь войны, вдруг она разлучит нас.

ГОЛОС САДАТ. Товарищ командир, возьми этот цветок и воткни его в ствол танка, пусть на него сядут пчелы.

СНОВА ГОЛОС САДАТ. И не говори, что цветок завянет в стволе танка, мол, не хватит кислорода, цветок может цвести и там.

ГОЛОС АЙДЫНА. Надеюсь, что на моей свадьбе на трубе будет играть сам Альберт.

ГОЛОС ДЖАМИЛЯ. Альберт, оставь мне место возле себя, согрей землю до моего прихода.

Действие второе

Странное жуткое место. Временами раздается крик совы. Двое в белых одеждах медленно бредут по сцене. Неожиданно они сталкиваются друг с другом лицом к лицу. Один из мужчин узнает другого и внезапно отскакивает назад. Глядя друг на друга, они кружатся по кругу под звуки тревожной музыки. Иногда они отходят друг от друга, а затем снова приближаются.

ГАГИК. Альберт, Альберт, это ты? (*Альберт не отвечает. Они снова кружатся. Гагик без умолку говорит.)* Альберт, ответь, мне страшно, я боюсь. Здесь нет никого, кроме нас. Я уже несколько лет нахожусь здесь и ни разу не встретил ни одного живого человека. Я устал искать людей. Увидев тебя, я так обрадовался. *(Тянет к нему руку.)* Альберт, скажи что-нибудь. Я знаю, что зовут тебя Альберт. Мы оба родом с Кавказа. *(Подходит к нему.)* Ответь, Альберт, прошу тебя *(Альберт молчит, стиснув зубы и сжимая кулаки. Испугавшись, Гагик хочет убежать.)* Альберт, не делай так, мне страшно. У меня в детстве были судороги. Я терял сознание. Соседи поднимали шум. Прибегала тетя Сара и приводила меня в чувство. Всякий раз, когда я приходил в себя, моя голова лежала на ее коленях. Я всегда ел ваш хлеб. *(Лицо Альберта принимает более суровое выражение.)* В конце концов, мы люди, Альберт. Даже если сейчас мы и не являемся людьми, но мы были ими когда-то. Мы были кавказцами.

Альберт набрасывается на него.

АЛЬБЕРТ. Ты никогда не был человеком, ублюдок. Ты жалкая подделка.

ГАГИК. Альберт, если я не человек, то почему задыхаюсь? *(Сильно кашляет.)* Видишь, мне не хватает воздуха. *(Тянет Альберта за рукав.)* Хватит, брат, отпусти меня, давай станем друзьями, давай станем друзьями. Ведь ты же не азербайджанец, ты еврей. Мы воевали против азербайджанцев. Мы никогда не стреляли в евреев и никогда не сделаем этого.

Альберт несколько раз бьет его коленом в подбородок.

АЛЬБЕРТ. Я еврей, но родился в Азербайджане. Азербайджан – моя родина. Я ел хлеб этой земли, пил ее воду. Ты что-нибудь знаешь о поселке Амирджан?

ГАГИК. Да, я слышал о нем. Говорят, красивое место. *(Альберт снова бьет его коленом в подбородок.)*

АЛЬБЕРТ. Как насчет Саттара Бахлулзаде? Ты знаешь, кто это?

ГАГИК. Да, конечно, знаю. Мы собирались украсть его картины, но ты убил меня. *(Альберт снова бьет его коленом в подбородок.)* Напрасно ты убил меня, Альберт, ты помешал сбыться моим мечтам.

АЛЬБЕРТ. Смотри, я вот из того поселка. Я там вырос, ходил в школу, влюблялся и был любим, играл в футбол, в общем, был счастлив. Любовь к этой стране не позволила бы мне пропустить вас в Шушу.

Альберт отпускает Гагика.
Гагик оглядывается, словно высматривает кого-то.

ГАГИК *(протягивает руку к Альберту).* Ты подбил мой танк. Я не думал, что ты решишься на это, ты же еврей. Наши отношения с евреями всегда были хорошими.

АЛЬБЕРТ *(грозит ему пальцем).*Ты пришел сюда, чтобы водрузить над Шушой армянский флаг. Разве у этой страны нет своего флага? У нас есть свой флаг, смотри. *(Альберт поднимает руки к небу.)* Он намного выше вашего. Трехцветный флаг, который не претендует на чужие земли.

ГАГИК. Подожди, не расхваливай свой флаг. Ты знаешь, что произошло потом? Мы *(оглядывается по сторонам, тихим голосом.)*, армяне, установили мой танк на высоком холме в виде монумента и водрузили на нем флаг. Прямо на въезде в Шушу.

АЛЬБЕРТ. Ну и что... Не подобает человеку выставлять напоказ танк оккупационных войск.

ГАГИК *(проходит вперед, заложив руки за спину и вытягивая вперед лысую голову).* А где твой танк, Альберт? Да, где твой победный танк, который меня подбил?

АЛЬБЕРТ. Ты его не увидишь, несчастный. Мой танк находится на своей земле, в родном Баку. Он установлен на высоком постаменте, а твой танк (*Альберт сжимает кулак, замахивается на Гагика.)* стоит на чужой земле, на въезде в мою Шушу. И потому ты оккупант *(еще больше разозлившись)*, ты захватчик... подлец и мерзавец ...

ГАГИК *(чуть громче).* Когда же твой танк прибудет в Шушу? Кто поведет танк? Ты же умер и не сможешь снова вернуться в тот мир.

АЛЬБЕРТ. Не волнуйся. У нас есть тысячи сыновей, которые поведут мой танк в бой. Скоро он войдет в Шушу и сравняет с землей твой танк, а затем пойдет прямо на Иреван, на землю наших предков.

ГАГИК *(вдруг о чем-то вспоминает, стучит себя по лбу, пытаясь вспомнить).* Подожди, подожди, брат, я вспомнил, что убил меня ты. А кто убил тебя? За твою голову давали пять миллионов. Хотя бы кто-нибудь получил эти деньги? (*Опускает голову.)* На самом деле эти деньги должен был получить я, но ты помешал мне. *(Затем, повернувшись в сторону.)* Теперь двое моих детей остались сиротами. Я даже не знаю, что теперь с ними стало, где они? Может, они просят милостыню на улицах Еревана. *(Смотрит на свою одежду, затем, выпрямившись в полный рост, как бы оправдываясь.)* На самом деле меня тоже считают мучеником. *(Голос понижается... становится жалким.)* Так или иначе, но сейчас мои дети голодают. Каждую ночь я вижу их во сне. *(Гагик рыдает, бьет себя по голове и по коленям, падает, валяется по полу, ползает на коленях, некоторое время лежит неподвижно, затем снова ползает на коленях, смотрит на Альберта снизу вверх.)* А тебя, как я слышал, сделали Национальным Героем, поставили тебе памятник, похоронили на Аллее почетного захоронения. А что мне... что они сделали для меня? Ничего... Каждую ночь могила моя протекает и мерзнут ноги. Мои дети попрошайничают на улицах.

Альберт глядит на небо, словно что-то ищет.
Он словно пытается как-то облегчить страдания Гагика.

АЛЬБЕРТ *(протягивая руку Гагику).* Что ты забыл на нашей земле... Ты же знаешь, что тех, кто зарится на чужие земли, наказывают.

ГАГИК. Мне очень жаль... *(Обхватив голову руками, глубоко вздыхает. Затем, подняв голову, умоляюще смотрит на Альберта.)* Интересно, сможем ли мы вернуться в тот, покинутый нами мир?

АЛЬБЕРТ. Не думаю. Ты хоть знаешь, где мы? Чтобы попасть в тот мир, нам не хватит и целой человеческой жизни.

ГАГИК. Вот бы вернуться обратно и начать все сначала... Знаешь, Альберт, ты обрел душевный покой, и поэтому ты спокоен. Но у меня в душе словно собака воет. Она рычит, кусает мою плоть и душу. *(Он щиплет себя за руку.)*

АЛЬБЕРТ. Почему ты хочешь вернуться в тот мир? Люди с трудом избавились от тебя. Теперь они спокойно дышат. Ты снова хочешь отравить им жизнь?

ГАГИК. Альберт, брат...

АЛЬБЕРТ *(отскакивает назад).* Не называй меня братом, урод.

ГАГИК *(умоляющим взглядом).* Разреши называть тебя братом, Альберт. Я сожалею о том, что сделал. На мне столько грехов. *(Внезапно становится перед Альбертом на колени и обнимает его за ноги.)* Я хочу вернуться в тот мир, сбросить свой танк с того холма, отвезти его в Ереван и зарыть там в землю. Мне не нужен этот танк. Зачем он мне, если мои дети будут попрошайничать на улице, а мой однополчанин Самвел будет развлекаться с моей женой? Зачем он мне нужен, зачем, зачем?.. Тот танк, танк, танк, танк. *(Голос эхом разносится повсюду.)*

АЛЬБЕРТ. Не строй из себя шута, Гагик. Ты стараешься обелить себя, говоришь, что сможешь что-то изменить, вернувшись обратно. Но, возможно, наши уже давно сбросили твой танк в яму, и теперь он где-то гниет под землей.

ГАГИК *(вновь обнимает за ноги Альберта и трется лбом о его колени).* Хорошо, хорошо, я согласен. Лишь бы мои дети не попрошайничали. *(Пауза.)* Альберт, я словно схожу с ума, постепенно обо всем забываю и помню только о своих грехах. Когда ты меня ударил, я положил руку на грудь. *(Потирает рукой грудь.)* Я увидел кровь, во рту появился ее привкус, что-то горячее растеклось по телу, меня знобило и мучила жажда. В этот момент стоны ходжалинцев лавиной обрушились на меня.

На сцене слышны крики и стоны людей. Гагик обхватывает голову руками и падает на землю. Мольбы Гагика заглушают все остальные звуки.

АЛЬБЕРТ. Эй, Гагик, пес поганый. *(Пинает Гагика ногой.)* Ты знаешь, как болит моя душа?

ГАГИК. Озноб, лихорадка, гной, кровь, холод, мороз, Сибирь... *(Пытается встать, но не может, снова пытается встать, но падает. Вновь силится встать. Протягивает руки Альберту.)* Прошу тебя, дай мне руку.

Альберт, брезгливо морщась, отходит от него.

АЛЬБЕРТ. Не только озноб, лихорадка, гной, кровь. Еще и твои грехи, твоя жестокость и нечестность ...

ГАГИК. Ты прав, Альберт, меня мучают грехи, которые я совершил в том мире. Хорошо, что ты убил меня, Альберт, на мне так много грехов, но я больше никогда не совершу их снова. *(Замолкает.)* В тот вечер, когда я находился в Ходжалы, нам было приказано всех уничтожить. Я увидел бегущую по лесу женщину.

Освещается противоположная сторона сцены. Полумрак. Звучит жуткая музыка. Слышны крики диких животных. Иногда завывает ветер. Грохочет небо. Женщина с ребенком в руках бежит то в одну, то в другую сторону.

ЖЕНЩИНА. Эй, люди, где вы? *(Голос ее раздается эхом.)* Эй, люди, люди, люди… Я человек, я одна, мне страшно, эй, люди, где вы прячетесь, выходите, люди! *(Ее голос умолкает, затем эхом раздаются крик и плач ребенка. Женщина с любопытством глядит по сторонам.)* Эй, люди, выходите из своих укрытий, эй, люди! Я человек, я человек… Люди, Ходжалы сожгли. Почему вы не пришли на помощь?

Внезапно доносятся жалобные звуки азана. Женщина протягивает руки на этот звук. Он будто бы притягивает ее к себе. Младенец заливается плачем.

ЖЕНЩИНА *(тихо шепчет).* О, Боже, как ты далек от нас! О, Боже, как ты далек от нас! Бог мой, как ты далек от нас!

Звуки азана усиливаются. Через некоторое время раздается грохот танков и орудий, сотрясающих все вокруг. Женщина, прислушиваясь к звукам азана, поднимается в небо при свете луны и исчезает.

В полумраке слышны шаги солдат. Гагик ходит из одного конца сцены в другой с бутылкой водки в руке, неприлично громко смеясь. Он никак не может успокоиться.

ГАГИК *(пьяный, с ножом в одной руке и бутылкой водки в другой выходит в центр сцены).* Ха-ха-ха-ха... Я только что убил азербайджанского ребенка. Знаешь, мне очень нравится убивать людей. Так его!.. Сначала я омыл руки кровью ребенка, затем выпил горсть его крови. Прекрасный вкус... Вы не пробовали такое. Откуда вам знать об этом, несчастные? (*Вновь освещается сторона, где стоит Альберт. Гагик падает к ногам Альберта.)* Меня научил пить кровь мой учитель Гарик, когда я еще учился в старших классах. Он был также и моим родным дядей. Каждый день на уроках мы говорили с ним об убийстве людей, получая от этого немалое удовольствие. В конце концов, эти удовольствия привели к тому, что нервы моего дяди сдали. Мы отвезли его к психиатру в Горис. Молодая русская девушка-врач сказала, что он психически нездоров. Желание убивать и получать от этого удовольствие вызвало у него психическое расстройство. *(Освещается правая сторона сцены. Разъяренный Гагик крепко хватает за горло врача.)* Убирайся отсюда, мерзавка. Получается, что мы все больны? Может, вся наша страна больна? А может, все армяне психически ненормальные, да? Если это так, то почему вы едите армянский хлеб? Убирайся из нашей страны, я даю тебе на это полчаса. *(Сжимает девушке горло.)* Какая у тебя красивая шея, так и хочется полоснуть по ней ножом. *(Доктор кричит.)* Ты очень красивая и белолицая, и кровь, видимо, у тебя сладкая. Я выпью твою нежную, богатую витаминами кровь, что даже не почувствуешь. (*Освещается левая сторона сцены. Гагик обнимает Альберта за колени. Чем дальше, тем больше его трясет под ритмичную музыку.)* Альберт, посмотри на меня, это та кровь, которую я пил. Эта кровь теплая, кровь, кровь, кровь, кровь... *(Гагик снова обнимает за ноги Альберта.)* Умоляю тебя, Альберт, не дай мне снова умереть, спаси меня, я боюсь смерти.

АЛЬБЕРТ. Я тебя уже убил однажды и не смогу убить во второй раз.

ГАГИК. Как хорошо, что ты убил меня, Альберт. Я благодарен тебе. *(Оглядываясь.)* Мой родной дядя и учитель научил меня пить кровь людей, а его, в свою очередь, научил пить кровь его учитель. *(Снова вздыхает.)* Однажды учителя моего дяди отвезли в Москву к врачу. Врач сказал, что тот серьезно болен. Затем тот учитель совсем взбесился, стал лаять на соседей и высасывать кровь из ран соседских детей. Он не мог жить без крови. *(Снова оглядывается.)* Ради чего мы убивали людей, ради земли? А это все кому принадлежит? Здесь нет хозяина. *(Обводит рукой вокруг.)* Посмотри, как велик мир, там всем хватит места. Мы же ненасытны. *(Повернувшись к Альберту).* Когда-то вам принадлежал Зангезур, и мы отобрали его у вас силой, мы захватили Гёйчу, Ведибасар, зачем, ради чего? Сейчас там, в Ереване, мои дети попрошайничают, а жена работает посудомойкой в столовой моего друга, а затем каждую ночь укладывает его спать. *(Кричит.)* Верните меня в тот мир, я хочу сбросить свой танк на землю. Я совершил ошибку, кровь, которую я пил, не оставляет меня в покое. Я распадаюсь на части, я умираю, потому что у меня в жилах течет кровь невинных детей. *(Потирает живот.)* Мои учителя и мой дядя научили меня пить кровь.

АЛЬБЕРТ. А наши учителя в Баку и Амирджане нас этому не учили. Они учили нас любить родину и защищать людей. Ведь человек – венец мироздания.

ГАГИК. Ты прав, Альберт, в Ходжалы, в том лесу, потерявшая дорогу женщина кричала изо всех сил, звала людей, ее голос до сих пор звучит у меня в ушах.

Правая сторона сцены слабо освещается.
Взбесившийся Гагик с ножом в руке пытается поймать женщину.

ЖЕНЩИНА *(с криком).* О, люди, выходите из своих укрытий, я боюсь, я одна. Эй, люди, где вы? Вы же существуете, существовали и будете существовать в этом мире. Куда вы делись?

ГАГИК. Я тот человек, которого ты ищешь. Ха, ха, ха, ха... Иди сюда, иди, я тот, кого ты ищешь. В мире, кроме нас двоих, никого нет. Ха, ха, ха, ха... (*Женщина вздрагивает. Загорается левая часть сцены, Гагик бьется головой о ноги Альберта.)* Она искала людей, что я наделал, подлец? Я силой отобрал у нее ребенка. *(Вновь загорается правая часть сцены. Женщина пытается удержать ребенка, разъяренный Гагик силой отбирает его у нее.)* Отдай мне ребенка. Врач прописал мне пить детскую кровь. Ха, ха, ха, ха... *(Снова загорается левая сторона сцены, Гагик обнимает за ноги Альберта и рыдает.)* Я забрал ребенка у матери, отрезал ему голову и выпил кровь. Женщина застыла на месте, оцепенев от ужаса. В ее глазах читался немой вопрос.

Вновь загорается правая сторона сцены. Женщина громко рыдает.

ЖЕНЩИНА. Нет, нет, ты не человек. Я не знаю таких людей, как ты. Нет, нет, нет... Я искала не тебя. Есть на свете еще хорошие люди, я встречала таких людей и любила их... Куда они теперь исчезли? Ай, Аллах, ай, Аллах, ай, Аллах...

Снова загорается левая сторона сцены. Гагик целует ноги Альберта.

ГАГИК. Затем она вознеслась на небеса. *(Гагик описывает рукой ее вознесение.)* Она вознеслась на небо с ребенком на руках, туда, откуда доносились звуки азана. В конце концов, это я убил этого ребенка. (*Гагик стучит руками по полу.)* Жаль, Альберт, что ты тогда не убил меня.

АЛЬБЕРТ. Я не убийца. Нас не учили убивать. В том мире мы защищали свою страну и свой народ, и только поэтому я убил тебя.

ГАГИК. Альберт, пожалуйста, помоги мне. Возьми меня за руку и отведи к врачу. *(Хватаясь за колени Альберта.)* Позволь мне называть тебя братом. Не оставляй меня здесь одного.

АЛЬБЕРТ. Нет, не называй меня братом. Пока ты не очистишь свое тело и душу от чужой крови, пока не станешь человеком, я не протяну тебе руку помощи.

ГАГИК. Альберт, разве я теперь не человек?

АЛЬБЕРТ. Нет, ты пока еще армянин.

ГАГИК. Но как же мне избавиться от этих мук?

АЛЬБЕРТ. Это сделать трудно. Душа твоя грязная, и ты должен страдать еще тысячу лет, чтобы очиститься от этой крови.

ГАГИК. Ты прав, прав. Пожалуйста, не убивай меня снова, Альберт. Я не хочу тебя потерять.

АЛЬБЕРТ. Я же сказал, что здесь нет смерти, смерть осталась в том мире.

Гагик ложится на пол и начинает рыдать.

ГАГИК *(протягивает руку в противоположную сторону).* Если возможно, верните меня обратно в тот мир. Я сброшу свой танк с того холма, а затем спасу своих детей от попрошайничества. *(Умоляюще смотрит на Альберта.)* Знаешь, как я любил свою жену? Когда-то мы вместе учились в одной школе в городе Сисиан. Каждый раз, когда я ее целовал, она отталкивала меня, говоря, что чувствует исходящий от меня запах крови. «Иди, вымой рот», – говорила она мне. Сколько я ни мылся, все было бесполезно. Запах крови не покидал меня. (*Опираясь локтями о пол, словно выпытывает какой-то секрет).* Да, ты меня убил, а кто убил тебя, а?

АЛЬБЕРТ. Меня убили твои же, из снайперской винтовки, прямо в грудь…

ГАГИК. Да отсохнут их руки, разве человек может убивать себе подобных? И как только поднялась рука?

АЛЬБЕРТ. На самом деле они не убили меня. Да, они меня не убили, потому что я был невиновен. Я защищал свою страну, свою землю, свою родину, свой народ.

Пауза. Альберт, сдерживая слезы, смотрит то вверх, то вниз.

ГАГИК. Прости, Альберт, что я напомнил тебе о смерти. Ты, видимо, испытал тогда адскую физическую боль.

АЛЬБЕРТ. Нет, на самом деле я погиб с честью. (*Снова пауза. Альберт смотрит на землю, кружится на месте, словно что-то ищет. Внезапно протягивает руки вперед.)* Твои солдаты убили и моих товарищей.

ГАГИК. Да отсохнут их руки. *(Плачет, затем про себя.)* Если бы я смог вернуться, я бы задушил их своими собственными руками. Да говори же, говори, что было потом?

АЛЬБЕРТ. Может быть, подумал я тогда, они не погибли, а ранены. Я хотел было броситься им на помощь, но мой командир не разрешил. Сказал, что положение тяжелое, не уходи, армяне могут убить тебя, а наши ребята, скорее всего, уже мертвы. Я ослушался приказа командира и отправился на помощь. Когда я подбежал к ним, один из них был еще жив. Увидев меня, он сказал: «Альберт, я знал, что ты придешь». Затем он скончался. Когда я выносил их тела из зоны обстрела, в последний момент пуля попала прямо мне в грудь. Мой командир, обняв меня, сказал: «Я же говорил тебе, не ходи туда, они уже давно мертвы». Кажется, я ответил ему: «Товарищ командир, я услышал такие слова, за которые стоило умереть».

ГАГИК. Слава тебе, Альберт! У меня не хватило бы мужества. *(Ощупывает свое тело руками.)* Послушай, Альберт, ты мертв, я тоже. Так почему же меня знобит, я весь дрожу, у меня высокая температура, а ты здоров и полон сил, ведь мы мертвы...

АЛЬБЕРТ. На тебе много грехов, Гагик. Ты позарился на чужие земли, убивал невинных людей и младенцев в Ходжалы, поэтому ты в таком состоянии. Я же этого не делал и только стрелял в тех, кто хотел захватить наши земли.

ГАГИК. Где теперь твоя родина, Альберт? Ты теперь находишься здесь и никогда не сможешь вернуться обратно. Стоило ли за это умирать?

АЛЬБЕРТ *(пытается объяснить что-то Гагику, но заикается. Затем говорит четким и медленным голосом).* Гагик, между нами есть большая разница. Во-первых, ты умер на чужой земле. Что ты забыл там? *(Как бы угрожая ему.)* Ты напал на чужую землю, а я *(встает, с гордостью)* сражался за свою землю. *(Затем, встав на колени, хватает Гагика за горло.)* Ты меня спрашиваешь, где теперь моя родина? Смотри, мои братья и сестры не просят милостыни в моей стране. Они живут там свободно и счастливо. Твои же дети попрошайничают на улице, а жену твою каждую ночь возят по различным отелям. Ты погиб на чужой земле, а я – на своей. Вот в чем разница.

Альберт еще сильнее сжимает горло Гагика, тот кричит.

ГАГИК. Отпусти, отпусти меня. *(Пытается вырваться из рук Альберта.)* Не души меня, я не хочу умирать, я хочу жить. *(Бьется лбом о пол.)* Пожалуйста, верни меня обратно. Я заберу свой танк и покину Шушу. *(Начинает выть, как шакал. Затем, повернувшись лицом в зал, обхватывает свой живот.)* Не оставляйте меня, помогите, я больше не выдержу этого. *(Роет ногтями землю, иногда подносит пальцы ко рту и грызет ногти. Дрожит все сильнее. То мерзнет, то его охватывает жар, и он рвет на себе одежду, временами его душит сильный кашель. Ему трудно дышать. Глаза расширяются. Внезапно он поворачивается к Альберту.)* Брат, помоги мне, мое тело изнывает от боли. Я будто бы что-то проглотил. Я задыхаюсь. Я ненавижу себя. *(Затем колотит кулаками по полу и громко кричит.)* Хотел бы я вернуться хотя бы на денек обратно, смыть все свои грехи, сбросить танк с вершины того холма и вернуться к себе на родину. Я собрал бы своих детей под одной крышей и не позволил бы жене работать на кого-то, не позволил бы протирать обувь армянским офицерам. *(Снова колотит кулаками по полу.)* Я бы своими руками задушил тех, кто заставляет попрошайничать моих детей. Это я привел их к власти. И вот чем это закончилось: голод, попрошайничество, нищета... *(Обращаясь к Альберту.)* Ты знаешь, какая у меня красивая дочка? Когда я приехал домой, ей тогда было всего семь лет. У нее были шелковистые волосы и красивые белые руки, словно излучающие сияние. Она похожа на девушку, которую я убил в Ходжалы. *(Колотит кулаками по полу.)* Что я наделал? *(Приложив палец к подбородку, задумывается.)* Как-то я услышал новость о том, что ваши нашли в лесу маленькую армянскую девочку. Она оказалась дочерью моего друга Ашота. Ашот так плакал, что… Он носил фотографию дочери в кармане, часто вынимал ее и нюхал. Когда он услышал, что его дочь жива, что ее накормили и дали ей теплую одежду, он громко завопил… Он назвал меня подлецом и, бросив оружие, навсегда покинул Карабах. Я больше никогда не буду стрелять в ту сторону. *(Он всхлипывает.)* Но посмотрите, что я наделал? Я убил ребенка. *(Начинает рыдать, потом поворачивается к Альберту.)* Однажды наши поймали и привезли из села Джамилли азербайджанского ребенка. Отца его мы схватили еще раньше и привязали к стволу большого дерева. Прямо на глазах отца мы отрубили ребенку голову. Его отец громко кричал, наблюдая за происходящим. Затем он вдруг замолчал, кажется, умер от разрыва сердца. *(Гагик встает, затем садится. Бьет себя по голове.)* Убивать и резать головы меня научил мой дядя. *(Протирает глаза.)* Теперь я думаю, выдержу ли я, если на моих глазах моей маленькой дочурке отрежут голову и выпьют ее кровь? Ни один отец не выдержит такого. *(Умоляет Альберта.)* Альберт, родимый, убей меня снова. Я приму любое твое наказание. Отруби мне голову, пусть моя кровь стекает. Отдели мою кровь от крови того младенца, пусть она превратится в красную птицу и улетит в рай. *(Обращается к Альберту.)* Я очень мерзкий человек. Мои грехи никогда не оставят меня в покое. А ты спокоен, потому что совесть твоя чиста.

АЛЬБЕРТ. Я не могу тебе ничем помочь. На самом деле, нет того места, где я мог бы помочь тебе. Ты не сможешь вернуться в тот мир. Мы навечно разлучены с ним. Тем, кто совершал благие дела, здесь спокойно, ну а тем, кто совершал грехи, здесь никогда не будет покоя. *(Оглядываясь по сторонам.)* Что же касается танка, то ты не волнуйся, его уже давно сбросили с того холма наши солдаты. Теперь он стоит возле Еревана, и ствол его пушки нацелен прямо на город. *(Слегка похлопывая Гагика по спине.)* Может, наши солдаты спасли и твою дочь, купили ей красивую одежду и устроили на хорошую работу твою жену. Девочка каждое утро ходит в школу в Ханкенди, которая расположена на улице, носящей мое имя.

ГАГИК *(обрадованно.)* Альберт, ты говоришь правду? Я знаю, что это так. Если я когда-нибудь смогу вернуться в тот мир, я буду жить в ваших краях. Говорят, у вас очень красиво, особенно поселок Амирджан. Белый и черный виноград, инжир...

АЛЬБЕРТ *(перебивает его).* Откуда ты знаешь про поселок Амирджан? Ты несколько раз упомянул его.

ГАГИК *(начинает выть по-собачьи, затем скулить и лаять)***.** Моя сестра жила в вашем поселке Амирджан.

АЛЬБЕРТ. В нашем поселке?

ГАГИК. Да, она там родилась, ходила в школу, была медсестрой.

АЛЬБЕРТ. Скажи мне, как ее зовут...

ГАГИК. Анна, моя прекрасная сестра Анна.

Альберту становится невыносимо грустно, он падает на землю.

АЛЬБЕРТ. А где сейчас находится Анна?

ГАГИК. Она покончила с собой, повесившись на дереве.

АЛЬБЕРТ *(кружится на месте).* Почему она это сделала ?

ГАГИК. Она никак не могла забыть ваш поселок и ее жителей. Часто разглядывала фотографии, привезенные оттуда, и плакала. Я заставил их уехать. *(С сожалением.)* Мне было приказано это сделать. От меня требовали, чтобы я перевез в Ереван сестру и мать. *(Погрузившись в мечты.)* В то время, когда мама развелась с моим отцом и я остался жить с ним, Анна еще не родилась. Хотя они разошлись, моя мать каждый день получала от отца удары и пинки. Не выдержав побоев, она, несмотря на беременность, уехала в Гянджу, а затем в Амирджан, где и родилась Анна.

АЛЬБЕРТ. Подлец, мерзавец. Мы с Анной учились в одном классе в средней школе. Она была чистой и хрупкой девушкой. Тебе не следовало дотрагиваться до нее своими руками, пропахшими кровью. Если бы я знал об этом, то отрубил бы тебе обе руки.

ГАГИК. Альберт, мои руки стали моими врагами. *(Плачет, всхлипывая, иногда бьет себя по голове.)* По моему настоянию в 1988 году в Ереван приехали моя мама и Анна. Мы все обставили таким образом, будто ваши люди, избив мою мать и сестру, выгнали их из Амирджана. Об этом даже писали местные газеты. Да, каждый день моя сестра разглядывала фотографии и плакала, скучая по своим соседям и друзьям. Ее любовь к вам бесила меня безмерно, потому что я ненавидел Азербайджан.

АЛЬБЕРТ. Подлец, я жалею о том, что живу с тобой в одном мире. Сколько в тебе ненависти и злобы. Все воды мира не смогут смыть с тебя кровь. *(Обхватив лицо руками.)* Анна – великая мученица.

ГАГИК *(печально).* Смерть Анны сделала меня еще несчастнее. Нам сказали, что нужно вывезти из Азербайджана всех армян, потому что вы истребляете их. Нам даже поручили вывозить грузин. За эту работу нам заплатили большие деньги. *(Плачет.)* Однажды ночью мой друг Эдик изнасиловал Анну и свалил все на азербайджанцев. Мы хотели, чтобы люди ненавидели вас, но у нас это не получилось. Мы использовали все варианты, но люди все равно любили вас.

АЛЬБЕРТ *(встает и пинает Гагика в бок).* Подлец, мерзавец, убийца, кровопийца...

ГАГИК. Убей меня, Альберт, убей меня. *(Рыдает.)* Затем я сжег все ее фотографии. В ту ночь она повесилась, а Эдик сжег ее тело.

АЛЬБЕРТ *(пинает его по спине).* Я никогда не думал о том, что Анна армянка, Мы были просто друзьями, вместе гуляли, готовили уроки.

ГАГИК *(будто наслаждаясь пинками).* Она каждый день рассказывала о поселке, описывала его природу, говорила о доброте народа. Это плохо на нас действовало. *(Внезапно повернувшись к Альберту.)* Анна не хотела войны, она боялась войны, она хотела вернуться к Амирджан...

Тишина. Альберт обхватывает голову руками.
Гагик неподвижно лежит на полу.

Картина четвертая

Издалека доносятся звуки азана, затем звонит церковный колокол, вслед за ними повсюду разносится молитва раввина... Гагик проворно вскакивает, ищет Альберта, его глаза словно не видят. Он вытягивает руки вперед, будто пытаясь кого-то поймать. Внезапно он падает на землю и лежит неподвижно. Альберт медленно возносится к небу по полосе света. С другой стороны сцены входят люди в белом, они хаотично двигаются, бегают из стороны в сторону, а затем тяжелыми шагами пересекаются друг с другом. Через некоторое время входит человек в черном. Вновь издалека доносятся звуки азана, затем они прерываются. Вслед звонят церковные колокола, но и они замолкают. Раввин читает молитву, но и она прерывается. Люди в белом собираются вокруг человека в черном под грустную и страшную музыку. Они хотят прижаться к нему, но ужасно боятся.
Внезапно человек в черном хватает одного из людей в белом.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ *(взволнованно).* Ты армянин? Да, да, ты армянин, я тебя знаю, армянин, армянин.

ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ. Нет, я не армянин, я человек

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ *(хватает следующего за руку и тянет его к себе с хохотом).* Ага, я нашел армянина. *(Глядя ему в лицо.)* Ты армянин?

ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ. Нет, я не армянин, я человек,

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ *(вновь хватает человека в белом и отводит его в сторону).* Ты армянин?

ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ. Нет, я человек.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Может, ты тюрок?

ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ. Нет, я человек.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Может, ты грузин?

ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ. Нет, я не грузин, я человек.

Человек в черном хватает еще одного в белом.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. А кто ты по национальности, русский?

ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ. Я тоже человек.

Люди в белом раза три-четыре выкрикивают хором.

ЛЮДИ В БЕЛОМ. Мы люди, люди. Мы всегда были людьми, и сейчас мы тоже люди.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Как вас зовут, пусть каждый из вас назовет свое имя. Я внесу их в список.

ЛЮДИ В БЕЛОМ. У нас нет имен. Мы давно забыли свои имена.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Пусть каждый из вас скажет, какой он национальности?

ЛЮДИ В БЕЛОМ. У нас нет национальности, нет национальности, нет национальности. Мы люди, люди.

Один человек в белом выходит вперед.

ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ. Кто вы?

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Я Азраил, ангел смерти.

ЛЮДИ В БЕЛОМ. Кто такой Азраил? Мы вас не знаем, мы вас не знаем, не знаем.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Вы не знаете?

ЛЮДИ В БЕЛОМ. Нет, нет, нет... Мы вас впервые видим.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Ваши имена?

ЛЮДИ В БЕЛОМ. У нас нет имен.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Кто вы по национальности?

ЛЮДИ В БЕЛОМ. У нас нет национальности, нет национальности. Мы же уже сказали, что мы люди.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Вы когда-нибудь воевали?

ЛЮДИ В БЕЛОМ. Что такое война? Это слово мы слышим впервые.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Вы разве не видели кинжала, ножа, пушки или бомбы?

ЛЮДИ В БЕЛОМ *(хором).* Мы впервые слышим эти названия.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Что вы за люди? Разве вы, поубивав друг друга, не попали сюда после смерти?

ЛЮДИ В БЕЛОМ. Что такое убийство? *(Друг другу.)* Это как? Мы никогда не убивали людей? *(Раздаются хаотичные голоса.)* Мы? Я? Друг друга? Я убил тебя? Ты меня? *(Затем, повернувшись к человеку в черном.)* Что такое убийство? Мы не знаем, ведь мы люди. Разве может один человек убить другого? Мы рождаемся только один раз, раз, раз...

Звонит церковный колокол, за ним раздаются звуки азана, раввин читает молитву. Вдали виднеется статуя Альберта. Голоса людей раздаются вокруг статуи.

Картина пятая

ГОЛОС АДЕЛИ. Альберт, я хочу отправиться в Шушу, ты возьмешь меня с собой?

ГОЛОС АРЗУ. Пусть обручальные кольца никогда не касаются спусковых крючков. Скорее надень кольцо на палец возлюбленной.

ГОЛОС АННЫ. Я боюсь, вдруг война разлучит нас.

ГОЛОС СААДАТ. Товарищ командир, возьми этот цветок и воткни его в ствол танка, пусть на него сядут пчелы.

ГОЛОС СААДАТ. И не говори, что цветок завянет в стволе танка, мол, не хватит кислорода, цветок может цвести и там.

ГОЛОС АЙДЫНА. Надеюсь, что на моей свадьбе будет на трубе играть сам Альберт.

ГОЛОС ДЖАМИЛЯ. Альберт, оставь мне место возле себя, согрей землю до моего прихода.

Занавес закрывается
Конец

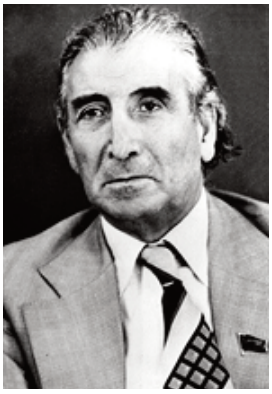
Перевод Еганы МУСТАФАЕВОЙ

В конце 2021 года в Академии наук Азербайджана прошла научная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения Народного писателя Азербайджана, академика Мирзы Ибрагимова.

Представляем читателям журнальный вариант двух выступлений участников конференции.

ИСА ГАБИББЕЙЛИ

Великая опора азербайджанской литературы Народный писатель Мирза Ибрагимов



Народный писатель Азербайджана, академик Мирза Ибрагимов известен не только как талантливый прозаик и драматург, но и как видный государственный и общественный деятель, литературовед, критик, переводчик. Наряду с необычайно насыщенной творческой деятельностью он вел активную борьбу за сохранение родного языка и национально-нравственных ценностей, полностью олицетворяя образ истинного писателя, подлинного гражданина своей Отчизны.

Мирза Аждар оглу Ибрагимов родился 15 октября 1911 года в селении Эве близ города Сараб в Южном Азербайджане. После смерти жены и малолетней дочери, отец писателя был вынужден в 1919 году, спасаясь от голодной смерти, уехать с двумя сыновьями в Баку. Очень скоро Мирза похоронил и отца, и брата. Оставшись совершенно один, он, еще ребенком, брался за любую работу: батрачил в богатых семьях, пас овец, носил воду. В 1923-1926 годах учился в начальной школе, а затем работал на нефтяных промыслах Балаханы и Забрата. В 1929 году окончил школу ФЗУ, затем в 1931 году – техникум нефтяной промышленности и получил специальность бурового мастера.

Его первые опыты литературного творчества относятся к 1930 году, когда он, работая на нефтяных промыслах, активно участвовал в рабочем литературном кружке. Тогда им был написан ряд рассказов.

Чувствуя сильное влечение к литературе и сознавая необходимость специального образования, Ибрагимов поступил на подготовительное отделение Азербайджанского ГНИИ, которое окончил в 1933 году.

В 1933-1934 годы он уже редактор газеты «Sürət», органа политотдела Нахчыванской МТС, в то же время принимает активное участие в издании «Ədəiyyat qəzeti»(«Литературной газеты»), являвшейся приложением к областной газете «Şərq qapısı» («Ворота Востока»). Созданная в этот период пьеса «Хаят» («Жизнь», 1935) принесла ему известность начинающего талантливого писателя.

После небольшого перерыва Ибрагимов окончил в 1937 году аспирантуру Института востоковедения Академии наук в Ленинграде, где в 1941 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук, посвящённую жизни и творчеству видного азербайджанского писателя Джалила Мамедкулизаде.

Являясь одним из первых действительных членов созданной в 1945 году Академии наук Азербайджанской ССР, Мирза Ибрагимов на протяжении всей жизни занимался научной деятельностью, занимая при этом высокие должности в органах власти.

Будучи начальником Управления по делам искусства при Совете Народных Комиссаров (1937-1942), затем министром просвещения Азерб.ССР (1942-1947), он вкладывал все свои силы и умение в развитие народного образования и культуры в республике.

Работая редактором издававшегося в Тебризе журнала «Vətən yolunda»(«За Родину»), Мирза Ибрагимов активно участвовал в социально-политических процессах, проходящих в Южном Азербайджане, а в 1951 году был удостоен Государственной премии СССР за роман «Наступит день», посвящённый событиям в Южном Азербайджане.

Жизнь и деятельность Мирзы Ибрагимова была неразрывно связана с Союзом писателей Азербайджана, которым он руководил в разные периоды, неустанно трудясь на ниве развития литературы, формирования её новых творческих сил.

Внося свой вклад в развитие социально-культурной жизни страны, много и плодотворно трудился писатель и на высоких государственных постах, занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР (1954-1958), был заместителем председателя Совета Министров республики (1947-1950). Именно ему принадлежат несомненные заслуги в принятии Верховным Советом республики (20.08.1956) закона «О государственном языке Азербайджанской ССР». В его статье «Азербайджанский язык в государственных учреждениях» (1956) на первый план выдвигаются вопросы, связанные с проблемой национального самосознания. Позднее центральное правительство из идеологических соображений всячески противодействовало реализации этой важной инициативы. Тем не менее, в созданном в эти годы романе «Великая опора» (1957) Мирза Ибрагимов четко выразил свою писательскую позицию, заявив о судьбоносных для нашего народа социальных проблемах.

Как писатель и общественный деятель, Мирза Ибрагимов был широко известен во всем Советском Союзе: избирался депутатом ВС СССР почти всех созывов – кроме 6-го (1962-1966) и 9-го (1974-1979), а также народным депутатом СССР (1989-1991). Ему был доверен ответственный пост председателя Комитета Советской Солидарности со странами Азии и Африки.

В качестве депутата Верховного Совета Азербайджанской ССР писатель активно участвовал в общественно-политической жизни республики. Во время официальных визитов в страны Азии и Африки он достойно представлял страну.

В 1981 году Мирзе Ибрагимову было присвоено почетное звание Героя Социалистического Труда. Ранее писатель был удостоен звания Народного писателя Азербайджана, являлся лауреатом Государственной премии. За широкомасштабную общественно-политическую деятельность ему была вручена Международная премия Джавахарлала Неру.

Народный писатель Азербайджана Мирза Аждар оглу Ибрагимов скончался в Баку 7 декабря 1993 года и был похоронен на Аллее Почетного Захоронения.

***

Народный писатель Мирза Ибрагимов начал творческую деятельность как поэт: первое его стихотворение «Пробуренная скважина» было опубликовано в 1930 году в сборнике «Апрельские огни». Серьёзную роль в выявлении художественного дара молодого Мирзы Ибрагимова сыграло участие в дискуссиях в Забратском рабочем литературном кружке, знакомство с новыми литературными силами. В изданной в 1932 году в Баку книге очерков «В стране гигантов» нашли отражение впечатления автора, полученные во время поездок в Украину и посещение шахт Донбасса, промышленных предприятий Днепропетровска. В созданных позднее публицистических образцах – «Глас народа», «Фирудин Ибрагими», «Утро наступит», «Освободительная борьба» – мастерски описаны общественно-политические процессы в Южном Азербайджане и борьба патриотов, выходцев из народа, против произвола властей.

Безусловно, Мирза Ибрагимов, прежде всего, является талантливым старейшиной азербайджанской литературы. Созданные писателем в разные периоды живые, запоминающиеся рассказы свидетельствуют о его особом интересе к данному жанру. Внимание к интересным, поучительным жизненным моментам, простота и лаконизм повествования, ясная жизненная позиция явственно характерными особенностями первых рассказов писателя. В таких рассказах начального периода творчества, как «Тревожный голос», «Поклонники искусства», «Захра», «На перепутье», «Ангел», «Беглец» и др, в основном повествуется о жизни и быте простых людей. В этих рассказах ощущается и атмосфера времени. Рассказы писателя уже в 30-х годах обратили на себя внимание читателей и литературной общественности.

Самой высшей точкой достижения творчества Мирзы Ибрагимова в жанре рассказа явился цикл «Южные рассказы». В этом цикле автор ведёт речь об эпизодах, отложившихся еще в его детской памяти, а также о событиях и людях, которых ему довелось наблюдать в Иране в первые годы Второй Мировой войны. Это первый цикл рассказов в азербайджанской литературе, посвященный Южному Азербайджану. В таких рассказах цикла, как «12 декабря», «У костра», «Азад», «Конец страданий», «Две жизни», созданы запоминающиеся образы свободолюбивых молодых людей с обостренным национальным самосознанием: таких, как Махмуд, Карим-киши, Азад, Ферда, Сусан. Благодаря этому «Южные рассказы» воспринимается как своего рода предтеча известного романа писателя «Наступит день».

«Рассказы о наших людях» по тематике и образам являются увлекательным повествованием о современной жизни. Такие рассказы, как «Сердце Медины», «Светлое село», «Баллада о человеческом сердце», «О чём говорила мне земля», «Почтальон», оставляют впечатление очерков с художественной доминантой. Народность, жизнелюбие и современность – суть и основное направление творчества писателя. Введением в свои рассказы образа «маленького человека», которого привёл в сатирическую литературу в начале XX века Джалил Мамедкулизаде, Мирза Ибрагимов как бы расширил пространство героев данного типа. Дж.Мамедкулизаде через образ «маленького человека» впервые в литературе выразил бесправное положение народа, тем самым опосредованно вызывая чувство любви и сострадания к любимому им народу и предъявляя требования о его правах. В трудных условиях господства советской идеологии и политики нивелирования национальных особенностей народов СССР, представляющих «единый» народ, многогранная деятельность Мирзы Ибрагимова, прежде всего как писателя была направлена на сохранение национального облика, языка, культурно-духовных ценностей азербайджанского народа.

В произведениях более крупного жанра Мирза Ибрагимов использовал свои творческие возможности для проникновения в глубокие пласты народной жизни. Как писатель-гражданин он в условиях советской идеологии на высоком художественном уровне раскрывал тонкости духовного мира своих героев, давал объективную картину общественно-политических событий, при этом четко высказывая свою позицию.

Южная тема в повестях писателя «Хосров Рузбех» и «Гюлябатын» освещается в органическом контексте с идеями движения Саттархана. По сути Хосров Рузбех является отважным представителем нового поколения борцов за претворение в жизнь идеалов движения Саттархана. Это достойные продолжатели дела Саттархана, заслужившего славу и имя «Sərdai-milli» («Вождь народа»).

Важное место с точки зрения расширения движения «Машрутэ» занимают образы представителей интеллигенции таких, как Нурмухаммед, Айнасы, сочувствующих национально-освободительной борьбе патриотов в Южном Азербайджане. Вместе с тем писатель отмечает, что осторожническая позиция таких, как Нурмухаммед-муаллим, явилась одной из причин ослабления национально-освободительной борьбы. В целом же в повести «Хосров Рузбех» представлена полная картина новой волны революционного движения в Южном Азербайджане.

В повести «Гюлябатын» созданы яркие образы патриотически настроенных, стремящихся к свободному будущему жителей Южного Азербайджана. Эпизод с описанием сна Гюлябатын по сути символизирует её мечты о будущем, героиня Беюкханым – это обобщённый образ формирующегося нового поколения с выраженным национальным самосознанием. Точно так же впечатление патриотически настроенного юноши производит образ Севиндика, являющегося выразителем идей самого писателя о будущем Южного Азербайджана.

В повести Мирзы Ибрагимова «Жизнь Парвиза» затронуты вопросы образа жизни, образования и воспитания азербайджанской молодёжи.

В целом, повести Мирзы Ибрагимова имеют важное значение не только в творчестве писателя, но и в контексте истории азербайджанской литературы. Являясь переходным этапом между жанром рассказа и жанром романа, повести писателя сыграли важную роль в его творческой эволюции.

Роман «Наступит день» является своеобразным итогом, художественно-публицистического этапа в творчестве Мирзы Ибрагимова и вершиной с точки зрения художественного мастерства. В данном романе, являющемся широкоформатным описанием национально-демократического движения в Иране в период и после Второй Мировой войны, как в зеркале, нашла художественное отражение социально-историческая картина и моральная атмосфера конкретной исторической эпохи.

После романа «Табриз туманный» Мамеда Саида Ордубади «Наступит день» Мирзы Ибрагимова является наиболее ценным произведением на южноазербайджанскую тему в нашей литературе. Непосредственное участие Мирзы Ибрагимова в событиях в Иране описываемого периода, личное знакомство с прототипами образов романа – всё это важные факторы, обусловившие реальную силу идейно-художественной убедительности произведения.

Главный герой романа Фирудин Ибрахими является одним из представителей патриотически настроенной молодёжи, достойным продолжателем дела Саттархана – Хиябани в Иране, взявшим на себя ответственность за руководство национально-освободительным движением. Такие герои, как Рза Гахрамани, Керимхан Азади, Хавер, Мубашир Маммад, Гусейн Мехбуси, Арбаб Ханафи, Муса киши, Сархан и др. представляют отдельные течения в общем патриотическом движении этой эпохи, что позволяет охарактеризовать исторический период, связанный с национально-освободительным движением во всех его аспектах. Все эти характеристики романа, благодаря богатой галерее образов, широкого отображения судьбоносных событий в истории становления национального самосознания, позволяют утверждать, что его главным героем является народ, народная сила.

В романе «Наступит день» представлены и образы зарубежных врагов, действовавших вместе с внутренними противниками освободительного движения в стране – в лице мистера Гарольда, фон Вальтера и др. Широкое писательское видение процессов в стране позволяет показать описываемый исторический период со всей обстоятельностью. «Наступит день», являясь историческим романом, отвечает всем требованиям и жанра социально-политического романа. В действительности историзм является одним из решающих факторов социально-политического романа. И, как явствует из названия, этот роман, наряду с отображением исторических процессов, социально-политических событий определённого периода, освещает перспективы и великого будущего. Роман «Наступит день», выдержавший несколько изданий на азербайджанском языке, также опубликован в иностранных переводах.

После развенчания культа личности роман «Великая опора» (1957, в русском переводе – «Слияние вод») стал значительным событием в литературе Азербайджана. Это одно из наиболее сильных художественных произведений азербайджанской литературы о новом историческом периоде в нашей стране, начавшемся во второй половине XX века.

Как известно, в азербайджанской литературе советского периода в жёстких рамках властвующего метода социалистического реализма и господствующих идеологических требований периода культа личности художественное отображение общественной жизни, в том числе села, страдало односторонностью. Так, в азербайджанской литературе первой половины XX века отображение сельской жизни осуществлялось на уровне двух форматов: либо в освещении темы классовой борьбы, либо строительства хозяйственной жизни на основе социалистического соревнования. Одной из проблем, стоящих на повестке дня, было отображение новой жизни и духовного облика её строителя – нового человека. В данном контексте роман «Великая опора» Мирзы Ибрагимова явился новым, важным событием в азербайджанской литературе XX века. Это был первый безукоризненный в идейно-художественном отношении роман в азербайджанской советской литературе о новой жизни села после периода культа личности. В то же время в этом произведении нашли романтическое отображение трудности послекультовой эпохи. В образе главного героя романа Рустам-киши реалистично и ярко показаны признаки культа личности и его горькие результаты. Такие качества героя, как самодовольство, невнимание к умным советам, пренебрежение к мнению других людей, приводят его к отчуждению не только от сельчан и родной семьи, но и в целом от народа, что находит объяснение в конфликте между старыми взглядами, укладом и обновляющейся жизнью. Сложными семейными отношениями Рустам-киши с трудолюбивым, открытым сыном Гарашом и искренней невесткой Майей, горожанкой с прямым характером, стараются воспользоваться активизирующиеся в такой ситуации некоторые другие персонажи, способствующие углублению конфликта. На этом фоне мастерски выписаны образы отрицательных персонажей – Ясты Салмана, Лал Гусейна, Ярмамеда, работающих на углубление противоречий между домостроевским сознанием и новыми взглядами. Здоровый климат в жизни села создают такие представители нового поколения как Ширзад, Перишан, Гызетар и др., их единомышленники – труженики с честной и открытой душой – Сакина, Телли и другие. Свежее дыхание в облик новой жизни вносят тонко выписанные в романе взаимоотношения Гараша и Майи, Гараша и Перишан. «Новая жизнь» – это не только название сельского хозяйства. Это художественное выражение авторского идеала относительно будущего страны и народа. Азербайджанский народ достиг этого идеала с завоеванием государственной независимости.

Несмотря на все трудности и противоречия в развитии конфликтной линии романа, Мирзе Ибрагимову удалось представить образ Рустам-киши в целом в положительном свете, чему способствовали такие черты характера главного героя, как присущие ему мужество, деловитость, определённая нравственная чистота, глубокая озабоченность будущим Мугани как олицетворения родной страны. Итоговой идеей, как бы подтверждающей эволюцию положительных качеств Рустам-киши, было его признание, что «нет опоры выше народа».

Знаменитый фильм, снятый в те годы на основе романа «Великая опора», и в наше время не утратил своей актуальности.

Роман «Великая опора» стал подтверждением реального права Мирзы Ибрагимова на звание Народного писателя, отстаивающего в своём творчестве позицию национальных приоритетов и современности, указывающую народу ясный путь к свободному будущему.

В романе «Перване» нашёл совершенное художественное отражение процесс исторической трансформации просветительских идей в национально-освободительное движение на фоне сложных событий трудного периода с середины XIX до начала XX веков. Выпускник Петербургского университета Сахиб-муаллим является обобщённым образом просветительской интеллигенции как ведущей силы в борьбе за просвещение народа и против невежества в Азербайджане во второй половине XIX века. Образ кузнеца Вафадара символизирует достойных представителей трудового

народа, участвующих и в общественных процессах. Хуру-ханым, мать Сахиб-муаллима воплощает в себе лучшие качества азербайджанских женщин, мужественно преодолевающих трудности и питающих большую веру в новое поколение.

Большое место в романе отведено характеристике Горийской Учительской Семинарии, сыгравшей важную роль в просвещении известных азербайджанцев, широко освещена деятельность выдающегося педагога А.О.Черняевского.

Безусловным достижением Мирзы Ибрагимова в романе «Перване» является создание образа видного государственного деятеля, большого писателя Наримана Нариманова. В лице Наримана Нариманова автор прослеживает постепенную эволюцию просветительства от идей до уровня воплощения их в движение, борьбу, мастерски вплетая выборочные события из его жизни и деятельности в сюжетную линию романа, естественным образом направляя течение событий в русло борьбы за независимость.

В романе наблюдаются и отдельные моменты классового подхода к некоторым событиям, что было неизбежным в условиях доминирования теории социалистического реализма в советской литературе. Противоположный полюс, в соответствии с идеологической традицией, в основном характеризовался представителями ханско-бекского сословия. Такие представители имущих сословий, как Ильяс-бек, Сафигулубек, Джахан-ханым и др., позиционировались инакомыслящими в отношении большевистской идеологии. Однако писатель, наряду с общественной ролью этих героев, уделяет внимание и их индивидуальным качествам. И таким образом даёт возможность читателю составить полное представление, например, о личности Ильяс-бека и его сторонников. Благодаря широкому отображению событий великой эпохи и деятельности исторических лиц роман Мирзы Ибрагимова «Перване» носит характер эпопеи.

Мирза Ибрагимов вошёл в историю азербайджанской литературы как видный прозаик, а также видный драматург. Пьеса «Хаят» (1935) представляет собой драматургическое произведение, заслуживающее серьёзного интереса с точки зрения типического конфликта и характеров: отображения противоречий начального периода большевистской эпохи, тяжелейших проблем, с которыми время столкнуло представителей нового общественного строя. Данная пьеса достойна места в одном ряду с бесценными произведениями на аналогичную тематику, созданными в 30-е годы XX века видным азербайджанским драматургом Джафаром Джаббарлы. Образ Хаят создан не только на основе жизненных наблюдений Мирзы Ибрагимова, одновременно он является своеобразным отражением жизненного идеала писателя. В то же время в представлении драматурга в основе трагедии такого персонажа как Аббас, лежит его стихийная вера и слепое служение идеалам социалистической революции а также неумение оценить навязываемые большевизмом цели.

В центре пьесы «Мадрид» (1937), тема которой связана с борьбой против фашизма в Испании в середине 30-х годов, стоит вопрос о нависшей над человечеством угрозе войны. В образах Лины и Генриха представлено соответственно противостояние идеи родины и покушающихся на её независимость реакционных сил, добра и зла, что дает ощущение глубокой веры в торжество светлых идеалов. В годы Великой Отечественной войны пьеса «Мадрид», имеющая мощное антивоенное звучание, имела большой успех в постановках азербайджанских театров.

Пьеса «Махаббат» (1941), посвящённая общественно-бытовой теме, считается драмой характеров. Содержание произведения связано с событиями жизни тыла в годы Великой Отечественной войны: новаторов в работе, преданных долгу, делу, нравственно чистых Юсифа и Махаббат, многое объединяет.

В то же время в основе конфликта лежит предательская жизненная позиция завистливых интриганов вроде Мамишова и Манафа, использующих под лозунгом «Всё для победы!» грязные методы для достижения своих личных целей.

Благодаря утверждению вечных идей верности, честности, преданности гражданскому долгу, обществу пьеса и в наше время в целом сохраняет актуальность.

В пьесе «Тлеющие очаги» (1967), посвящённой жизни и борьбе большого писателя и видного государственного деятеля поставлены важные и вечные проблемы личности и общества, художника и окружающей среды. Несмотря на наличие в произведении эпизодов, не связанных с идеалами настоящего периода государственной независимости, историческая драма Мирзы Ибрагимова является литературным образцом, побуждающим к раздумьям о негаснущих свободолюбивых надеждах азербайджанского народа, дающих веру в будущее. Пьеса «Тлеющие очаги» ценна тем, что в ней тонкими зудожественными средствами отображены проблески неугасающей идеи независимости в годы советской власти.

В творчестве Мирзы Ибрагимова, особенно в драматургии, обращают на себя внимание сатирические эпизоды и комические элементы. Что касается непосредственно комедийного жанра, здесь дают о себе знать сатирические традиции азербайджанской литературы. Следует помнить, что в формировании художественного почерка писателя заметная роль принадлежит литературной школе «Молла Насреддин». В этом плане особый успех Мирзе Ибрагимову как драматургу принесли комедии «Сельская девушка» (1962) и «Хороший человек» (1965), в которых автор с позиций своего времени ставит задачи по реформированию общества в плане борьбы с мешающими прогрессу карьеризмом, подхалимажем, отсталостью, мещанством и многими другими высмеянными в сатирических образах недостатками. Присуждение автору комедии «Сельская девушка» премии им. М.Ф.Ахундова – высокая оценка заслуг народного писателя в области развития драматургии.

Как видно, несмотря на жёсткие идеологические препоны советского периода, Мираз Ибрагимов сумел внести своим творчеством значительный вклад в социально-культурное развитие азербайджанского народа, могущества родного языка, национального самосознания, сохранение духовных ценностей. Произведениям писателя принадлежит своя особая роль в подготовке идейных предпосылок для государственной независимости Азербайджана. Мирзу Ибрагимова можно назвать как видным азербайджанским писателем-гражданином, так и учёным азербайджановедом.

Как было отмечено, действительный член Национальной Академии наук Мирза Ибрагимов несомненно является одним из видных деятелей науки в нашей стране. Его монография «Великий демократ» (1939) – одно из капитальных исследований многогранного творчества основоположника критического реализма в азербайджанской литературе Джалила Мамедкулизаде.

В научной деятельности академика Мирзы Ибрагимова особое место занимает исследование проблем реализма. В таких созданных в разные годы книгах, как «Жизнь и литература» (1947), «С позиций народности и реализма» (1961), «Наш великий поэт Сабир» (1962), «Реализм в ашугской литературе» (1966), «Перо, крепнущее в бурях» (1987), предпочтение даётся рассмотрению, толкованию и оценке вопросов реализма, народности, типичности, национальной определённости, сатиры и др.

Большие заслуги принадлежат академику Мирзе Ибрагимову и в изучении многовековой литературы Южного Азербайджана.

Начиная с 1976 года до последних дней жизни он руководил отделом «Южноазербайджанская литература» Института литературы им.Низами НАНА. Под его руководством было подготовлено и издано несколько томов «Антологии южноазербайджанской литературы».

Будучи автором научных статей о классиках русской и мировой литературы, Мирза Ибрагимов перевел на азербайджанский язык такие пьесы, как «Король Лир» и «Двенадцатая ночь» У.Шекспира, «Три сестры» А.Чехова, «Бешеные деньги» А.Островского, «Не верьте мужчинам» А.Софронова, театральные постановки которых в республике имели большой успех.

***

Жизнь и творчество народного писателя Мирзы Ибрагимова в годы советской власти в Азербайджане явились ярким примером максимальной реализации возможности истинного служения народу и литературе с позиций азербайджанства. Идейную основу творчества писателя составляют проблемы «национальный идеал и историческая личность», «народ и национальные ценности». Высокие должности, в том числе союзного значения, на которые Мирза Ибрагимов назначался в годы советской власти, он умело использовал во благо своего народа и литературы. В трудных условиях писатель находил приемлемые пути оптимальной реализации возможностей, связанных со своими высокими должностями, пошагово продвигаясь на этом сложном пути и продвигая вперёд свой народ.

Когда Мирзу Ибрагимова избирали депутатом от Нахчыванской Автономной Республики в Верховный Совет СССР, я и профессор Явуз Ахундлу были свидетелями того, как тепло и с любовью встречал народ своего депутата на предвыборных собраниях, с каким вниманием слушали люди наши выступления, посвященные деятельности любимого писателя, как читали и знали его произведения.

Я с чувством большой внутренней гордости имел возможность наблюдать популярность писателя в народе, к которому он относился с большой любовью, и видел воочию этот величественный симбиоз личности Мирзы Ибрагимова и гражданина Мирзы Ибрагимова.

Без колебаний могу утверждать, что он является одним из могучих писателей, несущих своими произведениями и на своих плечах в течение XX века общенациональные идеалы, клятву азербайджанству.

Народный писатель Мирза Аждар оглу Ибрагимов – это великая опора азербайджанского народа и нашей национальной литературы.

Мирза Ибрагимов занимает почётное место в истории нашей страны и народа как видный писатель, государственный и общественный деятель, жизнь и творчество которого были связаны с Азербайджаном. В самые трудные и ответственные периоды истории страны Советов он на протяжении всей своей многогранной деятельности использовал каждую возможность для служения общенациональным идеалам, создавал произведения, ставшие яркими страницами истории азербайджанской литературно-научной мысли.

Богатое литературно-научное наследие и высокие идеалы народного писателя Мирзы Ибрагимова продолжают свою жизнь в независимом Азербайджане.

НИЗАМИ ТАГИСОЙ

Писатель планетарного масштаба

Штрихи к творческому портрету Мирзы Ибрагимова

Мирза Аждароглу Ибрагимов известен не только в нашей стране, но и за ее пределами как талантливый писатель, драматург, переводчик и общественный деятель, занявший славное место в истории азербайджанской литературы XX в.

Родившийся в провинции Сараб в Южном Азербайджане, Мирза Ибрагимов в 1919 году переехал в Баку со своей семьей, но и здесь ему пришлось довольно тяжело. Рано осиротев, он выполнял самую тяжелую работу, чтобы выжить... Словом, он с детства видел все тяготы жизни.

Хотя Мирза муаллим на 43 года младше великого русского писателя Максима Горького, тем не менее мы склонны к тому, что детство М.Ибрагимова во многих чертах похоже на жизнь Горького.

Университетами для М.Ибрагимова стала сама жизнь. Достаточно сказать, что в начальную школу он смог пойти лишь когда ему было 13 лет. Будущий писатель выстоял перед всеми трудностями жизни, которая стала для него школой мастерства. После окончания Техникума нефтяной промышленности, он работал на нефтепромыслах. Тогда же написал ряд рассказов, изображающий проблемы реальной действительности.

М. Ибрагимов был одним из весьма дальновидных и глубокомыслящих художников своего времени. После окончания Азербайджанского государственного нефтяного института в 1933 году, продолжил обучение в аспирантуре г.Санкт-Петербурга (тогдашний Ленинград). В 1941 году, получив степень кандидата филологических наук, с того времени назначался на высокие руководящие должности в Республике.

М.Ибрагимов был писателем планетарного масштаба, последовательно и упорно занимаясь художественным творчеством, предоставил на суд читателей интересные произведения. Его первым крупным произведением стала пьеса «Жизнь» («Həyat»), написанная в 1935 году, где показана тема укрепления колхозного строительства того периода. А уже в 1938 году Ибрагимов пишет пьесу «Мадрид», в которой рассказывает о проблемах Гражданской войны и героической борьбе испанского народа. В пьесе «Любовь» («Məhəbbət»), написанной в 1942 году, он создал неповторимые образы трудолюбивых людей, работающих в тылу во время ВОВ. В 1960-е годы после довольно большого перерыва писатель возвращается к жанру драматургии, создав такие комедии, как «Сельская девушка» («Kəndçi qızı») (1962), «Хороший человек» («Yaxşı adam») (1965) а также драму «Тлеющие очаги»(«Közərən ocaqlar»).

В своих пьесах М.Ибрагимов всегда пользовался весьма серьезными жизненными конфликтами и коллизиями. Лепил яркие реалистические образы, его персонажей отличает живой сценический язык и запоминающиеся диалоги. Следует отметить, что с самого начала художник, как и другие писатели, продолжающие традиции азербайджанской национальной драматургии, внес свой огромный вклад в развитие нашей литературы, основав тем самым «Театр Мирзы Ибрагимова».

М.Ибрагимов всегда внимательно следил за процессами, происходящими по ту сторону нашей Родины, и создал ряд художественных образцов, изображающих жизнь простых людей, борющихся против иранской диктатуры. В результате чего в 1948 году появляется монументальный и многоплановый роман «Наступит день» («Gələcək gün»), опубликованный в журнале «Революция и культура». В этом романе автор описывал мужество и тяжелый образ жизни народа, разоблачая иранскую реакцию, ее англо-американских хозяев, порабощающих народов Востока. Читая роман «Наступит день», знакомясь с образом жизни наших южных собратьев по ту сторону Араза, мы склонны сравнивать отдельные места этого полотна с яркими художественными сценами, изображёнными в романах классика таджико-узбекской литературы Садреддина Айни «Бухара», «Рабы» и «Воспоминания» классика и в романе туркменского писателя Берды Кербабаева«Решительный шаг».

Среди эпохальных произведений М.Ибрагимова так же следует выделить такие романы, как «Великая опора» («Böyük dayaq», 1957), «Перване» («Pərvanə», 1969 – 1970).

Как бы предвзято ни относилась азербайджанская литературная критика периода независимости к таким монументальным романам М.Ибрагимова, как «Великая опора» (1957), «Перване» (1969 – 1970), их следует оценивать, с нашей точки зрения, из верных и правильных методологических и эстетических позиций в плане создания неповторимой картины жизни народа в период пролетарской диктатуры. Ведь писатель взял на себя обязанности отразить проблемы той исторической эпохи, в которой он жил и творил. И подходил к изображению тех событий именно в соответствии с происходящими социально-политическими процессами в социалистическом обществе.

Поэтому как талантливый писатель и драматург Мирза Ибрагимов акцентировал своё внимание на проблемах того периода, а также сосредотачивался на политических, экономических, культурных, духовных сдвигах, проистекающих в нашей стране. В то же время Мирза Ибрагимов, как достойный настоящий патриот и гражданин, талантливый писатель и драматург, на протяжении всего творческого пути был далёк от конъюнктуры и штампов. Для него важнее было пропускать имеющиеся проблемы через фильтр своего адекватного художественного воображения.

Мирза Ибрагимов вписал своё имя в историю нашей литературы не только как писатель и общественный деятель и драматург, но также сумел взглянуть на проблемы периода глазами здравомыслящего публициста. Большую ценность представляют его статьи и критические работы о творчестве таких наших непревзойдённых классиков, как Насими и Джалил Мамедкулизаде и многие другие, что свидетельствуют о глубине творческого потенциала и широте философского мышления великого художника.

Другой важной страницей литературно-художественной деятельности Мирзы Ибрагимова стало его переводческое творчество. Именно благодаря его переводам на азербайджанском языке были поставлены на сцене «Король Лир» и «Двенадцатая ночь» Шекспира, «Дон Жуан» Ж. Б. Мольера, «На всякого мудреца довольно простоты» и «Бешеные деньги» А.Н.Островского, «Три сестры» А.П. Чехова.

В целом вклад М.Ибрагимова в развитие азербайджанской литературы достаточно весом. Монументальные романы, отражающие эпохальные события, пьесы, написанные на интересные темы, рассуждения о наших классиках – Хагани, Низами, Насими, Физули, М.Ф.Ахундзаде, Дж. Мамедкулизаде и других, а также его заслуги в области придания нашему языку статуса государственного, считаются важнейшими страницами его личной и творческой биографии.

Всё изложенное яркое свидетельство того, что Мирза муаллим в полном смысле этого слова жил и творил во имя будущего своего народа.

Для доказательства этой мысли обратимся к конкретным фактам.

Так, например, в 1956 году Верховный Совет Азербайджанской ССР объявил азербайджанский государственным языком, внеся поправки в Конституционный закон 1937 года. Инициаторами этого нововедения были Имам Мустафаев, тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана и Мирза Ибрагимов, писатель, драматург, публицист, учёный, академик, председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР. Когда азербайджанский язык приобрел статус государственного языка, это вызвало в центре Союза много споров и разногласий. М.Ибрагимов был отстранен от должности за такое судьбоносное решение, вызвавшее негативную реакцию руководства СССР, однако это никак не повлияло на то, чтобы писатель отрёкся от своих гражданских, патриотических убеждений и идей.

В 50-х годах XX века он многого натерпелся и у тогдашнего политического руководителя Азербайджана Мирджафара Багирова. Вместе с тем великий сын своего народа ни перед кем не склонил головы, отстаивая и продолжая свои идеи, оставаясь верным своим идеалам до последних дней жизни.

М.Ибрагимов всей душой, кровью, сердцем, дыханием, чувством и эмоцией был великим Гражданином своего народа. Как писатель, как политик, как председатель Союза писателей Азербайджана (следует отметить, что Мирза Ибрагимов был единственным писателем, избранным на эту должность шесть разов подряд), он посвятил всю жизнь Родине, культуре и литературе.

С гордостью служа своей Родине, в первые дни карабахских событий, он выступал против нападок на азербайджанский народ. В то время была издана книга Зория Балаяна «Очаг», полная оскорблений и лживых инсинуаций в адрес нашего народа. В ответ на лживый и полный ненависти памфлет Мирза муаллим, подготовив отдельную статью, отправил её в тогдашнюю центральную «Литературную газету».

Однако получил ответ следующего содержания: «Этот вопрос должен решаться между руководителями двух республик». Таким образом, газета отказалась публиковать мнение великого писателя.

Однако, оставаясь верным своим идеалам и принципам, М.Ибрагимов продолжал свою борьбу. Достаточно вспомнить, что еще в 80-х годах он вышел с предложениями на секретаря ЦК КПСС Егору Лигачеву вернуть городу Кировабад его прежнее название Гянджа.

Творчество писателя не является голым, примитивным отображением происходящих событий, картины из жизни прошлого играют в его произведениях роль общего фона, где автор всё время думает о проблеме национальной судьбы, этническом происхождении и корней, нравственной роли и миссии национальной интеллигенции в истории народа.

Являясь знаковой личностью в азербайджанской литературе XX века, своими научными трудами и литературно-эстетическими взглядами он оставил яркий след и в истории азербайджанской литературы, литературоведческой и научной мысли. Художественное наследие Мирзы Ибрагимова занимает особое место в возвышении духовной жизни нашего народа, в формировании его национально-культурного менталитета. Мы считаем, что его работы и сегодня неоценимы в развитии нашей философско-эстетической мысли, истории жизни, этнического мышления, национальной психологии и национального самосознания. Художественное творчество М.Ибрагимова всегда давало ощутимый импульс возрождению общественно-национальных и морально-нравственных процессов.

Говоря о творчестве Ибрагимова, нельзя также не сказать отдельно несколько слов о его профессиональной научной деятельности.

Находясь на посту директора Института языка и литературы имени Низами Академии наук Азербайджана, он приложил много усилий для развития азербайджанского языкознания и литературной критики, углубления научных исследований в данных отраслях, повышения потенциала национальных научных кадров и создания фундаментального труда «Истории азербайджанской литературы». Именно по его инициативе в названном Институте был создан Отдел литературы Южного Азербайджана, который до сих пор успешно работает и в наше время превратился в мощный центр, обеспечивающий высокую кадровую подготовку, находящейся в центре внимания, благодаря проводимым здесь последовательным и систематическим исследованиям. В настоящее время в названном Отделе этого Института успешно исследуются и изучаются литературно-теоретические и философско-эстетические особенности произведений мастеров художественной мысли нашего народа, живущего по ту сторону Араза. Благодаря его усилиям, самые тончайшие элементы художественного наследия наших соотечественников из Южного Азербайджана включаются в общий литературный процесс.

Таким образом, рассматривая научные направления деятельности и художественное творчество Мирзы Ибрагимова, видим, что он не только гениальный художник нашего прошлого и настоящего, но и великий борец на пути к грядущей эпохе. Именно благодаря этим качествам, считаем его нашим современником, шагавшим вместе со своим народом в счастливое будущее.

МИШКА АССАЯС (Michka Assayas)

Золото, призраки и новобрачные

Новелла из сборника «Новые новеллы Азербайджана» под редакцией Мишки Ассаяса (Mishka Assayas) Издательство(Editions) Intervalles.

Название деревни не фигурировало даже на GoogleMaps. У меня было лишь фото, напечатанное на листе А4, благодаря мадам G, с которой я встретился на приеме Total в Баку: пиксельный черно-белый, словно выцветший, портрет улыбающегося беззубого старика, за исключением одного переднего золотого зуба. Я положил свой блокнот на край камина и быстро записал: «Спросить от имени господина и госпожи G. Абдул Манафа… Он принял их по случаю Новруза, праздника наступления весны…Живет на дороге на еврейское кладбище в *Хыналык*… Название деревни: Аник… Дом напротив суннитской мечети с остроконечным куполом, перед ней куча дров… Все люди в деревне хотели дать им ключи от мечети, но ни у кого не было ключей…»

На следующий день я поехал на север страны, в Губу, туда, где начинаются горы. У меня было две цели.

Первая официальная: посмотреть, на что похожа Красная Слобода («Красный городок»), маленький город, который в мусульманской стране приютил старинную еврейскую коммуну из нескольких тысяч жителей.

И вторая, необычная, продиктованная случаем: найти призрачное село Аник, близко расположенное, и его загадочную мечеть с остроконечным куполом, от которой ни у кого нет ключей, и к которой у меня был лишь один Сезам: лицо и имя беззубого старика.

Отдалиться от Баку все равно, что выехать из Лас-Вегаса. Очень быстро – пустыня.

Проехав мимо нескольких поселений с балконами, изуродованными антеннами и кондиционерами, четырехполосная дорога пролегает мимо пустой земли. Встречаются еще несколько продавцов цветов под мостами, но присутствие людей быстро исчезает, и вскоре различима лишь полупустыня цвета желто-коричневого, ржавого, охры или, реже, миндально-зеленого. Коровы прогуливаются, не находя корма. Олень и олененок на краю дороги вызывают недолгое замешательство, но потом понимаешь, с некоторым опозданием, что это вырезанные изображения, чтобы предупредить путешественника о том, что здесь начинается царство животных. Стадо баранов потерянного вида рядом с заправкой, или путник на лошади, возникший из другого времени, скачущий галопом по краю автобана, но это, похоже, все.

Мы едем вдоль большой площадки с высокими ржавыми цилиндрическими емкостями; как мне объясняет молодой гид, в них находился секретный запас нефти во время Второй мировой войны. Еще несколько разрозненных нефтяных вышек видны в этой местности.

Рядом с Губой горы все ближе, и жизнь возрождается.

Везде постройки, некоторые не завершены и окружены высоким забором. В Азербайджане стену забора возводят прежде всего, раньше фундамента дома, вместе с воротами (чаще из кованого металла). И не важно, если они открываются на пустую аллею с кучей камней посередине. Появляются цветники, огороды. Фруктовые сады и даже виноградники. Стада более откормлены в сравнении с окрестностями Баку.

Магазины мебельные, бытовой техники, покрышки перед гаражами указывают на наш приезд в пригород Губы. Но мы направляемся не туда. С другой стороны широкой реки Гудиалчай (или Кудьял) располагается у подножия невысокой горы «Красный городок», чье современное имя звучит как Qırmızı Qəsəbə (*Красная Слобода с азерб.*). Сюрприз: похоже на город-призрак. Мы медленно едем мимо низких домов, как в городке вестерна. Некоторые кажутся княжескими, другие обветшалые, скорее ржавые, чем красные. Несколько молодых праздных людей сидят с полузакрытыми глазами на пластиковых стульях перед магазинчиком. Мы пересекаемся с машиной с треснутым ветровым стеклом, едущей на небольшой скорости. Шофер, похоже, заблудился.

Рядом с садом ароматных роз нас ждет наш гид: немолодой, но крепкий мужчина, с усталым и хитрым видом, пахнущий холодным табаком. Он не представляется и ведет нас к самой большой синагоге города: высокой квадратной постройке из бежевых кирпичей, с верандой с деревянными перекрытиями, возведенной над маленькой стеной розового цвета и продолженной металлическим навесом. Внизу, вдоль пустынного шоссе вооруженный полицейский ходит взад-вперед. Вокруг нас пейзаж из долин и округлых вершин с буйной растительностью.

Я выражаю свое восхищение духом терпимости, который, похоже, царит между общинами. Мужчина тут же поправляет меня: «Мы не соглашаемся с термином «терпимость». Мы используем слово «дружба».

Внутри обширной и строгой синагоги я сажусь на край длинной деревянной скамьи. Он стоит, как учитель. Пока он говорит, мой взгляд обнаруживает в углу сморщенную книгу молитв, словно погрызенную мышью. Дальше, на другой скамье, выстроились в ряд, словно маленькая семья, три длинных рожка для обуви.

Голос мужчины суров: «Раньше, в VI веке, здесь жили горские евреи. Их язык *juhuri* (джуури)являлся смесью ассирийского и персидского, с остатками арамейского, иврита и турецкого. Это были семьи выходцев из северного Ирана, убежавшие от преследований шаха. Они были ткачами, занимались ковроткачеством или коммерцией. Они нашли здесь защиту хана и жили на равных с мусульманами. Мусульмане не были враждебны к монотеистам, платившим налоги их правителю».

Я удивлен, мы находимся рядом с русским Дагестаном и поблизости от Чечни, земель, где исламские радикалы укоренились, борясь против центральной власти. Каким чудом эти столкновения, не говоря уже о тех, что происходят на Ближнем Востоке между израильским государством и палестинским движением, не распространились досюда.

Мой собеседник смотрит в пустоту, не понимая, что я хочу сказать, и продолжает: «Я родился в 1949 году. Здесь никогда не было конфликтов. Мир царит между разными районами. Мусульмане празднуют наши праздники вместе с нами и наоборот. Наши азербайджанские друзья едут с нами путешествовать по Израилю. Наш город называют Иерусалимом Кавказа».

На входе, рядом с разными фотографиями отца и сына Алиевых, приветствующих руководителей общины, рисунок, изображающий две руки, пожимающие одна другую, один из рукавов рубашки украшен израильским флагом, другой – азербайджанским. Мой собеседник говорит только хорошее о Гейдаре Алиеве: «Он вернул синагоги евреям. Их оставалось лишь две в советскую эпоху, другие были переделаны: одна – под школу, другая – под поэтический клуб, еще одна – под ткацкую мастерскую. Та, где мы находимся, самая большая, построенная в 1888 году, была совершенно разрушена, прежде чем стать фабрикой по производству носков. Ее начали восстанавливать благодаря пожертвованиям населения». Некоторые из них были значительными, поскольку несколько уроженцев города отличились в бизнесе. Двое из них даже фигурируют в списке Forbes, как самые большие состояния в мире: «Они создали благотворительный фонд, и все здесь гордятся ими…».

Чтобы показать мне, что беседа закончена, мужчина ведет меня в *Святая святых*. Он отодвигает панель и занавес. Я разглядываю цилиндр из кованого металла, в котором находится доисторическая *Тора*.

Когда я собрался выйти, я обнаружил под тентом, продолжавшим веранду, гирлянду, сделанную из металла. Сквозь ажурную звезду Давида я вижу, как вырисовывается с поразительной четкостью, в маленьком масштабе, соседняя мечеть, словно на прицеле.

Особо возбуждает в путешествии, где все организовано, внезапно сделать то, что не было предусмотрено.

Гид и шофер вдруг стали похожи на озорных детей. Поискать Аник, деревню Абдул Манафа, поболтать десять минут с разными прохожими, чтобы узнать у них дорогу, продвигаться вперед, возвращаться назад, поворачивать. Для них это что-то вроде запретной игры в поиски сокровищ.

Внезапно небо опустилась у нас над головами. В вершинах гром ворчит, словно бросая нам вызов. Неожиданная враждебность климата делает поиск более захватывающим.

Мы следуем по разбитой тропе, поднимающейся вдоль потока. Стоящий поперек дороги большой ржавый грузовик выцветшего голубого цвета похож на доисторического монстра, охраняющего дорогу, ведущую в деревню. Однако совсем не похож на грозного цербера улыбающийся шофер. У него не хватает половины зубов, другая половина золотая. Наше вмешательство кажется ему удачным развлечением, и он предлагает нам пообедать с ним. Время поджимает, мы должны двигаться вперед.

Мы медленно едем вдоль изгородей из переплетенных веток, похожих на развернутый нескончаемый венок из колючек. Малая скорость позволяет различить различный мусор, усеивающий обочину, в частности, обувь.

А потом возникает видение из другого времени. Нам навстречу выходит женщина, одетая в традиционное платье насыщенного кобальтового цвета, несущая оловянную *джару*[1]. У женщины свирепый взгляд, как на фотографиях родовых племен, сделанных исследователями в конце XIX века. Другая, тоже одетая в костюм, словно сошедший с витрины музея ковров (и ткачества) в Баку, толкает тележку.

Мы идем шагом. Тропинка сужается, чтобы превратиться в центральную аллею деревни. Деревня состоит из нескольких простых квадратных цементных домов с крышами из гофрированного толя. Один или два дома украшены рогами козла. Несколько красивых стен из камня еще стоят, частью разрушены. Невозможно ехать дальше. Стайка маленьких цыплят пробегает между ногами. Два теленка свободно резвятся, словно приглашая друг друга на состязание. Внезапно появляется мужчина на белой лошади, тянущей прицеп, нагруженный камнями, двое детей радостно прыгают рядом с ним. Они смотрят на нас, смеясь, в то время, как гром все ближе в горах над нашими головами. Все виньетки собираются в моем мозгу, чтобы превратиться в сцены панoптикума, как в китайском свитке.

Мечеть, квадратная и массивная, как синагога, там же, со своими прекрасными стенами цвета земли. Остроконечная крыша, как и описывала госпожа G, сделана словно из рыбьих чешуек. После новых переговоров нашего шофера с одним из жителей, мы выясняем, у кого есть ключ. Молодой человек в резиновых сандалиях и белых носках приходит, почти бегом, чтобы открыть нам дверь. Мы заходим в пустую мечеть. Она кажется заброшенной, чудом сохранившейся, как доисторический грот. На обветшавших стенках, кроме декора с фруктовыми мотивами, бордюр, бегущий рядом с полом, представляющий собой идеальные водные пейзажи, свободные от всякого присутствия человека, восходящие, несомненно, к концу XIX века.

[1] Джара – сосуд, обычно глиняный, предназначенный для хранения жидкостей или зерна. Напоминает амфору, но отличается от неё более приземистой формой и большими размерами.

Выходя, я протягиваю нашему случайному гиду лист А4 с немного разорванной фотографией Абдул Манафа. Мужчина указывает на дом, на противоположной стороне, прямо напротив мечети, я мог бы догадаться. Это массивная конструкция, где лишь второй этаж кажется обитаемым.

Мужчина поднимается по лестнице, ведущей на террасу. Старик, немного согнутый, в черной кепке выходит и показывает нам жестами, что приглашает нас подняться.

Не похоже, что наш приезд его удивил. Такое впечатление, что он ждал именно нас. Господин и госпожа G предупредили его? Его внезапное появление в деревне, о которой я ничего не знаю, кажется организованным и подготовленным, словно в телевизионной игре поиска сокровищ. Сам я не знаю, во что играю, и наша предстоящая встреча представляется мне символом чего-то непонятного. Столкновение Востока и Запада? Постмодернистского западного с деревенско-восточным постсоветским? Гражданина мира среднего возраста со старым религиозным мусульманином, ни разу не выезжавшим за пределы своей деревни? Мне боязно. У него дома, что мне сказать ему?

Абдул Манаф улыбается, не произнеся ни слова, когда я показываю ему напечатанное фото, и гид напоминает ему о визите французской пары на Новруз. Какой бы абсурдной ни казалась ситуация, он не смущен.

Мы заходим в очень простой интерьер, напоминающий фургон. В момент нашего прихода он дремал на топчане перед включенным телевизором, маленькой модели с выпуклым экраном 1980-х годов. Он предлагает нам чаю и просит дочь принести нам поесть: небольшие хлебцы и огурцы – но никто не притронется к ним.

В узкой комнате, где мы устроились, два украшения на стене: карта Азербайджана и небольшой ковер в оранжевых тонах, изображающий стадо оленей. Наш диалог продлится около получаса, старый человек прервался на мгновение, чтобы проверить свое давление с помощью аппарата, издававшего звук электрической бритвы.

Абдул Манафу 87 лет, и у него действительно один-единственный зуб – золотой. Он всегда жил в этой деревне, где он родился и женился (в настоящее время он вдовец). Он учил математике. Он никогда не уезжал из Азербайджана, упомянул лишь одно путешествие на юг страны. Он отметил немного изменений в Аник со дня своего рождения. Электричество провели в 1952 году, но оно работает хорошо только с недавних времен. Раньше вода поступала из источников или с собранного жителями в цистерны снега.

Я спрашиваю его о мечети и о религиозности жителей в советскую эпоху, во времена, когда религия была запрещена.

Внезапно глаза его зажигаются: «Во времена Сталина двенадцать семей приехали, чтобы поселиться здесь. Они решили совершить хадж, паломничество в Мекку. Они уехали на лошадях, на верблюдах».

В изумлении смотрю на него: хадж при Сталине? Но как они смогли выехать из Азербайджана?

Старик улыбнулся: «По обычной дороге. У Сталина были другие заботы. Им понадобился год для хаджа».

Я представляю себе фильм, повествующий о невероятном караване в разгар расцвета советов и коммунизма.

Энергия Абдул Манафа потихоньку убывает.

Его молчание заставляет нас почувствовать, что пора уходить.

Последний луч энергии рождается в его глазах, когда он встает, чтобы попрощаться с нами: «Если бы я знал раньше, что вы приедете, я бы зарезал барана для вас…».

Обратная дорога проходит в мрачном молчании.

Слабый дождь распыляет несколько капелек, не упавших на сухую землю. Дворники размазывают тонкий слой грязи по ветровому стеклу. Мы покупаем клубнику у торговки. Не кислые, редкой свежести, у них вкус, похожий на вино.

Прежде, чем вернуться в Баку, я предлагаю сделать крюк по северной магистрали в Балаханы, чтобы посмотреть на исторические нефтяные колодцы, о которых мне говорили, что они являются одним из самых впечатляющих пейзажей Азербайджана.

Дорога вскоре упирается в железный забор, вдоль которого она пролегает. Отверстие позволяет нам проехать по песчаной дорожке. Мы попадаем в поразительную зону. Длинная пустошь приблизительно в 10 километров простирается до горизонта. Обширный пейзаж из доисторических вышек, словно кладбище заржавленных мачт, погруженных в охряной песок осушенного моря. Эксплуатируя эти античные колодцы, качающие приблизительно всего три барреля в день, семьи живут здесь в разбросанных трущобах, выстроенных между лужами черного цвета, отливающего радугой. Запах мазута. Дети на велосипедах и бродячие животные бродят между кучами мусора. Мой взгляд окидывает зону и фотографирует старуху в косынке, сидящую на пластиковом стуле перед хижиной. Необычная вывеска указывает на парикмахерский салон. Плакаты по обочине дороги предупреждают о запрете на фотографирование. Тогда я замечаю вертолет, летающий над нашими головами.

Мы продолжаем свой путь в направлении Сумгайыта, севернее, по берегу моря. Вдоль нефтепровода пастух на лошади ведет стадо. Едем по маленьким улочкам, приближающим нас к побережью, проезжаем мимо лавки мясника, занятого обдиранием шкуры с ягненка, повешенного на крюк на открытом воздухе. Две лошади, одни, переходят дорогу, ведущую к пляжу. Внизу видны перемежающиеся морские кабинки детских цветов, как в детских играх, там и тут несколько ресторанов напротив моря. Черные внедорожники как попало припаркованы на пляже, иногда в метре от волн. Люди смотрят на море, но мало смельчаков, рискующих искупаться в водах Каспия, даже в комбинезоне сёрфера. На это есть причина: именно здесь находился нефтехимический комплекс, закрытый в 90-е годы, индустриальная целина, одна из самых загрязненных в мире. Громадная стена из бетонных блоков стоит, чтобы скрыть комплекс.

Я иду к забору, где обнаружил несколько отверстий. Подхожу и вижу лабиринт из ржавых труб, бегущих по огромной поверхности: заброшенный завод Сумгайыта. Сильный запах растворителя ударяет в нос и горло, но любопытство – очень сильный магнит. Наклоняюсь и смотрю через большее, чем другие, отверстие, безуспешно пытаясь отфильтровать острый запах из моих сжатых ноздрей. Необычный спектакль бросается в глаза, готовый кадр, словно ждущий, что его снимут. В чудесном угасающем свете мирно сидит старик спиной ко мне, на небольшом возвышении холмистого участка. Он пасет стадо коров, медленно и осторожно бродящих посреди ржавых труб, жующих траву, между разлагающимися растворителями.

Вот я слышу звук машины, остановившейся рядом с нашей, от которой я отошел на сотню метров. Оборачиваюсь. Из машины выходит персонаж, похожий на официальное лицо, в сером антрацитовом костюме. Похоже, он указывает на меня, говоря с гидом. Подхожу. Его голова немного похожа на голову Леонида Брежнева, бывшего руководителя Советского Союза в 1960-1970-х годах. Он работник муниципалитета и спрашивает меня, кто я такой, и что я здесь ищу. Мои ответы не радуют его, но постепенно он, похоже, успокаивается. У меня дружеское поведение. Внезапно он поднимает бровь, что соответствует улыбке на его угрюмом лице: «Садитесь ко мне, вы увидите, что в Сумгайыте есть и другое, что посмотреть…». Я подчиняюсь. Этот человек желает мне добра. Он говорит мне, что его отец умер за Францию. Я не решаюсь спросить у него, почему и как. Наша машина едет позади. «О Сумгайыте говорят плохо, но вы увидите, что это умный город…».

Проехав вдоль проспектов, похожих на такие же проспекты в пригородах западных стран, где новые офисные здания соседствуют с супермаркетами, машина останавливается. Мы стоим перед большим пафосным зданием таинственного назначения. «Идемте со мной, я вас приглашаю на азербайджанскую свадьбу».

Я вхожу за ним во дворец, вроде дворца из «Тысячи и одной ночи» совершенно нового, королевского размера, хотя и пахнет шашлыком на входе. Поднимаюсь по лестнице из цветного мрамора, вхожу в огромный зал для приемов, чувствую себя попавшим в феерию. Вижу длинные банкетные столы, уставленные едой и напитками, словно размноженными системой зеркал, с сотнями веселых людей, яркими цветами и музыкой. Все лица, одинаково доброжелательные, поворачиваются ко мне. Рядом с официальным лицом я кажусь себе иностранным господином, приехавшим с визитом. Женщины танцуют в веселом беспорядке, бегают дети, и группа музыкантов, играющих на сцене в глубине зала, уважительно качает головами, чтобы поприветствовать мое прибытие. На меня наставляют видеокамеры. Пара молодоженов, словно на выставке, сидит за высоким столом, покрытым белой кожей. Купаюсь во всеобщем ликовании, чистом, словно детском; радость, музыка, теплота и симпатия переполняют меня. Настаивают на том, чтобы я сел за стол, пил, ел вместе с гостями. Спешат угостить меня всеми блюдами, но не задают мне ни одного вопроса из опасения побеспокоить меня. Мое волнение внезапно становится настолько сильным, что горло сжимается, и мне хочется любить всех на Земле.

А затем я выхожу в сумрак, совершенно оглушенный, словно после рок-концерта, опьяненный обезоруживающей теплотой. Говорю себе, что встретил один из самых щедрых народов мира, и обещаю себе, словно пьяница, никогда не забыть тех, кто меня принял. Делаю несколько шагов, словно для того, чтобы протрезветь.

В кармане я нащупываю скомканный лист А4 с беззубым лицом Абдул Манафа и смотрю на него при свете телефона. Я прикладываю его лицо к мужчине, пасшему коров среди ржавых труб, которого видел только со спины. Они смешиваются. Они совпадают: жизнь, которая цепляется любой ценой в стране, истерзанной столькими потрясениями.

Тогда я оборачиваюсь к сверкающему сумгайытскому «Дворцу бракосочетаний», новенькому, словно светящемуся и вибрирующему от невинной радости. Световой хаос заполняет мою голову.

У меня впечатление, что я присутствую при появлении в конвульсиях вновь девственной страны.

Перевод с французского
Гюлюш АГАМАМЕДОВОЙ

АЗЕР ЭФЕНДИ

LA FEMME FATALE

Рассказ

Грудь у неё была небольшая, но высокая и торчащая, как у козочки. И его взгляд непроизвольно задержался на упругих сосках, оттопыривавших белую блузку. Профессор даже перестал на мгновение перебирать клавиши рояля и медленно поднял голову, чтобы взглянуть на её лицо.

«Оп-па! – подумал он, – всем хороша!.. А глазища!.. Глядя в такие глазища, понимаешь: Господь Бог – не простой парень!..»

– А это ещё что за чудо?! – спросил профессор, мотнув головой в сторону девочки. Но его друзья, которые в ожидании застолья перемещались по комнате, беседуя и попивая азербайджанский коньячок, не успели ответить.

– Таких ещё две штуки на кухне, – сказала девочка, – вот что кафедра делает со своими выпускницами: сдали госэкзамены и – к плите!..

Эта встреча случилась двадцать лет назад, когда профессор приехал в Москву, чтобы отпраздновать с однокашниками свой полувековой юбилей. У профессора были густые, волнистые, с лёгкой проседью волосы; глаза светлые (для азербайджанца) и «говорящие», но главное, что отличало его от доминирующего типа бакинской профессуры, – это лёгкость и артистичность облика. В те времена, когда он только начал преподавать в мединституте, за ним, как за теноràми тех лет, тянулся длинный хвост поклонниц из студенток (и не только), и было дело, одна доцентша, обойдённая его вниманием, с досады написала в партком и ректорат: «…об аморальном, для советского учёного, поведении молодого преподавателя…». Ну, молодого преподавателя, как водится, вышибли из института – он тяжело переживал и был недалёк от суицида… Спасло золото!.. Отец, богатый человек, вечерком потрепал его за вихры и протянул завёрнутый в платок брикет – килограмм чистого золота! (Ах!.. советская власть!.. Не всех удалось обобрать!..)

– На, трать, – сказал он, – и ни о чём не думай!

ORO-терапия сразу возымела действие. Молодой повеса пошил чесучовый костюм, умыкнул с кафедры анатомии красивую лаборантку и уехал в Кисловодск поправлять нарзаном своё здоровье… а потом были Москва, Ленинград и т.д… В Баку он вернулся с баулом, битком набитым исписанными тетрадями и кусочками папиросных пачек, на которых, дабы не упустить мысль, набрасывал ночами пару слов. Спустя годы, рассказывая студентам об этом периоде жизни, профессор показывал несколько своих книг и назидательно говорил:

– Видите это?.. Ничего этого не было бы и в помине, не прогони они меня взашей… Человек никогда не знает: что для него воистину хорошо, а что – плохо. Поэтому, когда жисть прижмёт, кукситься не надо – вот она! – сермяжная правда…

Профессор свято верил в то, что говорил, – и сам с тех давних пор никогда не куксился.

А после возвращения из Москвы с молодой женой для него потекла жизнь, о которой он говорил: «Это миф, мной ни капельки не заслуженный!..»

Для неё погружение в Баку было волнующе-сказочным, как в магический свет зёрен расколотого граната. А по утрам протяжные крики разносчиков во дворе: «Икра! (с ударением на И), Минога! (в смысле – миноги), Мацон! Чёрек!» будоражили в её душе радость обещанием вечного солнца, как это случилось в её первый Новый

год в Баку, когда лёгкий золотистый свет заливал всё вокруг, слепил глаза, и люди ходили все одетые налегке и нараспашку. Это было так диковинно после хмурой, заснеженной, плохо освещённой по тем временам, сталинской Москвы…

Она полюбила жаркое бакинское лето, когда базар полыхал всеми своими красками, а запахи тончайшим дурманом кружили голову. Она приносила домой пакет из плотной коричневой бумаги, ставила его на стол и не спешила разбирать – он благоухал, и ей хотелось прочувствовать всю перемешку этих пьянящих запахов в одном аккорде. Как-то раз она стояла зажмурившись, вдыхая запахи базилика, болгарского перца и мяты… и профессор не упустил своего: подкрался и успел слизнуть капельки пота, покрывавшие лёгкий пушок над её верхней губой.

Ближе к вечеру они часто совершали традиционный для бакинцев променад по Торговой на Приморский бульвар и обратно. В эти часы жара уже шла на убыль, и китайские бамбуковые зонтики от солнца, расписанные яркими цветами и райскими птицами, в руках женщин становились элементом скорее декоративным. На этом маршруте профессор то и дело раскланивался с известными в Баку людьми – и в эти моменты она льнула к его плечу, как кошечка, и говорила: «Боже!.. Ну, чуть ли не каждый встречный – свой, родной человек!..», – ей это очень нравилось.

А вот пляж был для неё одновременно и отрадой, и мукой. Отрадой, потому что она – дочь репрессированного дипломата – только на пляже, зарывшись в горячий песок и глядя в бездонную синеву неба, выпадала из времени и чувствовала себя абсолютно свободной, а мукой...

…Профессор любил плавать в ночном Каспии, заплывая так далеко, что пропадали из виду даже береговые огоньки, а ей было очень страшно стоять у моря в точке соединения воды, земли и звёздного неба и вглядываться в непроглядную, шевелящуюся тьму. И хотя она стояла, укутанная в махровое полотенце, по её телу то и дело пробегала противная, тревожная дрожь. Но когда он вдруг возвращался из ниоткуда, и они стояли уже оба, обёрнутые одним полотенцем, и она, прильнув к нему, ощущала мощные, гулкие удары его сердца, её охватывала эйфория слабости – тёплой, бездумной, как в детстве, когда её, искупанную и сомлевшую, укладывали в чистую, пахнущую снегом постель.

– Ты же не поступишь со мной, как жена с профессором Трояновским? – както ночью вдруг спросил он, играя её волосами, когда она положила голову ему на грудь.

– А как она поступила? Я же не знаю ваши бакинские штучки…

– Ах, да!.. Мне всё время кажется, что ты знаешь всё, что известно мне.

Она приподняла голову, заглянула ему в глаза и, улыбнувшись, сказала:

– Ну, что?! Что сделала эта женщина с бедным профессором?..

– …гинекологом, между прочим!

– А что это меняет?

– Ну, казалось бы, он хорошо знал женщин со всех сторон…

Она хохотнула и закрыла ладошкой его губы, сорвав ожидаемый поцелуй.

– Ну, слушай… дело было в старинные времена, когда о том, что ты появишься на белом свете, догадывался лишь господь Бог, а я уже был шебутным третьеклассником… Словом, как-то после школы мы побежали на Зелёный базар за кисляшками…

– Что за кисляшки?!

– Ну, это раскатывают такие тонкие пастилки из сока кизила, граната… и т.д. и т.п… Базар назывался Зелёным, но на нём продавали всё, что хочешь… кстати, там была полуподвальная джизбызная – ну, это что-то! – настоящее средневековье! Представь себе: спускаешься на несколько ступенек… полутьма… посреди большого прямоугольного помещения с низким потолком – большая квадратная жаровня из кирпича и над ней двухметровый круг чугунной сковороды, висящей на цепях! Пе-

чень, почки, жареная картошка… Запах!.. Ну, absolument parfait!..[1]

– Да… впечатляет… но мне всё же хотелось бы о бедном профессоре…

– Ну, вот… между базаром (которого уже нет) и консерваторией (которой тогда ещё не было) начинались дворы одноэтажных плоскокрыших домов… это всё тянулось к вокзалу и перешагивало его. У ворот одного из дворов мы увидели толпу людей. Они чего-то ждали. Мы тоже остановились. Нас никто не замечал. Из ворот выскочил какой-то человек и бросил в толпу: «Ведут, ведут!..» Толпа зашумела и раздалась на две стòроны, и нас разбросало по сторонàм. Из ворот вышел городовой…

– Как, городовой?!.

– Ха-ха-ха!.. Ну, свыкнись уже с мыслью, что у тебя антикварный муж… Да-а-а, вот тàк вот и замечаешь, как коротка цепь цивилизации… То, что для тебя связано с именами Чехова, Бунина, для меня было прозой жизни… я же учился в первой мужской гимназии имени императора Александра третьего!..

– Теперь понятно, откуда у тебя соловьиные трели!..

– В общем, вышел городовой, за ним двое полицейских, которые вели здоровенную русскую женщину – а лучше сказать, бабу – в терракотовом пальто. Следом вышли ещё двое полицейских, затем профессор, и замыкал шествие известный на весь Баку «доктор для бедных» Мамедрза Векилов – городская управа ввела тогда такую должность…

– Вот тебе на!.. А почему же рядом с профессором оказался «доктор для бедных»!.. профессор, ведь, наверное, был не бедненький… ну, в имущественном смысле…

– Видишь ли, Мамедрза был доктором городской управы… наверное, поэтому… и профессор, кстати, жил не у себя… как потом выяснилось, он ушёл из семьи и жил со своей акушеркой.

– Ага!.. с полюбовницей!..

– Нет. Эта бабища успела уже стать евойной жанòй… Когда её вывели, она возмущённо передёргивала плечами и метала молнии себе пòд ноги. А он – пухленький, мордастенький, рыжая щетина на щеках, глаза в круглых очках, как вишнёвые косточки на дне хрустальных розеток… он мотал головой из стороны в сторону и бросал в толпу безумно-радостные, любопытствующие взоры… толпа всё время шушукалась, и когда мы собрались вместе, то для нас уже не было тайной всё происшедшее с профессором.

Оказывается, эта мерзавка построила в дальней комнате загон из стальных прутьев и когда приводила любовников, они загоняли беднягу туда, ставили миску с водой, забывали о нём, и только дня через три-четыре просовывали какую-нибудь котлетку, на которую он набрасывался, как зверь в зоопарке…

– Господи!.. – вздрогнула она.

– Нет, не то, не то… Дьявольщина!..

Таир уже несколько лет подряд снимал на лето квартирку у технических работников дома отдыха КГБ, чьи дома стояли на этой же территории.

Рухнул Советский Союз, экономика всех республик была разорвана в клочья, и чтобы поддержать материально обслуживающий персонал, руководство пошло на такое необычное послабление режима. И потянулась тонкая цепочка интеллигенции в этот райский уголок, где рыжие белки прыгают по верхушкам высоченных сосен и кипарисов.

Первое время отдыхающие чекисты испытывали неловкость, оказавшись на виду у посторонних, но потом пообвыкли, и кое-кто даже стал общаться с некоторыми из «дикарей».

[1] Бесподобно! (франц.).

Таир сдружился с двумя очень разными людьми, но всех их объединяла любовь к ночному звёздному небу. Любовь всегда многолика, вот и в этом случае: полковник в отставке Дроздов увлекался астрологией, офицер средних лет по имени Зардушт (Таир не знал его звания) верил в существование инопланетных цивилизаций и мечтал засечь хотя бы промельк летающей тарелки над Каспием и, наконец, Таир – сын астронома – знавший с детства все созвездия наперечёт, но по известной градации: «физики-лирики», он был скорее лириком и потому, вглядываясь в арабески звёздного неба, порою впадал в состояние приятного ничегонедуманья.

– Аллò!.. Таир, где вы?!. – полковник, шутя, несколько раз щёлкнул пальцами перед носом Таира. – Если бы мы уже три года не сталкивались здесь, я бы подумал, что у вас эпилептоидное сознание – так глубоко вы ушли в себя…

– Нет, эпилепсия бывает по-другому…я видел… – начал было Зардушт.

– Нет-нет, Зардушт, это разные вещи, – отрезал полковник.

– Я, конечно, с вами, дорогой Александр Борисыч… как же мне уйти сразу от двух чекистов? – улыбнулся Таир.

– Ну, в моём возрасте от меня уйти, наверное, не трудно, – сказал Дроздов, – тем более, что по первому образованию я филолог-романист: специалист по романским языкам, – уточнил он для Зардушта. – Московский университет и всё такое прочее…

– Я тоже специалист-химик, но от меня кошка-мышка не убежит! – сказал Зардушт и рассмеялся.

– Браво! Вот он, счастливый синтез! – воскликнул Таир.

Они сидели за столиком в чайхане. Все столики стояли под навесом с краю прогулочной аллеи, протяжённой вдоль глубокого обрыва. Снизу поднимались высокие деревья, за ними виднелось чуть освещённое падающим светом пространство песчаного пляжа, а дальше, во всю ширь невидимого горизонта, под звёздным небом лежала шумящая темень Каспия.

Было поздно, и сладкий запах кустов олеандра сделался более вязким и ощутимым. Чайхана уже не работала, все столики были пусты, но три полуночника и не думали расходиться.

– Таир, мне показалось, что вы хотели что-то сказать, перед тем как отвлеклись…

– Да в том-то и дело… я хотел сказать… что выпадаю из времени, когда смотрю на усыпанное звёздами небо… и-и-и… так оно и случилось… они так загадочно мерцают… как будто хотят сказать, что есть только вечность, а смерти нет…

– Э! Ты совсем как ребёнок говоришь! – засмеялся Зардушт.

– Нет, скорее, как романтик, – возразил Дроздов.

– Ну, какой я романтик?!.

– Нет, романтик, романтик… в том, что вы говорите, сквозят чувство и вкус бесконечности, а в этом и есть суть романтического переосмысления религии. Я, к примеру, атеист-реалист, и для меня единственным богом является контент современной науки…

– А как же ваши метафизические увлечения, ваша астрология? – возразил Таир.

Зардушт со спортивным интересом стал посматривать то на одного, то на другого, он обожал их разговоры и весь превращался в слух. Он был выходцем из глухого района, из беднейшей большой семьи, но упорством и способностями сделавшим самого себя. Его хлебом не корми, только дай поучаствовать в атмосфере таких бесед.

– Да, – резво вступил он в разговор, – помните, тот раз вы говорили, что Кайлас как бы конденсатор божественной энергии?

– Нет, я говорил: не «как бы конденсатор», а – конденсатор «как бы божественной» энергии, имея в виду её универсальность. А что до астрологии – так в ней вообще нет никакой метафизики и никакой чертовщины. Вы же не будете спорить о том, что смена сезонов на земле зависит от солнечной эклиптики, а все моря и океаны подчиняются движению луны, и ни один хирург николаевских времён не назначал операции на дни полнолуния…

– Да, понятно, боялись кровотечения… но я говорю о другом – как расположение звёзд и планет в момент рождения ребёнка может влиять на его судьбу, на весь жизненный цикл человека?..

– Ха-ха… «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!»…

Дроздов прикурил сигарету и выдохнул одно за другим три идеальных колечка. Ветра не было, и кольца почти вертикально стали подниматься вверх. Дроздов глянул на своих собеседников и рассмеялся:

– Этот трюк (если нужно выиграть время) – работает безотказно, без разбора национальности и на всех континентах. Я проверял… Итак, что касается астрологии… Впервые она зацепила меня в булгаковском «Мастере…», в диалоге Воланда с Берлиозом… ну, вы помните, наверное: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть – несчастье... вечер – семь...» и т.д.

Мне стало интересно: а не водит ли нас за нос дорогой Михаил Афанасич (в жизни это бывало), или… Нет, оказалось, он всё точно уложил по астрологической карте! Вот тогда-то мне и пришла в голову мысль проверить астрологию методом постиндукции – пойти путём антрополога Герасимова, который по черепу восстанавливал внешний облик человека…

– Подождите! Не понял, не понял… – теряя нить, встрепенулся Зардушт.

– Сейчас всё объясню. Когда я возвращался из загранкомандировок на Лубянку, мой отдых обычно делился на две части. Часть времени я тратил на кропотливое изучение жизни нескольких выдающихся людей (к счастью, КГБ был безграничным банком информации), а потом прилетал сюда – очень люблю это местечко! – поселялся в том деревянном домике, с краю… кстати, проезд на ту часть территории тогда был закрыт – там селили обычно того, кто готовился к загранкомандировке или отдыхал по возвращении…

– Не знал этого, – с удивлением сказал Зардушт.

– Ну-тк, мне уже за семьдесят, дорогой мой… вот… и уже здесь принимался за вычисление астрологических карт по фактам биографии и составлял провиденческие прогнозы…

– Очень интересно! – всплеснул руками Таир.

– Да… – с уважением протянул Зардушт.

– Но надо чётко понимать, что гороскоп – это не приговор… Забыл вам сказать… огромным стимулом в этом увлечении для меня послужили лекции графа Вронского, которые он давал в закрытом режиме в нашей конторе… кстати, он очень любил повторять древнее изречение: «Звёзды правят дураками, а мудрый – своими звёздами»… Гороскоп – это подспорье… звёзды помогают лучше познать себя…

– На тему: познать себя, – перебил Дроздова Таир, – мудрили многие умники, но итог, по-моему, очень простенько подвёл Гёте, который сказал что-то в духе: вы только начните что-нибудь делать и сполна познаете самого себя.

Дроздов улыбнулся:

– Да, это очень по-немецки, но узко и далеко не сполна…

Зардушт влюблённо посмотрел на Дроздова, и в голове мелькнула мысль: «Мировой мужик! Ничего не боится! Даже на Гёте полез!»

– …Ну, вот посмотрите, – продолжал Дроздов, – к чему сводится вся суть автовождения?.. К тому, чтобы ехать и ни об кого не стукаться. Вот и астрология, от-

крывая человеку глаза на особенности его зодиакального рождения, помогает ему лучше прокладывать маршрут жизни и оберегает от ненужных столкновений…

– Александр Борисович!.. Вы мне, как отец!.. но откуда звёзды знают… – воскликнул Зардушт!

– Звёзды ничего не знают, дорогой Зардушт, они просто влияют, как… как атмосферное давление на барометр, например… а вы уже на всякий случай берёте с собою зонтик…

Упоминание о зонтике почему-то всех развеселило…

– Зонтик – это бесполезное дело у нас в Баку… когда дует наш хазри, от зонтика останется одна палка… – смеясь, выпалил Таир.

– Да-да, я знаю… однажды ваш хазри сорвал даже литературный вечер Есенина… Есенин остановился в «Новой Европе» – единственной шестиэтажной гостинице тогда посреди Баку, и хазри сделал своё дело – он так завывал и бился в окна, что у Есенина сдали нервы…

– Ну, откуда вы всё знаете!.. – с восторгом воскликнул Зардушт.

– Ааа…это? Это из книжечки «Балаханский май», кстати, вашего азербайджанца… московского жуналиста Гусейна Наджафова…

Зардушт с горечью подумал: «Ай, Аллах! Этот Дроздов… Ну почему такого человека у меня не было в детстве»… Ему вспомнилось, как он и его маленькие братишки бегали в распоротых на попке штанишках, чтобы, не теребя мать, могли присесть под любым кустом… Глядя на Дроздова и Таира, как бы сравниваясь с ними, он был уверен, что как специалист ничуть не уступает, по крайней мере, Таиру, если, конечно, взять каждого в своём деле… и можно ещё много чего прочесть, нахвататься, но невозможно обрести лоск, который даётся благополучным детством…

– Да, об этом я тоже слышал… мне о литературных вечерах Есенина рассказывал профессор, – оживлённо встрял Таир, – я мальчишкой познакомился с ним на бульваре… Он так и представился: «Профессор» и приподнял соломенную шляпу, а я уже потом только так его и называл… Он первые годы учился в бакинском университете, когда ректором там в 20-х годах был знаменитый академик Сергей Давиденков, организатор первых в мире медико-генетических консультаций…

– Таир, боюсь, сердце Зардушта не выдержит, но…

– Не бойтесь! Сердцем Зардушта, я уверен, можно орехи колоть…

– …но я должен признаться, что знал и Сергея Николаевича… правда, это было шапошное знакомство… Познакомились в Париже, когда он приезжал туда читать лекции по нейрогенетике…

– А знаете ли вы, что он страстно увлекался хиромантией, был глубоким мистиком и фаталистом?..

– Нет! А вот это интересно…

– Профессор рассказывал, что водил к нему Есенина, но о чём они говорили, осталось для него тайной.

– Тайной… – задумчиво повторил Дроздов и покрутил сигарету в пальцах, – как хорошо, что есть тайны, что они бесконечны и неисчерпаемы…

– Хорошо?! – удивился Зардушт.

– Да, дорогой Зардушт, тайны провоцируют наше сознание, нашу фантазию, и без них жизнь потеряла бы бурлеск откровений и авантюрность… правда, есть ещё такая штука – любовь… вот тоже, пойди объясни её!..

– А зачем? Поэт же сказал: «…о любви в словах не говорят…», – возразил Таир.

– …да-да: «…о любви вздыхают лишь украдкой, да глаза, как яхонты, горят…», – улыбнулся Дроздов, – но всё-таки это тоже: слова, слова, слова…

– А я не люблю тайны-майны… я люблю: всё чётко, как математика…

– Но математика, Зардушт, в высших проявлениях становится поэзией, а у поэзии всегда размытые границы… вот такая получается лента Мёбиуса…

Таир видел, что Зардушту требуется время, чтобы переварить разговор (Зардушт самостоятельно изучал русский, и язык Дроздова затруднял его), и Таир предложил пройтись и спуститься к морю. Они пошли по металлическому пандусу, который диагональю лепился к ровной стене обрыва.

– Мне очень нравится этот спуск, – обмолвился Таир.

Дроздов искоса посмотрел на него:

– Это вам привет из сталинского времени. Этот спуск сработан заключёнными, и уверяю вас, он до сих пор надёжен.

Лирическое настроение Таира было несколько подпорчено этим сообщением.

– А вы до сих пор верите в сверхчеловека? – с лёгким сарказмом спросил он.

Дроздов обезоруживающе рассмеялся:

– Ну, что вы! Миф о сверхчеловеке был развеян моей нянькой, когда мне было лет пять… Я всюду видел его портреты и бронзовые бюсты и как-то спросил у неё: «А дедушка Сталин кушает?..», а она, возьми да и скажи мне: «И пукает, и какает, как ты…», ну и всё…

Таир хохотнул, откинув голову вбок…

– Знаете, Таир, внешне вы вполне вписываетесь в парадигму азербайджанскости… но, странное дело, ваши манеры, жесты, мимика…

– Ну, может быть, оттого, что мама у меня грузинка и учился в русском секторе…

– То есть вы считаете, что язык – это даже нечто внешнеобразующее…

– Конечно, да. А вы посмотрите на носы и подбородки многих французов типа Луи де Фюнеса…

– Но у них есть и подбородок Жана Марэ…

– Это спорный вопрос, имея в виду нрав его матери…

Зардушт с любопытством глянул на Таира…

Они спустились к самому морю и пошли вдоль берега нестройным рядком по вязкому песку. Ветра не было, и волны тихо, со сливочным плеском выкатывались и убегали вспять. На пляже стояло много сквозных навесов из тростника и пожухлой травы, но по центру пляжа была вбита глухая ракушка из грубой соломы, открытая только на сторону моря.

Когда трое собеседников приблизились к ней, оттуда, как летучие мыши в сумерках, вылетели юные, судя по силуэту, мальчик и девочка. От неожиданности Зардушт выкрикнул по-азербайджански:

– *Buna bax! Neyniyirlər! Biabırçılıq!*..[1]

– Ну, что они такого сделали… ну, напугали нас… – мягко, примиряюще, успокаивая Зардушта, сказал Таир.

– Нет-а… *mən deyirəm, gecənin bu vaxtı uşaqların burda nə iti azıb?!* [2]

Дроздов не владел азербайджанским, но, глядя на Зардушта своим многоопытным взором, всё понимал и лукаво улыбался.

– В этом возрасте, – сказал он, – им же, наверное, пятнадцать-шестнадцать?.. у них нет тел… у них электрические оболочки… коснутся друг друга, и – искры сыплются из глаз… когда ж ещё сидеть в обнимочку и улетать туда?! – Дроздов показал рукой на небо.

– Дорогой Зардушт, а что? У вас было как-то по-другому?..

Зардушт не ожидал такого оборота и растерялся.

– У меня?.. Нет… у меня всё было, как положено… приехал в Баку… поступил… познакомился с девушкой… сказал родителям…

Зардушт говорил пыхтя, с расстановкой, потому что не привык лгать нагло, и ему трудно было запихивать в подсознание картинки, которые вдруг замаячили в го-

[1] Смотри на них! Что делают! Позор! (азерб.).

[2] Я говорю, в такое время детям, что делать здесь?! (азерб.).

лове: в десятом классе он был уже рослым, вихрастым, с горящими глазами и белозубой улыбкой парнем. Был лучшим учеником в школе, особенно по химии и математике, и директриса, которая параллельно вела класс математики, объявила, что будет заниматься с ним дополнительно, чтобы подготовить к поступлению в институт. Занимались в её кабинете. Зардушт жадно ловил всё новое и однажды так увлёкся, что аж испарина выступила на лбу. Она с умилением посмотрела на него, пригладила непокорные пряди и стала платочком промокать ему лоб. От платочка повеяло каким-то тонким манящим ароматом, и чтобы задержаться в нём, он непроизвольно дёрнулся вперёд и ткнулся носом в её запястье, а его губы легли на тонкую браслетку золотых часов… её руку обдало горячим дыханием юного обморочного желания…

– …родители приехали… посватали…сейчас у нас двое детей…

– Счастливый вы человек, Зардушт, это не так часто случается, чтобы первый сексуальный опыт и любовь совпали.

Зардушт смутился – «эти русские так откровенно говорят…».

– Александр Борисыч, простите мою бесцеремонность, но в вашем тоне я уловил сожаление…

– Да какая там бесцеремонность!.. В моём возрасте любое воспоминание – вторая жизнь!.. Да и уловили вы всё верно, Таир!.. Хотя сожалеть-то не о чем… по правде сказать: благодарить надо!.. В сорок первом мне было тринадцать, и мы с матерью оказались в эвакуации в Челябинске – папино начальство постаралось… Приютила нас сердобольная женщина. Жили мы все в одной комнате, только её кровать стояла за ширмочкой. И вот однажды, рано утром мама ушла в рейд по окраинам Челябинска, обменять какие-то вещички на картошку, там у людей были свои маленькие огороды… А Анюта… ей было за сорок, но все её звали Анюта… и одевались ещё тогда так, что выглядела она бабушкой… Анюта пришла с ночной – она работала в хлебопекарне – стала раздеваться… расстегнула лифчик и начала соскребать с груди готовое тесто, которое вынесла из пекарни… обнажённая, бабушкой она уже не казалась, и мне так захотелось и кусочек дрожжевого теста, и!.. ещё чего-то… чего, в точности, я не знал… но моё тело знало лучше меня… Анюта обернулась – в сизом, неверном свете утра увидела, как я дрожу…

– Ну, что, малòй – тяжко?.. Сейчас помогу…

Я спал на узком и низком, как железнодорожная койка, топчане. Анюте не нужно было никуда залезать. Она расставила ноги, задрала юбку и оседлала меня, потом наклонилась, и на мои щёки с двух сторон легла её грудь, пахнущая дрожжевым тестом…

Да, сожалеть не о чем… надо только благодарить!.. – Дроздов засёк физиономию Зардушта и рассмеялся…

Зардушт онемел, преодолевая неловкость… в голове шипела мысль: «…*yox-yox, böyük-kiçik yoxdu onlarda*…»[1]

– Вы знаете, ребята, а здесь сыровато… влажность большая… для моих косточек это не есть хорошо… айда наверх… – Дроздов кивнул головой ввысь.

– Да, я тоже пойду, – неуверенно сказал Зардушт.

– А я ещё посижу «под синий *berceuse*[2] океана…», – подражая Вертинскому пропел Таир.

– «На жёлто-лимонном песке…», – уходя, подхватил Дроздов…

– Александр Борисыч, – окликнул его Таир…

– Ась?!

– А чем принципиально разведчики отличаются от обычных людей?!

---

[1] Нет-нет! Старший-младший – нет у них понимания (азерб.).

[2] Колыбельная (франц.).

– Работают без выходных… – вмиг отозвался Дроздов, и его проказливая улыбка мягко исчезла в бархатной растушёвке ночи.

Таир остался один, если не считать море, которое дышало ему в лицо…

Он на скамейке откинулся назад, упёрся затылком в грубую соломенную рогожу и прикрыл глаза… «Наступило вечное мгновение… Зардушт так любит умные разговоры… Дорогой Александр Борисович, вы мне, как отец… Нет, а что? Нормально… Дроздов – интеллектуал, с ним интересно… У меня ведь тоже был чичероне, в своё время…».

Профессор всё больше и больше времени проводил, прогуливаясь по бульвару. В последние полгода у него выработалась привычка разговаривать с самим собой, и какие-то фразы непроизвольно выстреливали вслух. В этом случае лучшего времени, чем ранние утренние часы и терренкур вдоль берега моря, трудно было бы и сыскать. А ещё в конце бульвара – наискосок от Дома правительства – находился динамовский корт, куда по утрам регулярно захаживал профессор. Прошлым летом у него на корте появился юный соперник, которого вскоре в шутку стали называть «ваш сынок» – профессор улыбался, ему нравилось… на память приходила первая встреча: он сидел на скамейке в ожидании партнёров, глаза были прикрыты соломенной шляпой, из-под которой виднелась лишь узкая полоска гаревой дорожки… вдруг на ней крупным планом нарисовались белые кеды и раздался голос:

– Здравствуйте, меня зовут Таир…

– Прох-х-х-фессор, – нарочито серьёзно произнёс он и приподнял шляпу.

Перед ним стоял долговязый юнец… на фоне яркой голубизны неба черты лица не сразу обрели чёткость… профессор вздрогнул – весь облик в целом, как блик из прошлого, напомнил ему его самого.

– Ой! А я вас знаю!.. – вскрикнул Таир.

– Да?.. – ещё больше удивился профессор.

– Да! Вы же единственный в Баку ездите на велосипеде, да ещё в шортах!..

– Понятно, место городского сумасшедшего мне обеспечено…

– Ну, нет… я ничего такого не имел в виду, – смутился Таир. – Я хотел бы предложить вам «перекидку», чтобы размяться…

Профессор миновал Девичью башню и вышел к переходу на бульвар. На той стороне, вдоль бульварного окаймления, в глаза сразу бросилась широкая кумачёвая лента, на которой аршинными белыми буквами было написано: «Баку – красавец город! Приятно жить и трудиться в таком городе!» Л.И. Брежнев.

Профессор задержался на переходе, пока обозревал всю длину афоризма. «Ну, что ж, не солгал… молодец… Не успел уехать – уже цитируют… тоже молодцы… Если женщина красива и в постели горяча, это личная заслуга Леонида Ильича… и народ-мифотворец не дремлет… да… все хороши… только ты плохиш… а собственно, почему это я плохиш?.. Ну, полетела вся моя la vie intime в тартарары, но я – физиолог, я же не дуб стоеросовый – всё идёт своим чередом… чудак, а кому от этого легче?! … бедная девочка… и тело, и психика страдают – вместо соития zero… я уже, как полгода, гожусь только в ладушки поиграть!.. Ну, зачем!.. зачем Ты так устроил человека?!. Мы были полноценно счастливы и по-прежнему любим друг друга, но законы, по которым живёт тело, не совпадают с законами души… как хорошо сказал поэт – как же его имя?!… Забыл…

Моя любовь, минуя тело,
выпрастывается несказанной нежностью рыдающих слов!
Дай же жар зверя моей любви,
чтобы она обрела целостность
задуманного Тобою счастья!…

… каждое слово – моя боль, мой крик... что же?! двадцать лет назад мы должны были думать о сегодняшнем дне?!. и отказаться друг от друга… девочка моя, любимая моя… Ну, зачем Ты разрушил наш мир?!. Зачем поселил меня на альпийских лугах?.. холодно мне…», – профессор передёрнул плечами… и вправду, было прохладно на полукилометровой эстакаде, уходящей в море, куда профессор забрёл незаметно для себя. На самом конце эстакады возвышалась «стекляшка» – кафе «Садко», и профессор решил уже добраться туда и попить кофейку.

Эстакада была пуста, и чем дальше, тем ощутимей становились порывы свежего ветра и плеск волн. Профессор шёл, придерживая шляпу рукой, а в другой он нёс тонкую элегантную трость, привезённую из Парижа (младший брат профессора занимал хорошее положение в ЦК партии, и профессор вовсю пользовался его протекцией для вылазок за границу). Перед «стекляшкой» угадывалась маленькая фигурка, которая непонятно для чего маячила на ветру. Каково же было удивление профессора, когда в приближении он уразумел, что это Таир стоит с резко опущенной вперёд головой. В следующий момент Таир выровнялся, всплеснул руками.

– Это вы?! – воскликнул он. И профессор увидел, что у него на шее болтается тяжёлая, как чёрный кирпич, фотокамера «Комсомолец».

– Мальчик мой, что ты тут делаешь, и откуда у тебя этот раритет?!

– Это папин старый аппарат.

– У тебя нос потёк на ветру, идём согреемся… чашка кофе будет как раз…

– Они ничего не дадут. Я уже хотел… Говорят – рано…

– Поразительно! Эти люди готовы в любое время хапнуть сто рублей, но заработать честно на своём рабочем месте какие-то деньги для них – рано!.. Идём. Подадут, как миленькие.

Профессор подошёл к двери и концом изящной, как клюв, бронзовой рукоятки трости постучал по стеклу. Из глубины кафе, как в аквариуме, выплыло недовольное лицо женщины средних лет. Она хотела жестом показать, что кафе закрыто, но, поддавшись обаянию профессора, приоткрыла дверь.

– *Salam əleykim*, – сказал профессор и широко улыбнулся.

– *Salam*, – отозвалась она и потеряла контроль над дверью…

Профессор обернулся к Таиру, взял его пòд руку и сказал:

– Проходи сюда…

– *Bu mənim tələbəmdir* [1], – доверительно, как старому другу, представил он ей Таира. – *Biz sənin iş yerində şəklini çəkmək istəyirik. Bilirsən, Moskvada sovet Azərbaycanının əlli illiyi münasibətilə foto-sərgi açılacaq… sən bizə kömək edə bilərsən?*..[2]

Буфетчик, который то ли дремал, то ли слушал мугам за стойкой, встрепенулся, убавил звук радио и спросил:

– *Nə istəyirlər?*..[3]

Женщина не успела ответить. Профессор в опережение махнул ему рукой и по-режиссёрски распорядился:

– *Sən də bura gəl. Kadrda yaxşı görsənərsən.*[4]

– Так, – продолжал командовать профессор, – Таир, общий *çəkmə* [5], видишь, здесь пусто, нехорошо, поэтому возьми средний план…

Таир тихо шепнул:

– У меня нет плёнки…

---

[1] Это мой студент (азерб.)

[2] Мы хотели бы сделать твое фото на рабочем месте. Понимаешь, в Москве открывается фотовыставка, посвященная 50-летию советского Азербайджана. Поможешь нам? (азерб.)

[3] Чего хотят? (азерб.)

[4] Ты тоже иди сюда. Для кадра хорошо будет. (азерб.)

[5] Не снимай (азерб.)

– Не имеет значения, – сквозь зубы процедил профессор, и уже громко продолжил, – вот он в белой тужурке… он как раз будет подавать, а женщина сядет за соседний столик… как клиентка…

Женщине роль клиентки явно понравилась, и, давясь смехом, она крикнула буфетчику:

– Нə, Гюльбала, ну, что ж, *bu gün sən məni обслуживать eləyəcəksən*…[1] хи-хи-хи…

– *Ay, Samayə!.. Ağ eləmə*!..[2]

– Так, так, так… – Профессор быстро вернул их в деловое русло, – что у вас есть?! Кофе, пирожные есть?! Всё несите!.. а ты – снимай…

Когда «творческий процесс» был окончен, женщина лисой начала было подползать к профессору:

– *Müəllim, mənə də bir dənə карточка verərsiz?* [3]

– *Yox. Olmaz* [4] , – весомо возразил профессор и со значением пояснил, – *bu эксклюзив fotosessiyadır. Ancaq Moskva üçün.*[5]

Конечно, с Москвой не посоперничаешь, но она всё равно была рада, что где-то далеко какие-то люди будут смотреть на неё и узнают, что в Баку живёт такая вот женщина…

Теперь, после «трудов праведных», профессор и Таир сели за столик в дальнем углу, с видом на остров Наргин. Кофе был горячий, а пирожные свежие из холодильника – всё хорошо!.. Профессор заметил, что Таир чего-то хотел, но мялся.

– Что-то не так, Таир?

– Я хотел спросить… мы их обманули… по логике – это грех?..

Профессор посмотрел вдаль, и в его светлых глазах Таир увидел отражение Наргина…

– Ну, во-первых, логика скучна… это не мои слова – это Хичкок… а теперь давай разбираться: во-вторых, в-третьих и т.д… Мы разбудили это сонное царство, оживили жизнь, пробудили их мечты о том, что они могут быть кому-то интересны… дали получить первую прибыль с утра пораньше, а это дело святое – ***Siftə*** [6]! – ты же видел, как он поцеловал рубль и приложил его ко лбу! И, наконец!.. два не самых плохих человека на свете получили приют и пьют кофе! Видишь, иногда и грех может принести всем только пользу… Ну, вот, улыбаешься – вижу, что убедил…

Профессор сделал глоток кофе и взял в руки тяжёлую, хорошо сработанную камеру «Комсомолец».

– Мне нравится этот шильдик, видишь, как каллиграфически написано: «Комсомолец». Эта камера – точная копия «Бриллианта» – немецкого фотоаппарата тридцатых годов. У меня есть и то, и другое, и вообще, большая коллекция фотоаппаратов… А что ты ни свет, ни заря щёлкал на эстакаде?

– Последним кадром щёлкнул случайно вас на пустынной эстакаде… Я решил поступать во ВГИК на кинооператорский… там требуется предоставить комплект фоторабот… И ещё, хочу поучаствовать в конкурсе, посвящённом 100-летию Ленина…

– А это чего ради, дозвольте спросить?

Таир задумался.

– Ну, наверно… ради славы… мне ведь уже семнадцать лет!..

– Вот как! А знаешь, когда Бог отделил свет от тьмы, наград никаких не было, он просто посмотрел и сказал: «Это – хорошо».

– А что? Вы правда думаете, что Бог есть?

---

[1] Сегодня ты будешь обслуживать меня. (азерб.)
[2] Ай, Самáя, не зарывайся! (азерб.)
[3] Учитель, а мне тоже одну карточку дадите? (азерб.)
[4] Нет, нельзя. (азерб.)
[5] Это эксклюзивная фото-сессия, только для Москвы. (азерб.)
[6] С почином! (азерб.)

Профессор с горечью подумал: «Основы жизни предельно рациональны, как бы ни хорохорился человек»… Он посмотрел на бесконечное и всеохватное небо за спиной Таира и очень медленно, останавливаясь на каждом слове, сказал:

– На этот вопрос каждый человек должен ответить сам…

– Когда мне было тринадцать, я уже спрашивал об этом у отца…

– … и что же он ответил?

– Он сказал: «Живи пока, как в раю, и… играй в футбол…»

Профессор рассмеялся.

- А мама – я знаю – против, чтобы я ехал куда-то учиться, а я уже решил: ВГИК – и всё!.. но силы нет поговорить с ней… а у вас такое бывает?

– Бывает…– профессор взял свою фетровую шляпу с соседнего стула, повесил её на ручку трости и слегка ударил пальцем по тулье – шляпа начала качаться…

– Видишь?.. У меня есть такой китайский болванчик – я привёз его из Индонезии – который ровно полчаса качает головой… им я отмеряю беседу с кем-нибудь из случайных посетителей, а если нужно сказать что-то, что мне трудно сказать, я просто жду, когда он кончит качать головой…

– Интересно! – с удивлением прошептал Таир.

– Знаешь что! А приходи-ка ты сегодня вечерком к нам и выбери себе любой аппарат, какой понравится, поснимай им… выбери какой-нибудь дальномерный со съёмными объективами…

– Правда?!. Я прибегу!..

По витой лестнице, как по стенке колодца, Таир взбежал на третий этаж. В тишине парадной он с замиранием сердца нажал на звонок. Дверь была высокая, резная. По стене её окаймляли стройные линии, которые над ней сплетались в лепное навершие. А высоко над головой всё завершал стеклянный купол, который в дневное время пропускал мягкий, рассеянный свет. Таир не слышал никакого движения за дверью, и когда она внезапно открылась, он стоял с задранной головой.

– Здравствуйте. Проходите. Что вы стараетесь разглядеть? – голос был мягкий, лишённый всякого официоза.

Перед Таиром стояла красивая, стройная женщина, в лёгком укороченном платьице, которая пытливо оглядывала его.

– Я хотел разглядеть какую-нибудь звезду на небе, – смущённо сказал Таир.

– …да, действительно, есть какое-то отдалённое сходство, – отвечая своим мыслям проговорила женщина и, уже обращаясь к Таиру, сказала, – не пытайтесь… голуби сделали своё дело, да и купол уже давно не мыт.

В коридоре появился профессор, он был одет так, будто только что пришёл.

– Вот молодец!.. Знакомьтесь, это Таир, о котором я тебе уже сотню лет назад говорил, а это – моя la femme fatale! – сказал профессор и мягко прижал её к себе.

– Я прошу тебя, завари, пожалуйста, вкусный кофе… («исправим то, с чего начался день», – бросил он в сторону Таира)… и приходи к нам… посидим в кабинете.

Тёмный, широкий паркет был хорошо навощён – Таир замешкался…

– Идём, что ты?...

– Может быть, я надену тапочки?

– А, вот, пожалуйста, бери.

Профессор открыл дверь и пропустил Таира вперёд.

Стена напротив сразу бросалась в глаза рядами книг в большом старинном шкафу с гранёными стёклами. Сбоку, притулённое к нему, стояло расчехлённое ружьё «Зауэр три кольца». При повороте направо открывался вид всего кабинета. В простенке, между двумя удлинёнными окнами с деревянными ставнями, стоял, как взлётно-посадочная полоса, дубовый письменный стол. Над ним висел фотопортрет весёлого молодого человека в кожаном комбинезоне на фоне самолёта МиГ-21.

Таир остановился напротив него – портрет был живой: чувствовались игра солнца и дрожание травы на земле. Профессор подошёл и положил руку на плечи Таира:

– Этот портрет сделал я… Это мой сын от первого брака… он был военным лётчиком…

Таир закивал головой, ему хватило чутья не задавать вопросов.

– Ну, а вот моя коллекция, – профессор подвёл Таира к стеллажу, – давай сразу выберем тебе машинку… я бы посоветовал вот эту… это «Киев-4», и вот этот объектив «Юпитер»… Ну, как? Подходит?..

– Здòрово! – с горящими глазами воскликнул Таир, – теперь я буду крутиться, как чёрт!

– Лучше, как юла… – раздался женский голосок, – … кофе готов, дорогие мальчики, прошу садиться, – и она поставила поднос на уютный столик рядом с камином. Столик был выточен из среза карельской берёзы и имел форму сглаженного треугольника, поэтому в застолье все оказывались совсем рядом.

– Ой, а вот и он! – воскликнул Таир, увидев на каминной полке китайского болванчика.

– Да, он самый… – сказал профессор и, садясь, щёлкнул пальцем по его лысой, блестящей голове…

Профессор был очень воодушевлён. Он увлечённо рассказывал о тонкостях фотографического искусства. Выяснилось, что его работа «Портрет, с падающей рамой» удостоилась серебряной медали на фотоконкурсе в Италии.

– А как же вы были против конкурсов сегодня утром… – удивился Таир.

– Не конкурсов… а против твоей мотивации, – ответил профессор. – Я же ухватился за конкурс в надежде получить у специалистов оценку своих потуг…

– Не потуг, а твоего творчества!.. Салех, ну к чему это самоуничижение?.. – и она накрыла ладошкой его пальцы.

– Детка, говорить о своём творчестве имел право Буонарроти, который четыре года, лёжа на спине, расписывал потолок Сикстинской капеллы… кстати, Таир собирается поступать во ВГИК на кинооператорский… и, по-моему, в нём есть всё, чтобы стать Мастером.

– О, это очень интересно: писать своими глазами жизнь! Удачи вам, Таир!

– Спасибо. Но пока это всего лишь моё решение…

– Вот и прекрасно! Ибо конечная цель – ничто, движение – всё!

– Нет. Но я хотел бы поступить…

– Поступить – значит набираться мастерства и опыта… а это, как горизонт, этим ты будешь заниматься всю жизнь…

– Таир, возьмите конфетку… рекомендую… она с ликёром…

– Эврика! Как хорошо, что ты напомнила… у меня же есть превосходный итальянский ликёр, – профессор поднялся и прошёл в гостиную.

– Лида! Я хотел бы и мадерцы захватить, где она? – донёсся голос профессора.

– На кухне. Я поставила слегка согреть!..

– Умница!..

– Таир, – Лида кивнула головой в сторону портрета на стене, – об этом лучше помалкивать…

– Я уже догадался…

– Ух, какой!.. – она улыбнулась ему в лицо.

«Красивая», – подумал он и смутился…

– Ну-с, с чего начнём? – профессор обратился к Таиру, – я советую с мадерцы… ликёр более вязкий, потом не даст ощутить вино…

Профессор увидел, что Таир колеблется:

– Не бойся! По рюмочке – это тебя не свалит… как меня учил камергер двора его императорского величества… – тут, профессор увидел, что оба с удивлением посмотрели на него, – … ну, да, камергер… году в двадцать шестом… летом я обретался в Питере, то есть в Ленинграде… в маленьком ресторанчике познакомились… он забавно грассировал: «Юноша, вы не смотгите, что это дыга, зато здесь хагашо когмят…». Он учил меня: «Если вы будете из напитков составлять вегный ансамбль с едой – вы никогда не потегаете эквилибг»…

– Салех, дорогой, но сейчас ты выпадаешь из ансамбля с нами – нам принёс рюмочки, а себе – здоровенный бокал… – засмеялась Лида.

– Сегодня у меня сольная партия…

– Профессор, а почему на бутылке мадеры написано «Malvasia»?

– Мальвазия – это один из сортов винограда, из которого делается мадейра… будь здоров… ну, как тебе?

– Сладко…

– А ты запей кофе… Таир, тебе для ВГИКа нужны разножанровые фотосерии?

Таир кивнул головой.

– Тогда у меня будет маленькая просьба… что, если ты начнёшь портретную серию с моей дорогой фам фаталь?

– С удовольствием!.. а можно и парный портрет…

– Нет-нет-нет… я сейчас уеду на дачу… (Лида с удивлением посмотрела на профессора)… до понедельника… у тебя будет парочка дней… а начать можешь… вот попробуй ещё ликёр… а начать можешь и… сегодня, чуть погодя…

Профессор поднялся. Лида и Таир тоже встали… Возникла странная, неловкая пауза… Профессор глянул на каминную полку – китайский болванчик замер и посмотрел на профессора в упор…

– Я люблю вас обоих!.. – хриплым голосом выдохнул профессор и, стоя над столиком, обнял их и притянул к себе – все трое соединились лбами… Глядя в их широко раскрытые глаза, профессор прошептал: «Парень с девкой – музыки не надо!»… И будет солнце, и новый день…

Профессор резко отпрянул…

– Таир, надеюсь, в понедельник я увижу серию…

Время остановилось – Лида и Таир услышали хлопо̀к входной двери – и время по капле стало просачиваться в тишину комнаты…

Таир поднялся со скамейки, скинул вьетнамки с ног и встал на кромке влажного песка… перед ним стояла бесконечная тьма, он ничего не мог разглядеть и только слышал, как она дышит… «Потустороннее царство», – подумал он.

Таир рупором сложил ладони у рта и крикнул в эту живую кромешную тьму: «Профессор!.. Лида!.. я люблю вас!..», – и как будто в ответ чёрная, тёплая волна обняла его щиколотки и просочилась в песок…

САИДА СУБХИ

Фонограмма

Скрип половиц, и тиканье часов:
тик-так...
А за окном прохожих топот.
И гул потусторонних голосов:
галденье, щебетанье,
рокот, шепот...

Капе́ль дождя отстукивает ритм:
***кап-кап*...**
И ветер копошится в шторах.
И всё вокруг с тобою говорит:
шаги, дыханье,
рукописей шорох.

И шелест книг, и клавиш дробный стук:
***тук-тук*...**
И тишь, и переливы строчек.
Вибрация пространства, ультразвук.
И музыка.
И эхо многоточий...

*** * ***

«Я клавишей стаю кормил с руки…»

Б.Пастернак

Стихов легкокрылую стаю
не раз я кормила с руки.
И в слово душою врастая,
ловила дыханье строки.

Так, к музыке сфер причастившись,
подлунного мира пророк,
к светилам небес обратившись,
о вечном поет между строк.

И слово его огневое
насквозь прожигает сердца.
Творящее Слово Живое,
не ведающее конца...

Резюме

Проснуться на рассвете,
прислушаться к зиме.
И обо всем на свете
составить резюме.

Присесть на подоконник,
предчувствуя строку.
Листа прямоугольник
в магическом кругу.

Предметы обихода
в пылящемся быту,
и время – мимоходом,
и зеркало в поту.

А ты как не при деле
(что лето, что зима)
выходишь за пределы
и тела, и ума.

Фрагмент стихотворенья
в сумятице страниц.
И вот оно – прозренье! –
отсутствие границ...

Полет

Придут, возьмут за шкирку, понесут
над иллюзорным,
в сумраке беззвездным.
Вздымаешься, мерцая на весу,
за тридевять небес над сонной бездной.

Несешься вдаль, погнув земную ось,
одолевая силу тяготенья,
в надмирное просачиваясь сквозь
судьбы витиеватые сплетенья.

Искришься, возгораясь на лету,
сжигая в прах земную оболочку.
Пересекаешь времени черту,
сворачиваясь в световую точку.

Смеркаешься –
и вспыхиваешь вновь,
Божественному замыслу вверяясь.
И постигаешь вечную любовь,
в сиянье абсолюта растворяясь.

Ироническое

Щелчок –
увы, опять осечка.
Я – аварийная аптечка,
и недописанная строчка,
и не проставленная точка.

А в жилах –
жижа цвета лечо...
Я – ясновижу.
Это лечат?..
Я залепила губы скотчем –
мое молчание грохочет.

Я – неразыгранная фишка
и недочитанная книжка.
Щелчок –
еще одна осечка...
Я – несгораемая свечка...

*** * ***

Встрепенешься, вынырнешь из сна,
выдумаешь жизнь
(а к жизни – смысл...)
Выудишь из смутного ума
болеутолящую мысль

О душеспасительном пути
к безусловной, подлинной любви,
для которой рифмы не найти
в бренном мире лжи и нелюбви.

Разобьешь кривые зеркала
миража, царящего в миру.
В сердце, откровенном догола,
залатаешь черную дыру.

Выучишься вслушиваться в тишь,
и летать, и видеть в темноте,
и молчать, и петь, когда молчишь,
и мерцать, ступая по воде.

Растворяться, сотворяться вновь,
быть как есть во всем и вне всего,
постигая вечную любовь
в имени и образе Его.

Пишу

Пишу Тебе куда-нибудь туда,
куда спешат бессонно поезда,
из зыбкой долготы и широты,
пишу –
и строчек множатся ряды...
Из города безудержных ветров
и снов на перекрестке двух миров.
Сквозь толщу расстояний –
напрямик,
из вечности, сжимающейся в миг.
Из тайника сердечной глубины,
пьянея от любви и от луны.
Преодолев иллюзию времен,
слагая гимны из Твоих имен,
плетя строку из лунных паутин,
плывя звездой по Млечному пути,
пишу Тебе.
И слышится в тиши
Твое ко мне:
«Пиши,
пиши,
пиши...»

Хайку

*** * ***

Полночный пляж.
Песчаный замок смыло –
ничто не вечно...

*** * ***

Сомнамбула
бредет по краю крыши.
Луна в зените.

*** * ***

Сухие листья
кро́шатся, как чипсы,
в руках ребенка....

*** * ***

Раскроется цветком
листок бумажный,
что смят и брошен...

Предчувствие близкой войны

(по Сальватору Дали)

Нашла коса на камень.
Вновь крови жаждет Каин.
Война ведет к войне.
И лучше бы нам не …

*** * ***

Будем живы – будет хлеб,
молоко, вино.
Стопка книг, уютный плед,
старое кино.

Дневники, карандаши,
Эхо голосов.
Выдох плоти, вдох души,
Мимолетность снов.

Зыбь небес, земная твердь,
призрачный рассвет.
Чувств и мыслей круговерть
в суете сует.

Погрязающий в страстях
иллюзорный мир.
Пляска смерти на костях
в безднах черных дыр.

Полуночная луна,
стихотворный бред.
Озарение ума,
сердце на просвет…

Будем жить, кормясь с руки
Вечности святой,
вещей музыкой строки
после запятой.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ – 130

ЛЯМАН БАГИРОВА

Урок географии

Эссе

Если кто-то и мог подойти под определение «не от мира сего», так эта наша школьная учительница по географии Евгения Ивановна. Худощавая, с уродливым шишковатым пальцем и нелепыми седыми кудряшками, она ровным скрипучим голосом объясняла нам премудрости физической и материковой географии. Изображая на лицах неподдельное внимание, мы пытались вникнуть в ускользающий смысл определения азимута и, высунув от усердия язык, вычерчивали набившие оскомину контурные карты. Ох, уж эти мне контурные карты!

И не было для нас, 5,6,7,8(да-да!)-классников большей радости, чем услышать от Евгении Ивановны заветное: «А теперь сели, – спинки ровно, – слушаем!» И начиналось волшебство. Сколько она рассказала нам занимательных историй о географических открытиях, неведомых странах, тайнах затонувших кораблей! Самые отъявленные двоечники сидели, не шевелясь, боясь спугнуть невидимую нить мерного повествования. Границы школьного кабинета географии необъяснимым образом расширялись, нарисованные на картах моря наполнялись шумом волн, а свет обыкновенной 100-ваттной лампочки казался северным сиянием.

Мы не были бы детьми, если бы не пытались лукавить и не водили бы добрейшую Евгению Ивановну за нос. Сколько раз мы умоляли ее не проводить опрос, а рассказать нам еще что-нибудь интересное. Сколько раз мы клятвенно заверяли ее, что непременно ответим все на следующем уроке, и, естественно, ничего не отвечали, а начинали канючить снова. И сколько раз Евгения Ивановна (светлая душа!), идя у нас на поводу, завораживала нас вновь и вновь. Возможно, кто-то скажет, что это было непедагогично и даже в ущерб школьной программе. Но мудро сказал Гете: «Перед великим умом я снимаю шляпу, а перед великим сердцем опускаюсь на колени». Географию мы все, кстати, знали неплохо, а некоторые и отлично. А маленькая, тихая наша учительница прозорливо полагала, что ничто так не пробуждает интереса к предмету, чем полет фантазии и воображения. И только однажды мы видели Евгению Ивановну в нешуточном гневе. Случилось это тогда, когда один из учеников позволил себе пренебрежительное высказывание о книге Паустовского: «Вот, мол, опять по литературе тягомотину задали, только про природу и пишет».

Обычно негромкий голос ее достиг своего апогея, стал чуть визгливым, но от этого не менее внушительным. «Что вы?! – негодовала она. – А еще говорите, что любите географию? Да если хотите знать и любить этот предмет по-настоящему, вам достаточно прочитать Паустовского. Он один расскажет о горах и озерах, морях и лесах так, как ни один из ученых географов. И, кстати, по биологии и истории он просветит вас так, как это не сделает ни один учебник. Не знаете ничего, не желаете знать, а еще рассуждаете!!!»В общем, гневная ее речь свелась к тому, что последующие три урока мы посвятили изучению географии Средней полосы России, Кавказа и Крыма по рассказам и повестям Паустовского, а я умудрилась даже схватить жирную пятерку с плюсом за доклад по его творчеству.

В 9-м классе у нас была уже другая учительница по географии. Рассказы Евгении Ивановны остались в прошлом. Но, Бог его знает почему, с того ли достопамятного урока или еще по какой причине, только Константин Паустовский стал с тех пор одним из моих любимых писателей, если не самым любимым.

Кажется, нет ни одного автора, чье творчество было бы так пронизано светом романтики. Не нарочито пафосной романтикой, а настоящей – не подвластной ни разумению, ни расчету, ни вымученному поиску слов и надуманных эпитетов.

О романтизме прозы Паустовского писали многие ученые мужи и дамы (и, я уверена, еще будут писать!), литературоведы определяли в ней некую особую «цикличность развития по спирали» и очень радовались этому. Честь и хвала им! И все же, если бы мне довелось в нескольких словах сказать, в чем магическая, волшебная особенность его творчества, я бы обратилась за помощью к примеру. Человеку можно подать клубнику на потной ладони, а можно в хрустальной вазе. И вкус у нее будет разный. «Клубника» прозы Паустовского не в хрустальной вазе и уж тем более не на потной ладони. Она может быть в выщербленной стеклянной миске, но миска эта будет подана в тот миг, когда солнце вспыхнет в ее гранях, и старое стекло заиграет ярче хрусталя! В самом деле, кто, кроме настоящего художника слова, может заметить, что бутоны ирисов похожи на маленькие зачехленные полковые знамена, готовые развернуться с минуты на минуту? В розовом раструбе морской раковины услышать пение диковинных птиц? Увидеть, что черешневое варенье вспыхивает в закатном луче каплей старинного янтаря? Только человеку, почитающему воображение за великую животворную силу искусства, под силу такое.

Родившийся в мае 1892 года, Константин Паустовский волею судеб оказался свидетелем и участником важнейших исторических событий века двадцатого, с юности подрабатывал репетиторством, служил санитаром в Первую мировую, кондуктором в московском трамвае, корреспондентом одесских, закавказских и московских газет, изъездил множество стран. За заслуги в Отечественной войне был посмертно награжден медалью «За отвагу» в мае 1997 года, когда уже не было ни той страны, в которой он родился, ни той, в которой продолжал жить и творить. С какими только людьми ни сводила его жизнь: Багрицкий, Булгаков, Шенгели, Ильф, Горький, Бабель. На склоне своих лет он написал, пожалуй, главное свое произведение – автобиографическую «Повесть о жизни», где люди и события предстают настолько ощутимо, что поневоле забываешь, где кончается книга и начинается реальность. Я сейчас перечитываю его «Повесть о жизни», пожалуй, самое грандиозное, что он написал, и поражаюсь, что в главе «Начало неведомого века» он описал Россию первых лет революции, гражданской войны и конца первой мировой. Такое впечатление, что он описывает нынешнее время. С одной только разницей, что оружие в 2022 году гораздо больше и коварнее.

Он оставил после себя несколько повестей и пьес, множество рассказов и литературных статей. Литературе как творческому процессу посвящено его уникальное в своем роде произведение «Золотая роза», в каждую страницу которой погружаешься как в маленькое блистающее чудо.

Лицо неистового романтика особой нежностью черт не отличалось. Огромный с залысинами лоб, смуглая тонкая кожа, изъеденные астмой щеки, по которым пролегали резкие складки, и натруженные жилистые руки даже на фотографии создавали впечатление строгое, почти суровое. Таил ли он подобно герою своего рассказа – композитору Григу – под напускной замкнутостью хрупкий мир тончайших чувств, или время, не щадящее никого, наложило на него свой всевластный отпечаток – неведомо. Современники отмечали его как необыкновенно учтивого и мягкого человека, из всех человеческих достоинств превыше всего ставившего деликатность.

Как много можно было бы рассказать о любимом писателе. О его родословной, в которой удивительным образом слились польская, турецкая, русская и украинская кровь. О том, например, что в 1965 году Нобелевская премия по литературе должна была быть присуждена Паустовскому, и в связи с этим даже вышли однотомники его произведений в Швеции и Италии. Но лауреатом этой премии, в конце концов, стал не менее уважаемый Шолохов. О том, как однажды приехавшая на гастроли в Москву

знаменитая Марлен Дитрих потребовала(!), чтобы ее представили человеку, написавшему рассказ «Телеграмма», и, когда уже тяжело больного Паустовского привезли к ней на концерт, прилюдно опустилась перед ним на колени. О том, что, когда гроб с телом писателя проносили по улицам Тарусы, жители города выходили из своих домов, низко кланялись процессии и говорили: «Спасибо, Константин Георгиевич, за воду!», «Спасибо, Константин Георгиевич, за газ и за свет!» (Именно стараниями писателя в Тарусу были проведены эти жизненно необходимые коммуникации).

Но никто не расскажет о Паустовском лучше, чем сделал это он сам на страницах автобиографической «Повести о жизни». А мне остается лишь добавить, что Паустовский стал для меня близким и родным писателем. Еще в те далекие годы, когда нелепая незабвенная наша географичка впервые рассказала о нем и тихо взяла в плен мое сердце. Тихо и навсегда, как это и бывает с настоящей любовью, о которой так пронзительно сказал Паустовский: *«Не будем говорить о любви, потому что мы до сих пор не знаем, что это такое. Может быть, это густой снег, падающий всю ночь, или зимние ручьи, где плещется форель. Или это смех, и пение, и запах старой смолы перед рассветом, когда догорают свечи и звезды прижимаются к стеклам, чтобы блестеть в глазах. Кто знает? Может быть, это мужские слезы о том, чего некогда ожидало сердце: о нежности, о ласке, несвязном шепоте среди лесных ночей. Может быть, это возвращение детства. Кто знает?»*

P.S.

Как стало известно сравнительно недавно, К.Г.Паустовский был номинирован на Нобелевскую премию дважды. Первый раз в 1965 году (тогда премию получил М.Шолохов) и второй раз в 1967 году.

Вот сведения из интернета:

Писатель Константин Паустовский в 1967 году был номинирован на Нобелевскую премию по литературе. Об этом стало известно из опубликованных Шведской академией архивов премии. Наградить Паустовского предложил член академии и лауреат Нобелевки Эйдвин Юнсон, однако комитет отклонил его предложение «по естественным причинам», пишет ТАСС.

В архивах премии есть анализ творчества писателя, который сделал критик Эрик Местертон. Он отмечает, что Паустовский не стал большим писателем, хотя и занимает выдающееся место в русской литературе. «Паустовский – писатель с большими заслугами, но также и с большими недостатками. Я не нахожу, что его заслуги могут перевесить недостатки настолько, чтобы можно было мотивировать присуждение ему Нобелевской премии», – заключает Местертон.

В 1967 году на премию по литературе претендовали 70 писателей. Академики в итоге присудили ее Мигелю Анхелю Астуриасу из Гватемалы.

В 2016 году академия опубликовала архивы, в которых было указано, что в 1966 году премию могла получить Анна Ахматова, однако поэтесса умерла в марте, и ее кандидатуру сняли с рассмотрения комитета. Она была в числе номинантов и в 1965 году, но тогда премию получил Михаил Шолохов.

Имена претендентов на получение премии скрывают в течение 50 лет.

P.S. Честно говоря, я ничего не слышала об Эрике Местертоне. Может быть, это был неплохой профессионал своего дела. Не знаю...

Но вот творчество Паустовского знаю и люблю. И его помнят и любят.

Боюсь, что о покойном Эрике Местертоне знает и помнит только узкий круг профессионалов. Да и помнит ли?..

МАРАТ ШАФИЕВ

Два этюда

Неизвестный известный Иванов

Промышленная добыча нефти в Баку в начале XX века привела и к строительному буму. Новоявленные миллионеры соревновались друг с другом в изысканности архитектуры и внутреннем убранстве своих особняков. Большинство росписей было уничтожено в советское время, сохранившиеся нуждаются в серьёзной реставрации. Не известны, за редким исключением, и имена мастеров, писавших маслом на штукатурке.

Дом Агамали Ага Шихалиева в Ичери Шехер доводил до совершенства приглашённый из Парижа Пьер Кординье; росписи в домах на Почтовой и Врангелевской улицах подписаны в правом нижнем углу: в первом случае – Н. Алйанак (на латинице); во втором – Ивановъ.

Но вот странно: человек западного мира Иванов пишет восточные сюжеты, а тюрка Алйанака привлекает европейский быт. А может, Алйанак всего лишь псевдоним – розовощёкий? Если о Алйанаке мы вряд ли когда-нибудь что-то узнаем (кроме того, что эта фамилия тюркская, крымско-татарская), то Иванов – личность в Баку известная.

В книге Натальи Миклашевской (азербайджанский советский искусствовед и педагог, доктор искусствоведения) упоминается Вячеслав Иванов, преподававший в 1921 году рисование Рустаму Мустафаеву – будущему основоположнику театрально-декоративного искусства Азербайджана. А в статье Валентины Резниковой «Государственный Бакинский русский драматический театр: вчера и сегодня» (2012 год) приводится даже фото Иванова 20-х годов (*«…молодой, дерзкий в своих творческих порывах, не боящийся новых идей и экспериментов»*).

Точно такая же фотография иллюстрировала на интернетовском сайте кино-театр.ру информацию об известнейшем ленинградском театральном художнике Вячеславе Вениаминовиче Иванове. Но биография Вячеслава Вениаминовича с Баку не соприкасалась, да и не мог он, 1906 года рождения, в 15 лет руководить художественной студией при Азербайджанской государственной школе, а в 17 лет участвовать в создании спектаклей.

Между тем Театральная энциклопедия 1963 года сообщает об Иванове Вячеславе Васильевиче – русском советском театральном художнике, который родился 1 декабря 1885 года, учился в художественных школах Казани и Киева, а с 1906 по 1910 годы – в московском училище живописи, ваяния и зодчества. В 1923-1926 годах оформлял спектакли в Баку: Рабочий театр: «Овод», «Шторм»; Театр оперы и балета: «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Пиковая дама». Затем работал в Тбилиси и Ереване, в 1948-1950 годах – в Центральном детском театре.

Интернет, добросовестно скопировав эту справку, дополнил её датой смерти – 1968 год и лишь фотографией московской могилы. (Рядом с женой – Ивановой Изабеллой Давидовной, 1902 – 1988.)

Пришлось обратиться в театры Москвы и Питера.

Три фотографии от научного сотрудника «Балтийского дома» (бывший Ленинградский театр имени Ленинского комсомола) ничем не походили на «бакинскую». Сайт кино-театр.ру признал свою ошибку и заменил фото на странице Вячеслава Вениаминовича.

А то, что «бакинский» Иванов – Васильевич уже не подлежало сомнению.

Сотрудник музея Российского академического молодёжного театра (бывший Центральный детский) Ольга Олюнина подтвердила известные нам факты: «В Бакинском рабочем театре работал именно Иванов Вячеслав Васильевич. Но он оформил там не только «Озеро Люль» (в частности, эта постановка сделана совместно с Г. Якуловым), но и некоторые другие постановки театра. Какие-то работы, сделанные для Бакинского рабочего театра (макеты), были экспонированы на Международной выставке в Париже в 1925 г.

В 1920-е было выпущено небольшое издание к 5-летию Бакинского рабочего театра, где опубликовано несколько фотографий художника: портрет и фотографии в группе. Так как он входил в режиссерский совет театра, то представлено фото с режиссерами, а также есть коллективное фото всей труппы театра. Но качество печати соответствует времени… Фотографии во вложении, попробуйте сравнивать».

И бакинские эксперты-криминалисты подтвердили: после идентификации фотопортрета из архива Бакинского рабочего театра с фотопортретами из Московского Центрального детского театра можно сделать вывод о том, что это предположительно один и тот же человек.

Оставалось только провести художественную экспертизу, сравнив картины в бакинском подъезде с эскизами из бумаг Иванова. Пока это не получилось. Запрос в Российский государственный архив литературы и искусства (ф. 2939 оп. 5 ед. хр. 192 – личное дело: Иванов Вячеслав Васильевич, 1885 г. р., художник-постановщик) был отклонен по причине: документы по личному составу с непрошедшим сроком давности (75 лет).

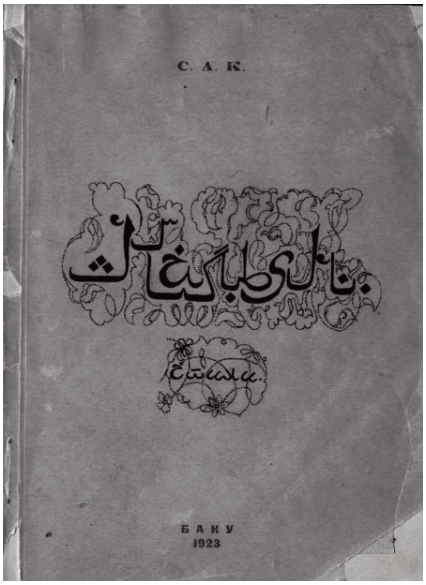
Все же с большой вероятностью теперь можно говорить о том, что парадную на Врангелевской украшал не безызвестный Иванов, а Иванов, имеющий свою биографию и лицо.

Единственная книга

1913 год – пик русского серебряного века: Башня Иванова, подвал Бродячая собака, символизм, эгофутуризм, акмеизм, и нет числа новоявленным гениям. Какая курсистка, какой студент не мечтают примерить поэтические лавры Черубины де Габриак, Блока, Бальмонта, Северянина, Брюсова. Всё это смоет цунами Мировой и Гражданской войн, а пока студент Петербургского (не Петроградского и, тем более, не Ленинградского) горного университета Сергей Ковалевский вышагивает ритм своих виршей на прямых проспектах столицы.

Старшекурсник по университету Михаил Абрамович соблазняет своим родным городом; посетив нефтяной и деловой Баку, Ковалевский и сам убеждается, что лучшего и не придумаешь, и вскоре он – инженер на Биби-Эйбатском промысле в Товариществе братьев Нобелей, после революции сменившем вывеску на трест «Азнефть».

В Википедии достаточно информации и об Абрамовиче, и о Ковалевском – будущих советских академиках, признанных авторитетах в области геологии нефти и газа (Абрамович в Баку родился и умер, а Ковалевский покинет город лишь в 1946 году), но моя речь не о науке.



Меня больше интересует «Кальян» – единственная книжица (38 страниц) Ковалевского, изданная в Баку (под инициалами С.А.К. и в собственном художественном оформлении) в 1923 году.

В Азербайджанской национальной библиотеке её нет, но наш земляк Юрий Мамедов (геолог и поэт) сообщил, что читал эту книгу в Питере. По моей просьбе, заведующая отделом Азербайджанской национальной библиотеки Ляман Багирова (и, конечно, тоже писатель) (вот оно – духовное родство в действии) сделала запрос в бывшую Щедринку и получила электронную версию книги.

Наталья Савельева, сотрудник российской библиотеки, рассказывает, что книга приобретена у дочери Абрамовича, на титульном листе имеется посвящение: *«…идя в пустыню, бери не меня с собой, а мой «Кальян» (это спокойнее), который и дарю тебе в знак беспокойной дружбы. Автор. Баку. 1/IV -23 г.»*

Выходные данные: Отпечатано в 3-й Гостипографии Азполиграфтреста Н.Н.П.Т. в количестве 200 экземпляров; из них: 35 именных и 165 обыкновенных. Р.В.Ц. №438.

Все «бакинские» стихотворения с подачи Юрия Мамедова перепечатаны журналом «Литературный Азербайджан» (№11, 2015), мне же остаётся довольствоваться дополнительной информацией о книге, сохранившейся, кажется, в единственном экземпляре.

…В белые ночи невозможно заснуть, 26-летний Сергей Ковалевский фланирует по ещё царской Невской от Адмиралтейства до Александро-Невской лавры, пересекает Мойку, на Фонтанке возле Аничкова моста сталкивается с Блоком, но не решается заговорить. Он шаманит на будущее, и вдруг его пронзает момент ясновидения:

Свезите вы из чуждых мест
Мои тоскующие кости
и в Фергане, под Южный Крест
В пески кочующие бросьте.

ЗЕМЛЯКИ

МАЛИК ДУРСУНОВ

Украина (Харьков)

Лудильщик Гриша

Рассказ

Целое поколение зогаллинцев и сегодня держит обиду на простого лудильщика из Загаталы с экзотичным для местных именем Гриша, который в начале пятидесятых годов прошлого века нанес невосполнимый удар по их домашнему хозяйству, одним рейсом старого грузовика опустошив весь их базисный запас кухонной утвари. Позже на его полное восстановление, по признанию зогаллинцев, потребовался чуть ли не десяток лет. Поступок Гриши получился очень болезненным для жителей Зогаллы, упоминание его имени по истечении полувекового времени приводит в ярость моих земляков и, как правило, сопровождается смачным плевком в направлении Загаталы, напоминая городу о его части ответственности за деяния своего бывшего жителя.

Большинство зогаллинцев сегодня в частных беседах соглашаются, что глупее непреходящей коллективной обиды и совокупной злости в этой жизни ничего нет, даже если когда-то они являлись обоснованными. Однако никак не хотят забыть ту злополучную историю, при которой они всей деревней были облапошены приезжим мастером. Тот же Кара-дайы, человек, переживший ужасную войну, сегодня готов простить даже организаторов той планетарной бойни, но ни в какую не может простить полоумного мастера-лудильщика, в начале пятидесятых годов прошлого века обманом забравшего у него две небольшие медные кастрюли!

***

Странностями зогаллинцев в наши дни никого не удивишь, соседние мугалы и грузины при желании не такое еще расскажут. Но и мугалы[1], и грузины сами готовы с удовольствием послушать лучшего рассказчика наших краев, да будет жив он еще сто лет, нашего аксакала, острослова и сквернослова Кара-дайы.

Я давно искал случая узнать у Кара-дайы его версию истории с лудильщиком, и, как всегда, случай подвернулся неожиданно.

Была поздняя осень, день был мерзкий, шёл сильный холодный дождь. В такую погоду уважающий себя хозяин даже в конуре собаки включил бы обогреватель. Мы сидели с Кара-дайы у него в доме на первом этаже, в большой теплой комнате, и пили вино. Жена Кара-дайы была занята домашними делами, то и дело заглядывая к нам, уточняя, всё ли есть на столе. В очередной раз она зашла с небольшой старой ржавой кастрюлей в руке, заполненной до краев зерном.

– Пойду, курам насыплю, – сказала она мужу. – Не зови меня, всё равно не услышу.

При виде жены с кастрюлей Кара-дайы вдруг преобразился и стал внимательно всматриваться в нее, как бы заново открывая ее для себя. Мне стало неудобно, что, возможно, своим присутствием я чему-то мешаю.

[1] Мугалы – условное название жителей соседних деревень, литературный приём автора. Зогаллинцы и мугалы – азербайджанцы, по укладу жизни и по быту немного отличающиеся друг от друга, и на этой почве вечно имеющие друг к другу претензии.

– Пойду, курам насыплю, – повторила жена. – Чего уставился? – Повернулась и пошла на выход. Открывая дверь, перед уходом, она негромко добавила: – Совсем оглох, старый, ничего не слышит. А пить с утра до вечера, пожалуйста, он умеет.

Я, между прочим, уже позже анализируя последние слова жены Кара-дайы, не нашел никакой прямой связи между тугоухостью Кара-дайы и его умением пить круглый день и лишний раз убедился в правдивости утверждений Кара-дайы о том, что в поступках его жены никогда не стоит искать логики. Что, кстати, неудивительно, учитывая ее мугальское происхождение, добавил бы Кара-дайы.

Кара-дайы, тем временем, учитывая ту самую тугоухость, вряд ли слышал последние слова жены и, повернувшись, на этот раз уставился на горящую бухарукамин.

Прошла минута, вторая, а он все смотрел на огонь.

Я почему-то подумал, что Кара-дайы сейчас вспоминает какую-то военную картину, и мне сегодня придется выслушать его очередную военную байку, которую я, скорее всего, до этого не раз слышал. Устав от просмотра горящего огня, Кара-дайы закрыл глаза ладонями. И только через минуту он артистично убрал руки и поднял голову. В его сухих карих глазах вдруг блеснула радость.

– Видел кастрюлю с зерном в руках у моей жены? – спросил он у меня.

Я ничего не понимал.

– Ну, видел, – ответил я.

– Вот точно такую кастрюлю, вот этими руками, – протянув обе руки вперед, он показал мне их, – я отнес тогда и отдал Грише. И вторую кастрюлю, чуть побольше этой. Вместе с крышками. Вот этими руками! И больше я их не видел, ни кастрюль, ни крышек, будь он неладен, этот Гриша! – при последних словах темное лицо Кара-дайы немного побледнело, и я решил, что он по сей день не только зол на Гришу, но и продолжает скорбеть по своим безвременно утерянным кастрюлям.

Я повеселел в душе, что Кара-дайы на этот раз сам соскочил с военной темы, и в ожидании нового рассказа налил вино по стаканам.

***

– Рано или поздно в душе рубцуется любая рана, но след рубца остается на всю жизнь, – Кара-дайы начал свой рассказ.

Как я уже говорил, мы сидели в теплой комнате возле бухары, нами было выпито достаточное количество вина, поэтому я не удивился философскому началу рассказа. Как ожидалось, перед началом рассказа Кара-дайы основательно и не стесняясь меня выругался в адрес Гриши, о ком я просил рассказывать.

– Поверь мне, старику, со временем на нет сходит даже самая чувствительная обида. Возьмем ту же войну, – рассказ получился бы неполноценным, если бы Кара-дайы обошелся без упоминания войны. – Пятьдесят лет прошло после ее окончания. В первое время после войны я был очень зол на немцев, несмотря на то, что после войны успел поработать год с ними в Дрездене в комендатуре. Но всё равно был зол. Постепенно прошло годы, сегодня у меня к ним почему-то особой злобы нет. Столько народу полегло в войне по их вине, не сосчитать. Но злобы на них сегодня у меня всё равно нет, – повторился он. – Согласен, ничего не проходит бесследно, в душе обязательно что-то остается. Стоит только начать ворошить старое, я тоже начинаю вспоминать всё. Вспоминая погибших, раненых друзей, покалеченных товарищей, хочу злиться. Не получается, и всё! – сказал Кара-дайы и бросил на стол ложку.

– А вы и не злитесь, – посоветовал я ему, желая отвести его от военной темы, чтобы успокоить. Но я ошибался.

– Но как только вспоминаю твоего Гришу… – произнес Кара-дайы и уставился на меня.

Я был спокоен, это был не первый такой случай. Гриша был мой, потому что именно историю, связанную с Гришей, я просил сегодня рассказать Кара-дайы. О ком бы я его ни просил рассказывать, тот моментально становился мне или другом, или товарищем. Сегодня Гриша мне не друг и не товарищ. Он просто мой. Такова логика рассказов Кара-дайы.

– Как только я вспоминаю твоего Гришу, у меня внутри всё горит. Рану, которую он тогда нанес нам, всем зогаллинцам, забыть невозможно! Рану, нанесенную немцами, забываю, а то, что сделал с нами твой Гриша, – никогда!

Меньше всего я ожидал такого сравнения, но делать было нечего, тем интереснее становился рассказ Кара-дайы.

***

– Забрал всё подчистую и уехал в Загаталу, где и спрятался. Какая-никакая, но Загатала все-таки город, и попробуй, найди его там. Это тебе не Зогаллы, где все друг друга знают. В городе легче потеряться. Уехал и исчез, – сказал Кара-дайы и в подтверждение вышеуказанной гипотезы заодно разъяснил мне уровни конспиративности в поселениях в зависимости от их величины.

Коварство Гриши оказалось неожиданным для зогаллинцев, так как знали они его давно и считали его своим. Тем более Гриша считался именным гостем самого сильного зогаллинца тех лет – Алескера.

В те годы зогаллинцы еще придерживались негласного *деде-баба*[1] правила, суть которого заключалась в том, что гость, часто посещающий Зогаллы, должен был останавливаться и ночевать конкретно у одного хозяина и считался его именным гостем. Днем он мог ходить в гости и даже обедать у любого зогаллинца, но завтракать и ужинать, а тем более ночевать он обязан был у того, чьим именным гостем считался. Институт негласной прописки незнакомого приезжего в определенное хозяйство, дом или двор существовал в Зогаллы издавна и накладывал существенные обязательства на принимающую сторону не только в части пропитания и ухода за гостем. Хозяин, чьим гостем являлся приезжий, еще и отвечал за его поведение, чтобы тот не оказался вором или, не дай Аллах, не замышлял украсть из Зогаллы невесту. Иметь именного гостя считалось престижным среди зогаллинцев, это говорило о состоятельности принимающей стороны. Только более зажиточные зогаллинцы могли себе позволить иметь именного гостя, обязательным условием при этом являлось наличие отдельной комнаты для его ночлега. Хозяин дома, чьим именным гостем являлся приезжий, старался вовсю, чтобы угодить ему и выглядеть достойно в глазах односельчан. Лучшая постель дома месяцами ждала на сундуке приезда именного гостя, последние баночки варенья всех его разновидностей на полках считались неприкосновенными запасами дома, там же находились всевозможные соленья. Петухи, приговоренные на случаи внезапного появления в доме именного гостя, свободно гуляли во дворе. Нередки были случаи, когда в первый день приезда именного гостя зогаллинцы резали даже барана.

Самым большим домом в Зогаллы в то время являлся двухэтажный каменный дом Кара-дайы. Количество именных гостей, естественно, наибольшим было у него. Традиция останавливаться на ночлег у Кара-дайы имела давнюю историю. В тридцатых годах прошлого столетия только благодаря поселившемуся гостю – русскому комиссару – Кара-дайы удалось отстоять свой двухэтажный дом, который чуть было не отобрали у него под здание сельсовета. С тех пор Кара-дайы был очень осторожен в приеме незнакомых гостей, но его хлебосольный дом еще долгое время продолжал считаться самым гостеприимным уголком Зогаллы.

[1] Деде-баба – (азерб.) предки, букв. отец-дед.

– Сейчас хорошо, везде гостиницы понастроили, дома отдыха. Есть где остановиться и ночевать. А раньше как было? Задержался было человек в Зогаллы, а что ему оставалось делать? Не спать же на улице, вот и просился он к кому-нибудь на ночлег. Приходилось пускать в дом, а как же? Раз ночевал, два ночевал, постепенно превращался в именного гостя. При этом первый раз, когда ты его пускал в дом, ты не знал, что за человек, что у него на уме. Так и покойный ныне Алескер сделал Гришу своим именным гостем, потом ходил и плевался. Знал бы, что такое тот натворит, никогда не пустил бы его в дом, – оправдывал Кара-дайы Алескера.

Гриша быстро вошел в доверие к зогаллинцам, рассказывал, что он полукровка, якобы мать у него была русской, а отец азербайджанцем. Говорил он, что родителей своих не помнит, умерли они, когда сам был маленьким. Еще говорил, что вырос он в детдоме, где все говорили на русском, оттуда и у него такой азербайджанский язык, смешанный с русским. Многое еще говорил Гриша сердобольным зогаллинцам, они верили ему, в гости по очереди на обед приглашали. В Зогаллы останавливался он у Алескера на три-четыре дня каждый приезд. Алескер был непьющим, а Гриша выпивал похлеще любого зогаллинца. Поэтому он и обедал то у одного, то у другого зогаллинца, где ему наливали. Еще он рассказывал, что лудильному делу научился в Шеки у одного старого мастера, потом, вернувшись в Загаталу, самостоятельно начал заниматься этим промыслом.

– Езжу по деревням, собираю прохудившуюся кухонную утварь, везу в Загаталу, там ремонтирую её, потом возвращаю. Так и живу, не жалуюсь, на жизнь хватает, – рассказывал он доверчивым зогаллинцам. Зогаллинцы верили ему, жалели его как ребенка-сироту, хотя своих сирот в деревне после войны было хоть отбавляй.

Платили Грише зогаллинцы за его работу кто фундуком, кто орехами, кто сыром, кто вином, кто домашней водкой. Давали и живую курицу, давали и тушку курицы, давали хороший кусок мяса, сушеное мясо тоже давали. Живых денег в Зогаллы в те годы ни у кого не водилось, народ жил бедно. Гриша тоже молодец: был непривередливым, брал всё, что давали, брал столько, сколько давали, собирал всё и уезжал.

Приезжал он в Зогаллы раз в два-три месяца, забирал дырявые казаны, миски, кастрюли, всю ржавую посуду в Загаталу, ремонтировал и возвращал.

На ремонт Гриша брал изготовленные из меди кухонные принадлежности: казаны, дуршлаги – *паланкеши*, подойники с двумя ручками, тазы – *лейены*, поварёшки – *кефкир*, подносы, а также вёдра с вдавленными боками и кувшины для воды – *саханги*. Бывали случаи, что в суматохе работ зогаллинские хозяйки оставляли горячий самовар без воды, что приводило к распайке внутренней трубы, и вода из тулова самовара начинала течь на угли. Такие самовары Гриша брал на реставрацию, он ремонтировал и другие неисправности самоваров, когда, бывало, потек кран или протекало из носика самовара. Мастером он считался неплохим, никогда никого не обманывал, всегда в назначенный день привозил отремонтированную посуду.

Единственным недостатком Гриши зогаллинцы считали его чрезмерное увлечение местной водкой. Иногда Гриша выпивал по три-четыре дня подряд, пока находился в Зогаллы, потом очухивался, забирал посуду и уезжал. Алескер не одобрял похождения своего именного гостя по домам зогаллинцев и на людях выражал возмущение, что в деревне его гостя спаивают. С другой стороны, он был доволен, что специально для гостя не приходится что-то особенное на ужин готовить. Гриша приходил только ночевать, чем облегчал уход за собой в доме Алескера.

– Вредная у меня работа, – объяснял Гриша зогаллинцам. – Вы думаете легко покрывать полудой поверхности посуды? Целый день в темной холодной мастерской сидишь и работаешь. Олово садится мне на легкие, дышать не могу. Только водкой можно его выбивать. Не будешь выбивать, заработаешь чуму. А вы думаете, что я пью от хорошей жизни, да? – спрашивал он у зогаллинцев.

Не знакомые с химическими свойствами олова и способами его выбивания из легких человека зогаллинцы не хотели, чтобы, ремонтируя их посуду, Гриша заработал себе страшную болезнь чуму, поэтому иной раз готовы были наливать ему не одну лишнюю стопку крепкой водки, чтобы он таким образом чистил свои легкие, выбивая оттуда осевшие остатки оловянной пыли. Некоторые зогаллинцы почему-то считали, что чем крепче водка, тем удачнее выбивается олово, поэтому отчитывали земляков, по незнанию предлагавших Грише на обед слабое вино. Гриша не возражал.

– Если так, пей тогда на здоровье, – говорили зогаллинцы ему. – Лишь бы печень выдерживала, нам водки не жалко. А то будешь лечить легкие, посадишь печенку.

Когда Гриша пьянел, он пел одну грустную песню на не понятном для зогаллинцев языке. Даже Кара-дайы, знающий несколько мировых языков и считавшийся в Зогаллы чуть ли не полиглотом, не раз внимательно слушал пение Гриши, но так и не смог определить, на каком языке тот так жалобно ноет.

Зогаллинцы Гришу, как мастера по оловянным делам, называли на уважительный азербайджанский лад «галайчы гардаш», что в переводе на русский язык означает «брат лудильщик».

***

С первого дня появления Гриши в деревне некоторые зогаллинцы по форме разговора на азербайджанском языке, по произношению многих слов находили у него много общего с горцами из Дагестана, которые после войны массово переходили в Азербайджан. Но светлая внешность Гриши давала ему возможность твердо придерживаться своей линии, тем более, большинство зогаллинцев верили ему, они же одергивали сомневающихся земляков.

– Какой он горец? – говорили они. – Светлый, как подсолнух. Видно, мамина кровь взяла верх, – успокаивали первых.

Через три года, когда в Загатале в совокупности с другими преступлениями Гришу осудили на пять лет, когда, по словам Абид-муаллима, «раскрылась мошенническая сущность Гриши», сомневающиеся зогаллинцы по делу посчитали себя победителями в распознавании незнакомых людей.

– С первого дня появления я понял, что он аферист. Везде, всегда и всем говорил, что не нравится этот Гриша мне. И аксакалам говорил. Не обязательно бороду отрастить, чтобы обрести мудрость и чтобы тебя тоже слушали. Разве нашим докажешь…Знаете, сколько в Тбилиси таких аферистов? – позже говорил в то время молодой еще студент Тбилисского госуниверситета, ныне учитель биологии Тельман-муаллим.

К слову, в тот злополучный последний день пребывания Гриши в Зогаллы Тельман-муаллим был на учебе, а его старая мать наравне со всеми зогаллинцами поверила Грише и сдала ему на ремонт небольшой тазик, хотя впоследствии упорно твердила, что ничего не сдала.

Как бы там ни было, возле «галайчы гардаша» Кара-дайы в тот весенний послевоенный день (какой именно был год, он сегодня не помнит) насчитал больше десяти желтых мешков, набитых казанами и кастрюлями. На смешном азербайджанском языке Гриша громко, полупьяным хриплым голосом зазывал зогаллинцев.

– Джан гардашлар, джан баджылар, – кричал он. – Поторопитесь, скоро олово подорожает, тогда ремонт старого казана будет стоит дороже нового. Так что несите и сдавайте. В следующий раз будет дороже.

В послевоенные годы цены имели тенденцию к снижению, удивленные зогаллинцы поначалу не хотели верить Грише.

– Как получается, что по всей стране всё дешевеет, – спрашивали они у Гриши, – а твое олово дорожает?

Гриша отвечал, что олово он покупает в Шеки, в Шеки его привозят из Баку, Баку получает олово еще откуда-то. Вот и посчитайте, почему оно дорого получается?

– Считайте, считайте, – твердил он. – Считать, слава Аллаху, вы все умеете. Скоро олово будет в цене золота. Запомните мои слова, – старался убедить зогаллинцев пьяный Гриша.

Зогаллинцы допускали, что олово может дорожать, но в то, что оно может со временем быть наравне с золотом, не верили, смеялись над последними словами Гриши.

Развитие событий показало, что Гриша, по словам того же Абид-муаллима, «утверждением о превращении олова в золото усыплял бдительность зогаллинцев, а сам тем временем вынашивал преступный злодейский план».

И надо отдать ему должное. С самого начала в тот день всё шло по его плану: зогаллинцы несли ему не только дырявые, но и те кастрюли, которые, по их мнению, сильно прохудились и вот-вот должны были продырявиться. «Галайчы гардаш» брал всё, никому не отказывал. Когда Кара-дайы подошел к нему со своими кастрюлями, тот немножко растерялся, но виду не подавал. И Кара-дайы под смех женщин многозначительно спросил у «галайчы гардаша»:

– Джан «галайчы гардаш», скажи-ка, пожалуйста, мне, ты любое просачивающееся место можешь починить? – имея в виду, естественно, совсем другое место.

Женщины быстро догадались, на что намекает Кара-дайы, и, зная, что от него можно ждать чего угодно, покраснели от вопроса, запищали и смущенно отвернулись от него. А «галайчы гардаш», не поняв намека Кара-дайы, твердо ответил:

– Джан Кара-дайы, конечно, умею, я днем и ночью этим делом занимаюсь, как же не знать?

Женщины смущались еще больше, а бесстыжий Кара-дайы сказал:

– Я тоже умею, но я этим делом только ночью занимаюсь, – и сам посмеялся от души.

Потом Кара-дайы долго сдавал свои две кастрюли, указывал на какие-то их особенности, просил не перепутать с другими кастрюлями. Несколько раз напоминал Грише, чтобы тот имел в виду, что он сдает их с крышками, чтобы потом Гриша не возвращал их без крышек.

Перед уходом Кара-дайы поинтересовался у Гриши, когда же тот вернет назад собранное.

– Как всегда, – ответил тот, – через неделю или через десять дней.

Долго еще смеялись женщины после ухода Кара-дайы, а пытавшемуся узнать причину столь интенсивного смеха «галайчы гардашу» они ничего не объяснили.

Ближе к вечеру в Зогаллы из Загаталы прибыла новая грузовая машина с наращенными бортами ГАЗ-51 и тормознула возле горы с мешками. Гриша ждал её. Минуты две они с водителем о чем-то говорили, после этого Гриша сел в кабину, и они поехали в соседнее мугальское село. Загрузив собравшуюся там посуду, через час они вернулись и начали грузить зогаллинские мешки. Водитель подавал снизу, а Гриша наверху укладывал мешки.

Наблюдавшие процесс погрузки зогаллинцы позже рассказывали, что Гриша сильно тогда торопился, поэтому очень небрежно относился к мешкам, разбрасывая их по кузову как попало, будто в мешках находились не кухонные принадлежности, а набиты они были соломой. Погрузив мешки, машина в сопровождении зогаллинской детворы, которая бегала спереди и сзади машины, подъехала к дому Алескера, откуда Гриша хотел забрать свои вещи. Алескер находился дома, услышав звук работающего двигателя машины, он вышел на улицу и начал уговаривать водителя зайти в

дом, попить чаю и перекусить перед отъездом. Водитель наотрез отказался войти во двор, попеременно показывая то на свои часы, то на уходящее в небо солнце. Тем временем Гриша забрал свой пиджак, вышел к машине и собрался распрощаться с Алескером и садиться в машину. Но Алескер взял его за руку и потянул во двор. Во дворе Алескер указал на свой большой казан, который не поместился бы ни в какой мешок, попросил и его забрать на реставрацию.

Это был известный всем зогаллинцам знаменитый большой казан Алескера. В деревне его еще называли свадебным казаном, хотя на похоронных мероприятиях в Зогаллы тоже пользовались этим казаном. Ни одно торжество в деревне не могло обходиться без этого казана, его объем позволял закладывать варить, по словам Алескера, больше шестидесяти килограммов мяса. Перед каждой свадьбой хозяева свадеб на телегах подъезжали к дому Алескера, грузили казан и увозили его во двор, где намечалась свадьба. После свадьбы, основательно отмыв казан от сажи, они возвращали его обратно и выгружали во дворе Алескера под навесом. В знак благодарности принято было со свадеб возвращать казан обязательно с гостинцем. Даже после похоронных мероприятий, куда тоже брали казан Алескера, хозяева старались что-то положить на дно казана, хотя Алескер не раз предупреждал земляков, что не стоит благодарить его казан за участие в похоронах.

Казан был куплен Алескером сразу после войны в Евлахе, куда он тогда ездил торговать очищенными грецкими орехами. Будучи забойщиком животных на свадьбах и раздельщиком мяса, он видел, насколько тяжело приходится зогаллинским поварам в маленьких казанах готовить еду на свадьбах на всех приглашенных. Поэтому, когда он увидел этот огромный алюминиевый казан на базаре, не раздумывая, купил его, отдав за него мешок очищенного ореха. Тяжелее всего, по словам Алескера, было привезти его из Евлаха в Зогаллы. В Евлах Алескера с орехами доставил редкий военный грузовик, так как автобусы в те годы не ходили. Обратно он тоже надеялся на военных, но, посидев три дня на развилке дорог в Евлахе со своим казаном и не найдя никого, на ком бы он мог с казаном вернуться в Зогаллы, вечером уныло возвращался в дом, где снимал койку. Прохожие евлахцы при виде Алескера с огромным казаном на плече удивлялись и уступали ему дорогу. На четвертый день отчаявшемуся Алескеру несказанно повезло: он встретил три арбы из соседней грузинской деревни, которые пустыми возвращались обратно в Алибейли после сдачи колхозного зерна в евлахский элеватор. Они и подобрали его. Расстояние сто тридцать километров арбы, запряженные волами, преодолели за неделю.

– Давай в следующий раз, – мягко отказал Алескеру Гриша.– Видишь, машина загружена по борта, мест нет. В следующий раз заберу.

Но Алескер настаивал забрать казан сейчас:

– Осенью начнутся свадьбы, пока весна, забирай, луди и верни, пусть блестит под навесом.

Один Аллах свидетель, и жена Алескера помнит тот день, не хотел Гриша связываться с этим казаном, не хотел лишить он Зогаллы его раритета. Но и Алескера еще надо знать: сильный, здоровый, от одного злого взгляда дети в деревне плакали. Алескер настаивал, Гриша не хотел взять, а тут еще водитель на улице стал сигналить. Не выдержали нервы Алескера, и он приказал:

–Забрать, и всё!

Гриша сдался, и они вдвоем вынесли казан на улицу. На кузове определили место для казана, и соседи помогли поднять его. Гриша подпер казан мешками, в сам казан поместил целый мешок с утварью. Убедившись, что по дороге не слетит, спустился, простился с Алескером, с его женой, которая передала Грише сверток с вареной курицей на дорогу, сел в машину и уехал. И увез Гриша с собой полный кузов ГАЗ-51 кастрюль, казанов и самоваров и другой утвари на ремонт в Загаталу.

***

Гриша не привез отремонтированную утварь в Зогаллы ни через неделю и ни через десять дней. Через двадцать дней он тоже не появился. А когда он не появился и через месяц, зогаллинцы насторожились и отправили гонца в Загаталу на поиски Гриши, хотя никто из зогаллинцев не знал, где в городе его искать. Не знал и отправленный гонец. По приезду в Загаталу он полдня крутился на базаре, не встретив никого, даже близко похожего на Гришу, к вечеру вернулся домой. Правда, перед отъездом из Загаталы он успел спросить в чайхане у чайханщика, не знает ли тот светлого лудильщика по имени Гриша. Чайханщик отрицательно помахал головой, что дало основание гонцу по приезду в Зогаллы громогласно заявить:

– Гриша пропал. В Загатале никто не знает, где он! – что отчасти являлось правдой.

Долгие поиски зогаллинцев не дали никаких результатов, если можно назвать поисками их расспросы о Грише у знакомых и незнакомых.

Между прочим, с того дня, как зогаллинцы убедились, что лудильщик пропал окончательно с их кухонной утварью, они между собой перестали называть его «галайчы гардашем» и именовали его исключительно Гришей.

Еще через неделю по совету какого-то старожила Алескера откомандировали в Шеки, в надежде найти поставщика олова Грише, чтобы через него выйти на Гришу. Алескер вернулся через двое суток с пятью килограммами халвы, купленной в Шеки, но без какой-либо информации о поставщике олова и о Грише. Покупка халвы Алескером в Шеки тогда не очень понравилась зогаллинским старожилам: по их утверждению, якобы в горестное для земляков время нельзя баловаться сладостями. Тем более, если ты несешь непосредственную ответственность за деяния своего именного гостя как принимающая сторона, намекнули они Алескеру. Для разрядки ситуации Алескер разрезал на куски всю купленную шекинскую халву и поделился со всеми старожилами, как бы давая им понять, что именно для их угощения и была куплена халва. Старожилы остались довольны, забыли опрометчивость Алескера и вернулись к поискам Гриши.

Абид-муаллим, молодой учитель зогаллинской школы, искусство красноречия которого тогда только начинало вырисовываться, в результате коварного поступка Гриши потерял самовар. Посовещавшись со старожилами, он съездил в райком жаловаться.

– Народ остался без посуды. Детям не в чем еду готовить, – с порога начал он, в надежде подключить райком к поискам пропавшего лудильщика.

В райкоме его внимательно выслушали, но твердо сказали, что по вопросам кражи домашней посуды они жалобы не принимают.

– Да я не жаловаться пришел, а советоваться.

– Когда сдавали посуду, тогда надо было советоваться, – сказали ему, – сейчас уже поздно!

И направили его написать заявление в милицию, здание которой находилось как раз напротив здания райкома. В милицию Абид-муаллим не пошел, он с молодых лет не любил туда ходить. Когда он вернулся в Зогаллы, земляки с надеждой спросили:

– Ну, что, Абид-муаллим, в райкоме сказали?

Абид-муаллим спокойно заявил:

– В райкоме сказали, что пропал ваш Гриша, купите новые кастрюли, – чем сильно расстроил земляков.

Больше всех, конечно же, горевал Алескер. С одной стороны, его угнетала потеря самого большого казана в деревне. С другой стороны, ему было очень неловко перед земляками за то, что недоглядел за именным гостем. Сюда добавилась еще и нехорошая история с халвой.

Одним словом, совокупность всех этих грузов и подтолкнула его в первый раз в жизни напиться:

– Где увижу, там же казан ему на голову надену! – грозился Алескер по своему обычаю во всеуслышание, при этом не уточнял, какой именно казан он собирается надеть на голову Гриши.

– Если увидишь… – потерявшие надежду земляки уныло поддержали его.

Одновременно с зогаллинцами поисками пропавшего лудильщика были заняты соседние мугалы, у которых в тот день Гриша забрал много материала для ремонта и им тоже не вернул. Отчасти это обстоятельство являлось единственным утешением для зогаллинцев в этой горькой истории. В глубине души многие зогаллинцы даже радовались, что обманутыми оказались не только они, но и мугалы. Что, по мнению зогаллинцев, требовало от Гриши немалого искусства, так как мугалы сами готовы любого обмануть в любое время.

– Нас-то все обманывают, – говорили зогаллинцы, – но чтобы мугалов так провести? – смеялись они, радуясь факту обмана мугалов и временно забывая свои потери.

Некоторые зогаллинцы, которые сами не пострадали от действий Гриши, готовы были его оправдать:

– Может, какое несчастье случилось с ним? Может, заболел? Вдруг возьмет да появится, – как бы обнадеживали они обманутых земляков.

– А может, действительно олово подорожало, – говорили другие.

Осенью, потеряв всякие надежды на возвращение своих кухонных принадлежностей, зогаллинцы, продав фундук и грецкие орехи, начали постепенно покупать новые. Осенние свадьбы прошли без большого казана Алескера. На первой же деревенской свадьбе Алескер дал слово поварам, что до следующей осени он обязательно приобретет еще лучший и еще больший казан, и попросил потерпеть один год.

***

Справедливость в какой-то мере восторжествовала в мае месяце следующего года. Алескер прогуливался по загатальскому базару в поисках большого казана. В железных рядах он увидел обросшего светлого мужчину возле гор домашней посуды. Тот был пьян и еле держался на ногах. По словам Алескера, он сразу узнал его – Гришу, хотя за год тот существенно внешне изменился. Похудел и выглядел не по годам старым. Алескер узнал не только лудильщика, он узнал и свой казан, самый большой, среди выставленных на продажу. Гриша, увидев Алескера, хотел удрать, но при первых же шагах у него заплелись ноги и он упал.

– Это был спектакль. Одной рукой я поднял его с асфальта, а второй рукой выбрал другой большой казан и надел ему на голову, – позже рассказывал Алескер. – Народ изумленно смотрел на меня в ожидании конца спектакля. Подобрав с асфальта большой черпак, я со всей силой ударил по днищу казана, надетого на голову лудильщика. От звука удара он рухнул, как подкошенный. Я быстренько схватил свой казан, взвалил на плечо и ушел, – заключил Алескер.

– Так ты свой казан надел ему на голову или другой? – спросил один любопытный земляк.

– Конечно, чужой, – ответил Алескер, довольным видом показывая всем, что свое обещание он выполнил. И казан надел на голову Гриши, и вернул в Зогаллы большой свадебный казан.

– Он что, дурак, что ли, по своему казану бить, – оправдывали его в беседах между собой зогаллинцы. – От одного его удара дно казана отвалится, – подчеркивая чрезмерную силу Алескера, они указывали еще и на другое возможное последствие его удара.

К вечеру о встрече Алескера с лудильщиком на загатальском базаре в Зогаллы знали все. Многие любопытные зогаллинцы в тот же вечер пришли к Алескеру домой, чтобы узнать, где именно на базаре он поймал лудильщика. Когда Алескер объяснял им, где он на базаре застал Гришу, зогаллинцы обязательно задавали второй вопрос.

– Алескер, ты там случайно наш казан не видел? – спрашивал один.

– Алескер, ты не разглядел, может, и наш самовар был там? – интересовался Абид-муаллим.

Алескер всех обнадеживал.

– Видел ли я ваш казан, точно не скажу, потому что их там было много. Но, по-моему, ваш тоже там был, – отвечал он первому.

– Чего только там не было. Я свой казан сразу заметил. Если я не ошибаюсь, ваш самовар стоял с краю, – ответил он Абид-муаллиму, и тот моментально в ответ рявкнул:

– Конечно, гад, поставил с краю, чтобы быстро продать!

А вот маленьких кастрюль Кара-дайы Алескер не разглядел, там была гора посуды.

– Мои кастрюли в первую очередь продались бы, – сказал Кара-дайы. – Они как новые были, с крышками.

Десяток обманутых зогаллинцев на следующий день, с самого утра, на двух телегах, поехали в Загаталу за своей посудой. На базаре, на обозначенном Алескером месте, они лудильщика не застали. Около двух часов зогаллинцы крутились по базару в поисках Гриши, пока старый жестянщик, изготавливающий и торгующий жестяными изделиями, не догадался, кого они ищут.

– Вы, наверно, лудильщика ищете? – спросил он.

– Его, его! – хором ответили зогаллинцы. – Чтобы его молния сразила, именно его и ждем.

– Можете его не ждать, – спокойно сказал старик, не отрываясь от работы и не поднимая головы.

– Почему? – опять хором спросили зогаллинцы.

Старик отложил в сторону деревянный молоток, которым он стучал по жести, и рассказал, почему не стоит ждать оловянщика:

– Вчера один мужик, верзила, размерами напоминающий здорового медведя, поймал его вот тут, – старик указал на место, где Алескер поймал Гришу. – Без единого слова надел ему на голову большой казан и одним ударом черпака заглушил его так, что тот потерял сознание. Потом прихватил самый большой казан из выставленных на продажу и спокойно ушел.

Зогаллинцы оглядели друг друга, обрадовались, что Алескер хоть как-то наказал злодея. Но их больше интересовало, куда же потом делся Гриша, неужто он умер?

– Да нет, не умер, слегка контуженный был. Я сам в войну однажды так был контужен, вроде всё видел, но говорить не мог, а в ушах стоял свист и шум. К тому же этот бедолага вчера еще и был пьян. Мы, естественно, после ухода этого верзилы сняли с головы лудильщика казан, он тут же открыл глаза. Уложили вот здесь. Потом пришли его дружки, такие же алкоголики, как он сам, и забрали его.

– А посуда куда делась? – еще теплилась надежда у зогаллинцев, что где-то тут, на базаре, складирована посуда.

Но старик дальше разочаровывал их:

– А посуду эти самые дружки забрали вечером. Пришли и всё забрали. Сегодня с утра милиционер Акпер приходил, интересовался, что вчера тут случилось? Кто лудильщика побил? Кто-то, видимо, донес в милицию, и он с утра тут вырос. А мы что? Лудильщика толком не знали, тем более того медведя, который заглушил его. А он всё пытал нас, искал этого медведя.

Зогаллинцы догадались, что не найти им Гришу, опять он ушел с их посудой. А тут еще старик, любопытный такой, начал у них интересоваться:

– Может, вы знаете, кто его побил? Милиция вот там, за углом.

Зогаллинцы никогда не сдали бы Алескера в милицию, поэтому вернулись обратно в Зогаллы с пустыми руками.

Еще через два года, в разгар лета, в Зогаллы приехал следователь из Загаталы. До обеда оставался ровно час, когда он без стука зашел в кабинет председателя зогаллинского сельсовета. К чести председателя, он не испугался, посадил приезжего на единственный стул и тихо произнес:

– Я вас слушаю.

Еще через двадцать минут они вышли из кабинета председателя и направились к дому Абид-муаллима. За обеденным столом следователь, по совету председателя, предложил Абид-муаллиму, как местному интеллигенту, быть свидетелем на суде по статье «мошенничество» в отношении гражданина Гафура Сулейманова.

– А мы не знаем никакого Гафура Сулейманова, – возразил было Абид-муаллим, но его перебил председатель сельсовета:

– Это наш Гриша.

Провожая следователя, взяв его за руку, на выходе со двора, пользуясь тем, что председатель сельсовета немного отстал от них, Абид-муаллим тихо спросил:

– А из посуды что-то осталось?

Подвыпивший следователь, чтобы не обидеть хлебосольного сельского интеллигента, остановился, посмотрел в его любопытные глаза и многозначительно ответил:

– Что-то осталось, – сделал несколько шагов и еще раз повторил: – Конечно, что-то осталось.

Последние слова загатальского следователя Абид-муаллим счел сигналом для действий. На горизонте появилась надежда на возврат утерянного самовара, при удачном стечении обстоятельств, возможно, еще кое-чего.

С юношеских лет Абид-муаллим был склонен к авантюризму, поэтому он немедленно приступил к подготовке. Первым делом Абид-муаллим обошел всех своих земляков и пофамильно записал пострадавших от коварного поступка лудильщика Гриши, не забыв перед каждой фамилией указать наименование утерянной посуды. И к назначенному дню первым прибыл в здание суда.

На суде Гриша виновато здоровался со всеми прибывшими на суд свидетелями, признавая свою вину и при этом поднятием плеч показывая, что не всё зависело от него, так уж получилось. Судом было установлено, что обвиняемый Гриша на самом деле есть Гафур Сулейманов, горец, перешедший из Дагестана в Загаталу сразу после войны. Выяснилось, что в первое время он работал честно и порядочно. Объезжал все близлежащие к Загатале деревни, собирал кухонные принадлежности, ремонтировал и вовремя возвращал. Везде им были довольны. Позже, по каким-то не выясненным судом причинам, он влез в долги и не придумал ничего лучшего, как собрать у своих доверчивых клиентов посуду и не возвращать.

– Мне надо было рассчитаться по долгам, – тихо произнес Гриша на суде, когда судья спросил у него причину невозврата посуды.

Суд установил, что, кроме зогаллинцев и мугалов, в общей сложности пострадали жители еще шести деревень. Что интересно, сбор кухонной утвари во всех этих деревнях производился почти одновременно – с разницей в десять дней. Позже в течение года Гриша реставрировал и лудил собранную посуду и только через год вывез ее на продажу. К большому его невезению, в первый же день на базаре он столкнулся с Алескером. Между прочим, на суде он так и не признался, что Алескер надел ему на голову казан и оглушил его ударом по казану.

– Ничего подобного не было, – невозмутимо отреагировал он на вопрос судьи о том, правда ли, что в первый же день, когда он вывез товар на продажу, его там побили. – А если бы даже побили, я сегодня не признался бы. Я их понимаю.

Никто из приглашенных на суд свидетелей не готовился к суду так основательно, как Абид-муаллим. Никто из них не смог сказать суду общее количество вывезенных из их деревни посуды. Другое дело Абид-муаллим. Его, как свидетеля, допрашивали последним. На суде он зачитал список вывезенной обвиняемым с каждого зогаллинского двора кухонной посуды. После каждой фамилии он называл количество и наименование кухонной утвари. Суд внимательно его слушал и делал себе отметки. Последним он назвал свою фамилию и сказал:

– А я в тот день потерял самовар, поднос и саханг!

Сидевший до сих пор молча Гриша неожиданно для всех вскочил с места:

– Абид-муаллим, как вам не стыдно, какой поднос, какой саханг? Вы же только небольшой самовар тогда сдали.

Суд замешкался, Абид-муаллиму ничего не оставалось, как настаивать на своем:

– Да, самовар я принес. А саханг и поднос позже жена принесла тебе!

Гриша стал призывать Абид-муаллима к порядочности:

– Будь мужчиной, Абид-муаллим! Будь человеком!

Но было уже поздно, Абид-муаллим ко всему сказанному еще добавил, что в тот день Гриша был пьяным, и он навряд ли помнит всю сданную ему посуду.

– Если сегодня ночью ты не умрешь от стыда, тогда я ничего не знаю, – заключил Гриша.

– Лишь бы ты остался в живых, – ответил Абид муаллим и сел.

В целом Гриша признал свою вину по всем пунктам предъявленных ему обвинений, извинился перед судом и поименно перед всеми приглашенными на суд свидетелями. Дойдя до Абид-муаллима, он повторил:

– Пусть тебе будет стыдно, Абид-муаллим! Мужчиной надо быть!

Абид-муаллим не остался в долгу:

– Сам украл, а стыдно должно быть мне. Интересно.

Решение суда в виде пяти лет лишения свободы Гриша принял спокойно. Когда конвоиры его выводили из зала, он остановился и последний раз крикнул Абид-муаллиму:

– Пусть тебе будет стыдно, Абид-муаллим! Муаллимом еще себя называет.

Перед тем, как выйти из зала суда, судья пальцем пригласил Абид-муаллима к себе, улыбнувшись, спросил:

– Абид-муаллим, были все-таки поднос с сахангом или нет?

– Клянусь! – моментально ответил Абид-муаллим, будто ждал этого вопроса.

Домой в Зогаллы он вернулся поздно ночью. В последующие годы, когда речь заходила о сданной им Грише посуды, он к самовару неизменно добавлял поднос и саханг и до конца жизни придерживался этой позиции.

***

– Ни паспорта, ни метрики, ни военного билета – ничего не было у этого оборванца. А покойный ныне Алескер взял и пустил его в дом. Откуда Алескер мог знать? А он оказался негодяем, чуть было не опорочил чистое имя Алескера. А каким богатырем был Алескер, Allah rəhmət eləsin, сколько животных он зарезал в Зогаллы за свою жизнь, никто не сосчитает. И на свадьбы его приглашали, и на похороны, и на именины. Там, где надо было забивать животного, приглашали Алескера. Я не слышал, чтобы он кому-то отказывал. Иные соседи ленились даже петуха дома зарезать, отправляли детей к Алескеру.

– Дядя Алескер, дядя Алескер, курицу нам не зарежете? – кричали с улицы дети. – Некому резать, папы дома нет, – когда их папа в это время лежал в тени и отдыхал.

Алескер молча выходил на улицу со своим ножом, отходил в сторону и резал курицу. Вот такой святой человек был Алескер.

Как-то перед смертью я ходил проведывать его, лежал неподвижный, похудевший, одни кости торчали.

– Моя болезнь известная, – тихим голосом жаловался он мне, – лечения нет моей болезни. Знаете, Кара-дайы, о чем больше всего жалею? О том, что я не пил и не гулял, как пьют и гуляют наши зогаллинцы. Хотел беречь себя. А болезнь взяла и поразила мой желудок, не могу даже кусок хлеба есть.

Я чуть не заплакал тогда.

– Еще, – говорил он, – Кара-дайы, левая рука иногда так болит, хочется оторвать ее и выбросить, даже боль желудка забывается на время. Это, наверно, расплата за невинно убиенных мной животных. Если бы сегодня я вдруг выздоровел и вернулся в здоровую жизнь, никогда больше не резал бы животных, жил бы, как все зогаллинцы, пил и веселился бы на свадьбах.

Я тогда не помню, как добрался домой. Так подействовали на меня слова покойного Алескера. Пока не выпил три стопки крепкой тутовки, не пришел в себя. Вот такой расстроенный и растроганный я был после его слов. О чем ты говоришь? Хорошо, что большой казан он вернул. А то хоть собирай вещи и уезжай всей деревней с насиженных мест. А ты как думал? Легко, думаешь, справлять свадьбы, похороны в Зогаллы без большого казана? Вот до чего мог довести поступок Гриши, – Кара-дайы в конце рассказа продолжал драматизировать возможные последствия того преступления.

Что еще интересно, в наши дни, когда речь заходит о преступлении Гриши, Кара-дайы почему-то обвиняет свою жену в потере «двух самых лучших кастрюль в доме», хотя вся деревня знает, что именно он тогда сдал Грише эти самые кастрюли. Вот такой он у нас чудный, наш Кара-дайы!

Чудны и твои дела, о, Аллах! Дай разума всем своим временным гостям на этом свете – и детям, и взрослым, и молодым, и старикам, в том числе моим землякам-зогаллинцам! Достучись в сердце каждому, разум потерявшему! Аминь!

НАТАЛЬЯ ВОРОНИНА

LOVE STORY

От и до

Мой принц, мой бог, мой царь, мой повелитель!
Тебя я возвожу на пьедестал,
Чтоб ты моей святой молитвой стал
И страстью озарил мою обитель.

Пусть нет прекрасных ангелов сиянья,
И не трепещут крылья за спиной,
Я не святая, ты – весь грешный и земной.
Блаженство райское в сердец слияньи!

Вселенная вдруг с нами засмеется,
Любовь нам крылья даст, поднимет в небеса,
Хрустальных звёзд жемчужная роса
В крови как адский вихрь пускай взорвётся!

Прощёное воскресенье

Пусть облачком летит в далёкий край любовь! Прощай!
За то, что не наступит май для нас, прости меня. Прощай!
Когда тобой я наполнялась через край,
Я буду помнить, но и ты не забывай.

Иди вперёд с добром, меня не проклинай
И на пути моем мне счастья пожелай.
И Женщину в дали годов ты снова повстречай,
Своё тепло ей отдавай, любимой называй,
Морщинки, черточки её с восторгом изучай
И неуёмностью своей почаще удивляй.
Мудрее стань, добрей, сердца не разбивай!
Науку жизни постигать смиренно продолжай.
Призыву сердца своего смелей внимай...

Мы не смогли тебя сберечь. Прости, любовь, прощай!

**примечание автора. В русской традиции, в последний день масленицы, в воскресенье перед началом Великого поста, есть обычай просить друг у друга прощенья. Просто так, как говорится:«За всё, в чём был и не был виноват».*

Облака Галича

Посвящение Галичу

К облакам да от коньяков
Сотни вёрст легли, тьмы веков.
Между ними судьба поэта –
Натяжением, лучиком света.
Облака плывут, облака,
Пробираются сквозь века,
С неприкаянною душой
Манят странника за собой.
Нет покоя ему нигде.
Пьяный взгляд устремлен к звезде –
То ли выпить ещё коньяка?
То ли вновь смотреть в облака...

Старый Новый год

Dum spiro spero

Вот опять пришёл ты, Новый, свежий, юный.
Временем омыты прежние грехи.
Птица вдохновенья задевает струны
И приносит снова старые стихи.

Всё про те же страсти, про улыбку милой.
Отдаёмся власти вечно юных сил.
Убежим по звёздам от тоски унылой
Всё на свете сможем, если захотим!

Бой знакомых ритмов ночи карнавала
Будоражит нервы, проникает в кровь.
И душа готова всё начать сначала,
Если вновь возникнет тема про любовь.

Всё уж нам известно, старО, как мирозданье,
Всё уже звучало за мильёны лет.
Но опять приходит Чуда ожиданье
И мечта счастливый вытянуть билет.

Вместе с Новым Годом всё начать сначала
И всему плохому обрубить концы,
Чтоб в душе счастливой музыка звучала
И цвели Надежды хрупкие цветы.

И улыбка, без сомненья,
Вдруг коснётся ваших глаз!
И хорошее настроение
Не покинет больше вас!

ШИРИН МАНАФОВ

Азыхская история

Еще в 1968 году архитектор, педагог Архитектурно-строительного института Валех Гаджиев точно знал, каким будет год 1990-й. Никакой фантастики, этому есть объяснение. Начиная с 1965 года он участвовал в экспедиции под руководством Мамедали Гусейнова, который в 1968 году нашел в Азыхе нижнюю челюсть пренеандертальца и сделал пещеру знаменитой. Пещера находится в 14 км от города Физули и в трех км. от армянского села Азох. Как только была выявлена громадная научная ценность Азыха, с учеными провели беседу работники исполкома Гадрута и райкома компартии из Степанакерта. От предложений помощи в решении бытовых проблем тактично перешли к главной теме визитов: Азыхская пещера свидетельствует о древности армянского этноса. Азых имеет прямое отношение к армянской истории, поскольку пещера находится в трех км. от армянского села Азох Гадрутского района, на 90% заселенного армянами. Поэтому было бы правильно называть Азохская пещера, а ее ставшего знаменитым на весь научный мир обитателя азохантропом. Валех тогда пошутил: вы хотите и азыхантропа присвоить? Ученые тогда посмеялись. Гости уехали. Валех предупредил: будет продолжение.

В Баку Валех жил в армянском квартале, знал армянский язык и был хорошо осведомлен о том, что среди местных армян распространена литература о невероятных достижениях древней Армении, той самой, что «от моря до моря», и что долг всего цивилизованного мира – вернуть этой чудо стране ее территории и былое могущество. Поскольку в этой легенде «от моря до моря» рассказывается о вкладе древних армян – изобретателях колеса, письменности, астрологии, алгебры и бокса, в таком случае Азыхская пещера – это стартовая площадка армянской фантастической сказки о самой креативной стране древности.

И продолжение было. Работники исполкома Гадрута в один голос твердили археологам: Азох – это армянское национальное достояние. Мы гордимся, что древний памятник находится на территории древнего Арцаха. Так что называть пещеру надо именно Азохской. Кроме того желательно участие в раскопках специалистов из Армянской академии наук.

То, что одним показалось шуткой, было серьезным сигналом для Валеха. Он стал инициатором ускорения работ на Азыхе, поскольку уже тогда «гости» из Гадрута и Степанакерта интересовались, как бакинские ученые отнесутся к созданию в НКАО филиала ереванского института археологии.

– Резко отрицательно, – ответили Мамедали и Валех, – поскольку археология изучает тот период эволюции цивилизации, когда достижения культуры не использовались в узко понятых национальных целях.

С этого момента Валех словно жил в 1990 году, не сомневаясь в неминуемом обострении между культурой подлинной и культурой, уже в 1968 году питаемой отравленными национализмом источниками.

Азербайджанские ученые резко ускорили работы на Азыхе, привлекли большой отряд ученых из московских институтов: антропологов, генетиков, биологов, палеоботаников и т.д. Задача состояла в том,чтобы получить всю информацию, заложенную в культурных пластах Азыха, и интерпретировать с позиции настоящей науки. Не позволить армянам использовать Азых в спекулятивных целях, прекратить нести бред про Гадрут, как родины армянского этноса, азыхантропа, основателя армянского села Азох, как шутил Валех.

Почему, если он найден на нашей земле? – был ответ армянских представителей из райкома компартии НКАО.

История о том, как удалось отстоять Азых в советский период, еще не написана. Роль Валеха здесь громадна. Он не только на высочайшем уровне произвел обмер памятника, всех шести «комнат» пещеры, но и совместно с шефом экспедиции не позволил реализоваться армянскому сценарию с его далеко идущими последствиями: арменизацией археологических памятников Нагорного Карабаха.

В 1973 году Валех вместе со своим другом Арифом Аслановым основал в Политехническом институте студенческий клуб САПИБ, что стало важным событием в нашей культуре. ***(см."Л.А." №12,2021)***

Разумеется, что историю азыхской пещеры рассказывали студентам, анализировали ее. Так что вполне естественно, что человек живет в 1968-м году, а действует и мыслит, как в 1990-м.

Еще в 1968 году Валех предупреждал коллег – Ереван намерен приватизировать албанские храмы, теперь еще и Азыхскую пещеру.

В 1990 году в своем очерке о поездке по Нагорному Карабаху, напечатанном в «Литературной Армении» под названием «Высек я в скале храм божий», публицист Грета Каграманова пишет: *«Не так давно ученые обнаружили в Азыхской пещере, что стоит, разинув пасть, прямо напротив села Азох в Гадрутском районе, следы доисторического человека, жившего тут миллион лет назад. Что ни говорите, а это обязывает. Это делает тебя гражданином человечества и человеком миллионолетней истории»*. Далее Грета поясняет, о чьей истории идет речь: *«Еще в конце XIX века в пещере видели каменную статую женщины в арцахском одеянии»*.

Ясно, что статую изваяли предки армян, а арцахское одеяние с нее сняли и изорвали в клочья азербайджанцы. Затем надели на арцахскую женщину свои тюркские одеяния, но потом передумали и полностью разрушили статую – символ свободы Арцаха с его миллионнолетней историей.

Ни в одной из шести пещер Азыхского комплекса нет никаких намеков на то, что азыхантроп занимался ваянием женских скульптур, а его спутница предпочитала армянские национальные платья и украшения. Есть сталактиты, которые только в изощренных галлюцинациях можно воспринимать как скульптуру женщины.

Итак, спутница питекантропа, – утверждает издающийся в Ереване журнал, – была одета в национальные арцахские одеяния.

Но что за скульптура? Обычный сталагмит – известковый нарост в виде конуса на дне пещеры природного характера.

Грете хватило ума не назвать обитателя Азыхской пещеры – ископаемого представителя семейства гоминид – первым армянином и праотцом чудо-этноса.

Самые древние статуи были найдены при раскопках вблизи Аммана (Иордания) – 8-е тысячелетие до нашей эры. Самая старая статуэтка в виде женской фигуры, как символа плодородия, была найдена в пещере Холе-Фельс, ей уже не менее 35 000 лет.

Французы преподносят как невероятный успех свои достижения в изучении пещеры Мандрен, им удалось доказать, что время пребывания современного человека в Европе не 40 тысяч лет, а на целых 10 тысяч лет больше.

В Азыхе изучается то, как происходил процесс «накопления качества», – то есть процесс формирования генома представителя расы Хомо сапиенс, который привел к взрывному характеру развития эволюционного процесса.

В 1990-м году Ереван выставил в качестве предмета для гордости ископаемого гоминида и его подругу. Гоминид – это первый армянин, а его подруга – женщина в «арцахском одеянии».

Еще в далеком 1968-м году Валех не сомневался в том, как преподнесут Азых армяне миру, в издании такого опуса в Ереване.

Уже через два месяца после победы в Карабахе в 2020 году специалисты НИИ археологии НАНА посетили места раскопок в пещерах Азых и Таглар в бывшем Гадрутском районе. Они привезли в Баку 90 ящиков с ценным материалом, артефактами, найденными армянскими археологами.

С 2000 по 2020 годы армянские специалисты проводили интенсивные работы в пещере Азых. К счастью, наступление азербайджанской армии в 2020 году было настолько ошеломительным для армян, которые верили в неприступность Карабаха, что они не успели вывезти из села Азох артефакты из знаменитой пещеры. Эти ящики обнаружили наши солдаты в доме, где оставались тогда участники армянских экспедиций.

Пещера Азых была настолько ценным объектом, что армяне приложили массу усилий для приватизации ценного объекта. 20 лет подряд академия наук Армении финансировала проведение полевых работ в пещере Азых, приглашала иностранных археологов. До последнего времени здесь велись раскопки, настолько важное значение они придавали закреплению за армянской наукой достижений в исследовании древнего человека.

После освобождения Карабаха от оккупации, армяне подняли вой: спасите армянские памятники истории и культуры.

В Карабахе более 2600 памятников культуры, из них 121 относится к археологическим. По своей ценности Азых входит в число уникальных объектов всемирного наследия. Это не какой-нибудь липовый Тигранакерт, якобы найденный армянами вблизи крепости Шахбулаг. Это настоящее, подлинное. Стоило потратить значительные средства в попытке присвоить достижения азербайджанской науки.

Все долгие годы оккупации Карабаха ведущие специалисты во главе с академиком Мамедали Гусейновым публиковали материалы об Азыхе в международных научных журналах, считая своим долгом отстоять ценный памятник и не позволить НИИ археологии Еревана приватизировать самый знаменитый в научном мире памятник Карабаха.

За 26 лет оккупации академия наук Армении организовала десятки экспедиций с участием иностранцев, опубликовала множество статей и устроила немало выставок, в 2016 году даже была издана книга, в которой опубликованы отчеты 45 специалистов из разных стран по изучению Азыхской пещеры.

Почему уделяли такое внимание Азыху? Если в Шахбулаге делали все по-армянски: найденное поселение бездоказательно назвали давно разыскиваемой столицей древней Армении Тигранакертом, то в отношении Азыха сыграли профессионально. Пригласили специалистов из разных стран, и те опубликовали в изданной академией наук Армении книге результаты своих исследований, но без популистских бредней о найденном в пещере Азых предке протоармян. Уж слишком высока была вероятность оказаться посмешищем в глазах мировой науки.

Уникальность Азыха состоит в том, что это единственная в мире пещера, где зафиксировано три этапа эволюции, приведшей к появлению Хомо сапиенс. Выявлены три этапа заселения пещеры, самый глубокий – 1 миллион 200 тысяч лет, второй – 400 тысяч лет спустя, третий – 200 тысяч спустя.

Руководителем первой экспедиции был академик Мамедали Гусейнов, открывший уникальный памятник. Он – автор широко известной в научном мире монументальной монографии об исследованиях Азыхской пещеры. В ней изложены результаты многолетних исследований азербайджанскими и московскими учеными за почти 40 лет интенсивного изучения Азыха. Ни одного ученого из Армении в советский период в качестве участника исследований там не было. М.Гусейнов выдвинул еще в 1970 году предположение об еще более раннем возникновении гоминоида, названного азыхантропом, о его пребывании на этой территории, что подтвердилось находками на раскопках близ Дманиси (Грузия) в 2000 году.

Азых является невероятно ценным памятником мировой археологии. Тем более актуально скорейшее возвращение на этот объект ученых Азербайджана, с привлечением специалистов из ведущих центров Европы и Азии, поскольку Азых вызывает острый интерес как западных антропологов и археологов, так и восточных. Необходимо провести огромную работу по переосмыслению многолетних исследований с учетом новых методов в археологии и антропологии.

Ряд ученых – историков и археологов Азербайджана – подписались под требованием о возбуждении уголовного дела против некоторых армянских и европейских ученых по факту незаконных раскопок на временно оккупированных территориях, что преследуется по закону согласно Гаагской конференции, подписанной и Арменией в частности.

Точно также некорректно, без соблюдения в научном мире правил издана в 2016 году академией наук Армении книга об Азыхе. В ней нет никаких ссылок на более чем 40-летний период изучения Азыха азербайджанскими учеными. Как будто книга создана по результатам только что проведенных исследований. Не упоминая о публикациях наших ученых, вместе с тем щедро используется весь накопленный за 40 лет изучения опыт работы в Азыхе бакинских и московских ученых.

Изданная в Ереване книга – попытка перечеркнуть многолетние исследования и достижения наших ученых, тем более тщетная, ибо в 2021 году вновь возобновились прерванные оккупацией Карабаха полевые исследования Азыха, к которым будут привлечены иностранные специалисты.

Ереван стремился заявить о себе как о хозяине бесценного клада. Мол, именно академия наук Армении – главный хранитель уникального памятника мировой науки, ведь армянские ученые на протяжении 20 лет оккупации азербайджанских земель занимались исследованиями этой древней стоянки человека, свидетельствующей об эволюционном процессе, уходящим в глубь истории на миллионы лет.

Изданная Ереваном книга рекомендует обращаться в НИИ археологии Армении как якобы двадцать лет системно изучавшему уникальный памятник. Эти потуги по сути смешны.

Азых воспринимается учеными мира как собранные в одной лаборатории данные о ранних этапах эволюции, приведшей к формированию современного человека. Такие памятники-лаборатории дают важную информацию о старте важнейшего этапа – лавинообразного процесса изменений в процессе формирования человека разумного. С какого момента стартует ускорение и почему эволюция приняла именно наблюдаемое направление, и что способствовало ее ускорению.

Издание АН Армении книги об Азыхе – это претензия на правообладание всем объемом информации об изучении памятника с самого начала и по сегодняшний день. Однако общеизвестно, что именно азербайджанские ученые внесли основной вклад в комплексное исследование Азыха, отработали методики, которые позволили позднее изучить пещерную стоянку близ Дманиси.

Опираясь на издания азербайджанских авторов, армяне пытались скрыть, что весь этап сбора данных, когда отдельные находки все более начинали приобретать конкретную плоть археологической систематики, проведен в течение сорока лет бакинскими учеными. За этот период установлено хронологическое развитие комплекса с выделением трех этапов – ярких вспышек на пути эволюции.

Что означают находки в Азыхской пещере на генеалогическом древе задолго до формирования миграции современного человека на пути из Африки в Европу и Азию?.. Где и как происходила подготовка к этапу эволюционного прорыва, приведшего к формированию хомо сапиенс? Эти и многие другие вопросы ждут еще своего ответа.

Верно поняв посыл и намерения представителей Степанакерта в далеком 1968 году, Валех внес большой вклад в ускорение археологических работ на Азыхе.

В 1971 году Валех со студентами едет в село Юхары Аскипара. То самое село, которое было первым подвергнуто атаке в 1989 году и откуда изгнали азербайджанцев. Он обследует албанский памятник, извлекает камень с надписью «Я, Иранти, слуга князя Гасан Джалала, построил этот храм».

Камень с надписью ученый привез в Газах и сдал в краеведческий музей. Армянские ученые назвали этот поступок «кощунственной выходкой». Никто не понимал мотивов этого поступка. Однако Валех сдал в музей доказательство албанского происхождения храма в пограничной зоне. В тихие 1970-е годы он утверждал, что именно приграничные села с албанскими памятниками имеют принципиальное значение. В случае обострения эти села будут захвачены в первую очередь на том основании, что здесь есть якобы армянские храмы. Так и случилось в 1989 году.

Один из учеников Валеха архитектор **Алик Кадыров**: *Валех рассказывал, что ни разу армянские исполкомовцы в споре об Азыхе не сказали «Азербайджан». Все время – Азохская пещера, Азох, НКАО, армянская история. Отмечал: ставка на продавливание. Да, смешно, не научно, примитивно, но главное – навязать свою ложь, сделать бред предметом обсуждения. Врать, давить, пока не перестанут возражать. А все, что не встречает сопротивления, со временем станет нормой. Многие воспринимали тогда как анекдот все эти бредни про азыхантропа – первого армянина. Валех в 1968-м говорил о бдительности, к тактике продавливания надо готовиться.*

Работники исполкома и райкома Степанакерта привозили историков, и те настаивали: Азыхская пещера – армянская история. Говорили одно и то же, не обращая внимания на возражения, что все это антинаучно, вздорно, глупо. Продавливание – это стиль, не характерный для азербайджанцев, зато хорошо освоенный армянами и активно ими применяется.

Примитивно, глупо, назойливо – да. Но изо дня в день продавливать свою тактику во всех мировых СМИ, в интернете – вот задача армян. Продавливать свою позицию, свое мнение, свои задачи… В 1968 году на личном опыте Валех убедился в том, что на официальном уровне велась программа арменизации памятников Карабаха.

Гейдар Асланов, сын Арифа Асланова: *Валех готовил меня к экзаменам по истории. Великолепное знание мировой истории, Кавказа,.. Ирана, Турции. Его позиция: охрана памятников – охрана истории. Валех ушел слишком рано, мой отец тогда написал воспоминания о друге. Это был крик души, потрясение уходом необходимого человека, опередившего свое время. Даже те, кто в 1968-м говорил, что Валех сгущает краски, в 1988-м, когда были изгнаны азербайджанцы из Армении, – все они согласились и сказали: Валех был тысячу раз прав.*

Поэтому сейчас ученики хотят по крупицам собрать опыт тандема Ариф-Валех, опыт уникального явления – студенческого клуба САПИБ, созданного этими выдающимися педагогами в 1972 году.

На всех международных форумах армяне вопят: Азербайджан уничтожает армянские памятники. Опыт Валеха крайне востребован, так как тактика продавливания – при всей примитивности и спекулятивности – очень эффективна. Каждый, кто подобно Валеху грамотно развенчивал, разрушал эту тактику, невероятно востребован. Битва за Карабах еще не окончена. Нам нужны центры по подготовке элиты.

Страж истории – Кавказская Албания.

С первого года преподавания в Политехе Валех нацеливал студентов на изучение памятников Кавказской Албании. Сам ездил по районам Азербайджана и проводил обмеры памятников вместе со студентами. Работа ускорилась после одного случая: ученика Арифа и Валеха, активного участника клуба САПИБ Османа Бархалова, долго терзали на конференции студентов Политехнических вузов в Ереване. Студент потряс ереванских архитекторов своей работой по изучению памятников Кавказской Алба-

нии в Закаталы, доказав принадлежность храма в селе Мамрух близ Загаталы и храма Звартноц под Ереваном к одной архитектурной школе, расцвет которой приходился на период правления в этих регионах Кавказской Албании албанских князей.

Осман Бархалов: *Валех принимал участие в подготовке моего доклада, и его остро заинтересовал взрыв негодования и тревоги, который вызвал доклад среди ереванцев. Не столько даже принадлежность к одной архитектурной школе этих двух храмов, сколько ереванских историков – участников конференции возмутил сам факт, что в Баку начал действовать центр исследования Кавказской Албании. После этого случая Валех стал подключать к этому направлению деятельности САПИБа еще больше студентов. Ребята с удовольствием работали, он щедро раздавал темы для научных работ, казалось бы, чисто архитектурного направления. На самом деле он подключал нас к соревнованию с армянской албанистикой, ереванской школой кавказоведения, настолько спекулятивной, насколько и примитивной.*

Учил читать архитектуру Кавказской Албании как исторический текст, что и вызвало тревогу, негодование у ереванских специалистов, потому что по моей работе им стало ясно: в Баку – неожиданный подъем интереса к архитектуре Кавказской Албании. Раньше только историки и филологи, да и то единицы. Все это происходило на самом первом этапе зарождения азербайджанской албанистики, когда резкой критике армян была подвергнута позиция профессора Зии Буниятова в связи с изданной им в 1965 году книги «Азербайджан в VII-IX веках». Еще не были изданы замечательные книги Фариды Мамедовой с открытым вызовом: «Кавказская Албания – азербайджанская история». Мы все были увлечены этим соревнованием. И сделали из этого азартную игру: если у армян наш интерес к Кавказской Албании вызывает страх и ярость, то именно это направление и будем развивать.

«Ребята, изобретайте азартные задачи, участвуйте в соревнованиях», – настаивал Валех. Очень много учеников Арифа и Валеха участвовало во всесоюзных конкурсах, но проект «Возвращение Кавказской Албании» был самым азартным приключением. Нам было по 20 лет, только через азартный вызов можно было вовлечь нас в тематику, которая совсем не поощрялась ни руководством института, ни нашей академией, ни установками Москвы. Изучение Кавказской Албании, всего христианского периода на Кавказе Москва подарила Еревану. До сих пор с удовольствием вспоминаю, с каким негодованием пытались опротестовать мой доклад в Ереване.

Археолог, профессор **Туфан Ахундов** о своем наставнике: *Не только соревнование, но и более глубокая задача. Валех настаивал на исследовании Кавказской Албании, христианского периода мощным отрядом историков, архитекторов, археологов, антропологов, филологов. Наше невнимание к этому очень плодотворному периоду истории – праздник для соседей. Отказ от христианского наследия отсекает нас от цветущего периода в нашей истории, условно говоря, от периода вхождения Южного Кавказа в торговые контакты, в сферу влияния древних городов-государств Месопотамии. Забвение албанского периода лишает нас связи с корневой системой процесса этно- и культорогенеза. Тогда вы должны согласиться с армянской установкой, что население Азербайджана – потомки кочевых племен, вашей истории всего от силы 13 веков. Валех настаивал: нашей науке предстоит изучить, какое место для себя в истории сочинили армяне и какую роль пытаются навязать нам, грузинам, туркам.*

Невнимание к албанскому периоду, характерное для нашей истории в советские годы, означало отказ изучать богатейший культурный пласт, который играл роль моста между мусульманским и доалбанским периодами. Естественно, в то время христианские миссионеры направлялись в отдаленные регионы, уже включенные в единое пространство древних культур. И такое богатство отдавать ереванскому институту Кавказской Албании? Кощунство – так думали чиновники от науки в 1990-м, уже после взрыва кипящего котла. Тогда как Валех и Ариф в тишайшем 1968-м действовали так, будто живут в 1990-м.

Абдул Гусейнов: *Я не был знаком с Валехом, но мой наставник Ариф Асланов много рассказывал о своем друге. Я постоянно встречаю на многих отчетах по памятникам Ичери шехер подпись: «обмеры сделал Валех Гаджиев». Азых, албанский период, спасение памятников Кавказской Албании от забвения, Ичери шехер – диапазон огромный. Почему нет исследований по тому периоду архитектуры, который подарил нам такие масштабные личности? Молодым архитекторам нужны национальные примеры независимого мышления и действия. Здесь мы видим человека, ставящего перед студентами гораздо более значительные цели, чем могла предложить советская система. Так, оказывается, в далекие 70-е годы мои педагоги открыто выступали с предупреждением о том, что война идей и национальных задач перейдет в очень активную стадию. Не могли такие люди, как Ариф и Валех, возникнуть из пустоты застоя и не должны исчезнуть в никуда. Мы не должны позволить этому случиться. Когда я резко протестовал против уничтожения помещения легендарного САПИБа – не был услышан, здание снесли. Почему разрушили мастерскую, из которой вышли десятки отличных архитекторов, археологов, дизайнеров, художников? Ни в одном вузе сейчас нет школы мастерства как вовлекать студентов в международные проекты. Отдельные успехи есть – школы нет. Молодым архитекторам нужны учителя и наставники, работающие на опережение. Креативность, что играет большую роль в формировании специалистов мирового класса, невозможна без мотивации.*

Гейдар Асланов: *Отец рассказывал, что Валех был в институте белой вороной. Из тех белых ворон, что крайне необходимы каждому научному институту. Критиковали Валеха за национализм и преподавание в открыто антисоветском духе, ну, ни капли в нем модного интернационализма. Еще полшага – и антисоветский элемент – с гордостью за друга рассказывал мне отец.*

Прошли годы. Дети учеников Валеха и Арифа закончили вузы, многие – за границей. И вот их наблюдения: студентов из СНГ в западных вузах не допускают в престижные студенческие клубы. В Оксфорде минимум сотня клубов, от туризма до танцев, вот туда – пожалуйста, а вот в элитклубы типа «Джентльмены Оксфорда» или «Креативный класс» – запись прекращена на сто лет вперед. В клубах танцев – да зависайте хоть на неделю, а в элитклубы нельзя. Ни ребятам из СНГ, ни арабским шейхам. Фабрика создания элиты не для иностранцев. С ростом международной напряженности и разобщенности этот тренд все более заметное явление. Иностранцы, ваш предел – исполнители. Нам надо искать свои резервы, возрождать свои традиции, САПИБ – один из лучших студенческих клубов СССР.

Слишком много отличных профессионалов дали стране два руководителя клуба Ариф и Валех, чтобы не изучать САПИБ как методику создания профессионалов.

Поиск эффективных форм обучения требует изучения удачных экспериментов. Динамизм наставников и обучающихся открыл в изучении архитектуры Кавказской Албании профессору Зия Буниятову и Фариде Мамедовой огромную доказательную базу принадлежности Кавказской Албании азербайджанской истории. САПИБ сильно помог в 1970-х годах основателям проекта «возвращения Кавказской Албании на родину» в создании фундамента азербайджанской албанистики.

Ярость, бешенство армянских архитекторов по поводу выступления Османа Бархалова в Ереване в 1968 году была зафиксирована в узком кругу первых албанистов Баку как землетрясение силой в 9 баллов. Землетрясение стало великолепным стимулом для развития всех направлений албанистики в Баку. Ярость противника – великолепный триггер для развития науки.

Валех был хорошо знаком с археологом Рашидом Геюшевым, автором книг по Кавказской Албании. Неоднократно встречался с ним и рассказывал об исследованиях памятников Кавказской Албании членами САПИБа. В отличных отношениях был с филологом Ворошилом Гукасяном, удином по национальности. Валех гордился тем,

что его соратники Р.Геюшев и В.Гукасян в 1978 году в группе ученых во главе с профессором Фаридой Мамедовой ездили в Кельбаджарский район с целью не позволить провести «реставрацию» армянскими специалистами Гандзасарского собора. В 1978 году удалось отстоять Гандзасарский собор от «реставрации», которую предложил тогда провести католикос армян Вазген I.

Креативный класс.

Рассказом о студенческом клубе и его педагогах мы пытаемся восстановить очень удачный способ передачи и наследования опыта поколения первых албанистов в Азербайджане. Исторического, научного, политического, национального. Именно так создаются научные достижения и военные победы, возникают национальные научные школы – за всем этим стоят единые принципы ретрансляции культурных достижений.

В 1970-х годах два педагога создавали в Баку то, что сейчас называется креативная элита. Конечно, было много врагов, но тем азартнее игра. Зачем нужен центр опережения? Захватив в 1994 году Карабах, противник считал – дело сделано, игра закончилась, история «заснула», можно предаваться эйфории. Неожиданное пробуждение их ждало в 2020 году.

Суть требований учеников Валеха и Арифа: создание таких мастерских, как САПИБ, чрезвычайно актуально для высшего образования, ведь архитектура очень соревновательная сфера. Чуть меньше драматизма, чем в шоу-бизнесе. Совсем чуть-чуть.

Валех и Ариф учили молодых создавать коллективы опережения, совсем по Стиву Джобсу: «хочешь уйти далеко, иди в команде». Не создадите элитную команду – сожрут поодиночке, как бы вы гениальны ни были.

Есть и государственный аспект задачи – никакой стране, этносу не позволять навязывать нам место в истории, современном мире. Не позволять самоутверждаться за наш счет. Отвоевав Шушу, бóльшую часть Карабаха, государство повышает свой авторитет, уровень влияния. Это требует качественно иной элиты, повышение требований к высшему образованию. Создание эффективных студенческих клубов играет большую роль в этом процессе.

Например, в одном только не самом большом вузе Москвы – в Высшей школе экономики около ста студенческих клубов. В такой среде может возникнуть мастерская по созданию мастеров.

Тот, кто диктует темы научных работ, тот распределяет социальные роли для национальных элит. На всесоюзном уровне армяне стремились принять участие в распределении специализации для национальных академий наук. В первую очередь у соседей – в Грузии, Азербайджане, автономиях Северного Кавказа. В результате такой политики в советский период в Азербайджане не было проведено исследование социологов, этнологов, демографов населения НКАО. Не известно, кто из местного населения себя считает армянином, кто потомком албанцев, каковы их взаимоотношения. Зато важнейшую тему многие десятилетия внимательно изучал Ереван. Изучение демографии НКАО ереванским НИИ Кавказской Албании придали резкое ускорение событиям в Нагорном Карабахе.

– На примере Азыха, – рассказывал Валех, – я убедился, что любое пребывание ученых из Баку на территории НКАО крайне болезненно воспринималось местной администрацией. Могло раскрыться очень много потаенных, тщательно скрываемых процессов.

В 1968-м Валех хотел организовать научную экспедицию в НКАО с очень скромными внешне задачами – фольклор, этнография, обычаи, ритуалы, своеобразие и отличия между потомками пришлого армянского и аборигенного албанского населения. Азых показал, что такое невозможно, будет взрыв, истерическая реакция.

Стоит вспомнить, что на митингах в городах НКАО в 1988-1990-е годы видны были плакаты «Свободу арцахскому народу». Пришлые армяне и аборигенное население тогда вкладывали разное понимание в «арцахский народ». В результате победы 2020 года этот фактор наверняка стал острее, заметнее.

Вместо эпилога. Диоген и Шерлок Холмс.

1977 год. Валех с 20-летним племянником едет в автобусе в Шеки. Дорога разморила, парень хотел спать.

– Уверен, что Конан Дойл списал Шерлока Холмса с Диогена, – сказал вдруг Валех и сон у парня как рукой сняло. – Что все знают? Старый циник жил в бочке. А между тем Диоген умер в возрасте 89 лет, что заставляет пересмотреть всю эту чушь про изгоя. Его берегли, поддерживали, в нем нуждались. Почему? Общество нуждалось в тех, кто отличается от всех и не скрывает свое Я. А это Холмс. Диоген восхищен своим интеллектом. Точно – Холмс. Зачем Диоген нужен? Он скала, о которую разбивались вздорные идеи, ложные теории, гипотезы. Это – Холмс. Диоген смеялся над самим Платоном. Тот заявил, мол, человек – двуногое существо без перьев. Диоген ощипал курицу и сказал людям: Вот вам платоновский человек. Платона подняли на смех. Самого Платона. Типичный Холмс. Диоген не циник. Он видит, ищет, мыслит иначе. Точно – Холмс. Вызывающее поведение Диогена имело цель, которая поощрялась. Вырвать из толпы парочку юнцов, которые посмеют стать Диогеном после его смерти. Та же задача стояла перед Омаром Хайямом. Эту же цель преследовал создатель образа Холмса. Ради этой пары учеников Диоген избрал путь изгоя, забыл о карьере в древнегреческом смысле этого слова. Точно – Холмс и Хайям. Почему Диоген почти сто лет не боялся быть оригиналом, вызовом? Значит, есть потребность в нем. И она обществом осознается. За ним ходили и записывали каждую фразу. Диоген знал, он живет в обществе, которое застряло, как телега, попав я яму. Видимо, и общество это осознавало. А это и причина создания образа Шерлока Холмса.

Валех продолжает: Диоген днем с горящим факелом идет по улицам Афин. Никто не сказал – безумец. С интересом спросили: что ты делаешь? Ответил: «Ищу человека!» Допускаю, что просили повторить прогулку с факелом какое-то время спустя. И после этого он же стоял на площади и просил подаяния. На вопрос, зачем это делает, ответил: «Чтобы приучить себя к отказам». Конечно, он был нужен и ему позволили прожить почти сто лет. Холмс живет больше ста лет.

– Это все здорово, но где доказательства, что Холмс списан с Диогена, да еще теперь и с Хайяма? – возмущен племянник.

– А это тебе предстоит узнать, – невозмутимо отвечал Валех. – Мое дело возмутить человека. Все остальное – он сам. Науку делают возмущенные. Историю, литературу, спорт – тоже.

Валех преподавал, как он сам говорил, умение учить учиться. Одних эта фраза вводила в ступор, другие отскакивали от него и разбегались. Так что слова его друга Арифа о нем верны. Валех настаивал на необходимости наличия белых ворон, особенно в консервативных обществах. У белых ворон очень много врагов, а интерес к ним студентов велик. Результат: ученики в один голос утверждают: из всех педагогов помним только Арифа и Валеха.

ВУГАР ЭМРАХ

Р А С С К А З Ы

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Гости из Москвы

Было раннее утро. Дулу киши, нацепив по обыкновению свои очки, напоминающие увеличительное стекло, сидел на деревянной скамье у ворот. Ему было больше восьмидесяти. Он казался задумчивым. Многофункциональной кизиловой палкой в руке он рисовал на земле неизвестные себе геометрические фигуры. Сегодня должны были приехать из Москвы его сыновья. «Будь проклят мир. Дети страдают. Ради куска хлеба им приходится скитаться по чужбине. Я не смог стать им хорошим отцом, – Дулу поставил жирный восклицательный знак в конце нарисованной фигуры. – Были б здесь, помогли бы с хозяйством. Уже надоело возиться со скотом. Забот-то у животных никаких. В Москву ведь они не отправляются. Пойду накормлю их, пока не припекло. А к тому времени и дети приедут...»

У Дулу поднялось настроение. Сев на облучок телеги, он весело напевал: *«Довги вдоволь, яймы немерено…»*

Недалеко от садов с тутовником пронырливый соседский сын на лошади промчался мимо Дулу и остановился перед телегой:

– Дядя Дулу, дядя Дулу! Сыновья твои приехали, у въезда в деревню. Сидят с друзьями. Они сказали: «Пусть отец не ждет нас, придем поздно...». – Бедный ребенок, хоть и проныра, ждал магарыча.

Прежнее настроение улетучилось вместе с этими словами. Дулу ушел в думы: «Чего только не пришлось пережить? Я продвигался от слесаря до агента НКВД. Такого не видал никогда. Что за странный «эгоизм» проявился в этой деревне? Люди никогда не забывают своего родного очага. Где бы они ни жили, обязательно возвращаются. А возвращаются в ином обличье, – он сердито ударил кизиловой палкой оземь, будто остался недоволен их возвращением на родину. – Возвращаются, но опошляют всю тоску ожидания. Одни возводят на месте родного очага «египетскую пирамиду», другие строят забор высотой в десять метров, третьи украшают весь двор плиткой, а некоторые строят гараж на пять или шесть машин. Все это считается «рвением», – он уставился на десятиметровый забор своего соседа, проявляющего «рвение». – Это «рвение» достигается через приключения в далеких, чужих городах. Вооруженное ложью, обманом, проклятиями, оскорблениями, нарушением запретов, это «рвение» расправляет крылья и возвращается на родину. Последствия «рвения» в далеких чужбинных городах разрушают ни о чем не ведающие бедные семьи на родине, превращают родственников во врагов и разоряют друзей. Как ни в чем не бывало... Ничего страшного, лишь бы высился десятиметровый забор, лишь бы в каждом дворе возвышалась «египетская пирамида», лишь бы из каждого гаража выезжал джип для поездки в гости, нива для поездки на работу и мерседес про запас! А как же? Все всё видят… Таким образом, жители села превращают свою частную жизнь в собственность села. Жертвуют душой и свободами ради заборов и зданий, которые считают своими. Эхх! Только ты сохранило здесь чистоту», – Дулу киши обратил свой взгляд на озеро Аджынохур, не перестающее улыбаться серебряной улыбкой.

Дулу, весь печальный, косил траву. А в сельской столовой один из друзей поднимал тост за здоровье Дулу:

– Рауф, Руфат, давайте выпьем эту рюмку за здоровье дяди Дулу! Дай Бог ему жизни! Настоящему мужчине, смельчаку! Ей-богу, я восхищаюсь рвением этого человека. Хотел бы я иметь хотя бы одну десятую его рвения, – коснулся он большим пальцем указательного. – Клянусь, горы бы сворачивал! Проявлять такое усердие в восемьдесят лет? Что еще добавить? Я мог бы говорить об этом человеке часами, – на самом деле, ему, как любящим описания прозаикам, нечего было сказать, но «волшебная водка» делала свое дело, – всё и без слов видно. Выпьем! Пусть дядя Дулу будет здоров и живет еще сто лет!!!

Звякнули рюмки. После каждого звяканья сыновья Дулу распалялись пуще прежнего. После каждого звяканья сентиментальность облачалась в свое аляповатое платье и танцевала у них на глазах. После пол-литра обнажились чувства и переросли в твердую решимость: «Встанем завтра спозаранку и поможем отцу! И не просто поможем, а не дадим даже былинку поднять!» После застолья, свернувшегося в три часа ночи, они на цыпочках пробрались в свой бедняцкий дом и легли спать. Перед тем, как лечь, они решительно прошептали матери на ухо:

– Непременно разбуди нас утром в пять!

Рано утром сидящие в тележке сыновья Дулу, качая ноющими от похмелья головами под шедевральную музыку железных колес, направились в сторону тутовых садов. Дулу охватили странные чувства: «Когда они успели вырасти и обзавестись семьями? Быть бесплодным плохо. Да, дело хлопотное, но с детьми всё-таки лучше», – похожие на лупу очки Дулу, казалось, показывали его сердце и душу. В иное время он думал и думал, но не мог вспомнить, как выросли его дети. А теперь каждая мелочь мелькала перед глазами, как кинолента. «Я был занят друзьями и гостями, не смог заняться детьми, они росли сами по себе. Да и особо не беспокоили. Не болели чем-то серьезным, не вляпались во что-то затратное. Они даже мухи не обидели. Оказались честными, воспитанными».

Наконец они доехали до тутовника. Половина травы была скошена. Дулу киши взял косу, точильный камень и немедленно принялся за работу. А его сыновья взяли дюжину бутылок пива и сели в тени старого дуба на краю поля.

– Рауф, открой пивка, опохмелимся и приступим, – сказал Руфат, под чьими глазами висели мешки.

– Да, неплохо бы. Эту отраву пьешь с кайфом, а наутро жить не хочется.

Первая бутылка не дала эффекта.

– Класс! Давай еще по одной, – Руфат начал подавать признаки жизни, – я еще не срыгнул, значит, надо еще.

– Охх! Нет, пивом не отделаться. Клин клином вышибают. Перед батей стыдно, не то... – Рауф воровато посмотрел на отца. Тот весь ушел в работу. Он косил траву, а когда уставал, переворачивал скошенные охапки. Вот так Дулу косил траву, а его сыновья боролись с похмельем. Одна бутылка пива – Дулу подумал, что дети приехали из Москвы в гости. Вторая бутылка – Дулу подумал, что они легли спать поздно ночью. Третья бутылка – Дулу подумал, что похмелье – штука мерзкая. Четвертая – Дулу киши чихнул. Пятая – Дулу киши кашлянул. Нет!!! Всё впустую. Сыновья не вставали. Солнце уже садилось. Дулу киши, подавив гнев, собрал скошенную траву в телегу. Наконец не сдержался:

– Поехали, салаги! Садитесь!

Сыновья, покачиваясь, сели в телегу. Всегда послушный осел на сей раз заупрямился. Как ни старался Дулу, осел не сделал и шага.

– Тпру, тпру! – Дулу киши, рассерженный «рвением» своих сыновей, прошелся кизиловой палкой по спине осла.

Они возвращались из тутовника. Дулу, глядя на свою тень, тени сыновей, которые постепенно становились в несколько раз больше их самих, ужасался. Обычно так случалось на закате. Но этот закат отличался от привычных закатов...

Через два дня утром в ворота постучали. Дулу растерялся, увидев на пороге известного на всё село мастера – строителя. Он обратил на него вопросительный взгляд.

– Твои сыновья за всё заплатили, дядя Дулу. Сказали, едем в Москву, а когда вернемся, пусть вместо ограды будет белокаменный забор.

Дулу киши возвёл очи горе: «Боже милостивый, только бы они не указали его высоту»...

Дежавю

Трагедия памяти одного поколения...

Их так и называли – мотоцикл. А точнее – трехколесный мотоцикл. Парень всегда шел впереди. Мать и дочь позади, бок о бок. Типичные русские – рослые, светловолосые, голубоглазые, слегка курносые. Не поймешь, чем занимались. Куда их звали, туда они и ходили, делали все, что им поручали. Взамен довольствовались «объедками» – немного денег, еды, старой одежды и того-этого, о чем мне невдомек...

Говорят, многоточие означает остановку мысли. Вовсе нет! Да и эта история сложилась потому, что я заинтересовался продолжением. Рассказ или новелла. Называйте, как хотите, согласен.

Причина, по которой я заинтересовался ими, заключалась в их странной робости. Как будто они чего-то боялись. Когда они шли по улицам, выглядели напуганными, постоянно озирались по сторонам, это и привлекало чужое внимание. Мать шла с дочерью под руку, будто боялась,что та сбежит или ее выкрадут. Парень шел впереди, с разинутым ртом, с поднятой головой и глядя по сторонам, как ленивец. Казалось, он бросает вызов окружающим – не подходите к моей матери и сестре! Чем может вас заинтересовать такой человек? Я нашел оправдание. Талия матери была кривой. «Деформирующий остеоартроз» можно было разглядеть издалека. Кое-как я отправил им весточку, что у меня нет никаких корыстных целей, просто жаль их, пусть зайдут, обследую. На следующий же день зашли – мать и дочь. Тот же страх, тот же робкий взгляд... Они даже не присели. Я не мог подобрать нужных слов, потому что мне стало более неловко, чем им. Я получил их адрес, они ушли.

В воскресенье решил зайти к ним. Я не мог пойти с пустыми руками, потому что знал об их трудностях. Купил большой мешок картошки, столько же гречки, маленькую кадку масла (помню, потому что они были большие) и другие мелочи.

Театр начинается с гардероба, а нищета – с порога.

Однако слово «бедность» не способно было охватить то, что я здесь увидел. Было очевидно, что однокомнатную квартиру ремонтировали не менее пятидесяти лет назад. Бледные цвета стен и пола не соответствовали ни одному из оттенков спектра. Вместо занавески окно закрывала пленка, которая не снималась даже летом и уродливо искажала свет снаружи. Краска на потолке вздулась, рассыпалась и свисала, как сталактиты. Две пружинные кровати, на которых лежали прохудившиеся одеяло с матрасом, а на них всякие лохмотья, древний шкаф в углу, стол с ножками из разных материалов и единственная низкая табуретка рядом с ним. Она была настолько низкой, что подбородок еле дотягивался до края стола. Чтобы усидеть на этой бедовой табуретке, непременно приходилось упираться в пол одной пяткой. Из этого и состояла вся мебель в квартире. Стол покрывала прозрачная пленка. Под ней бросалась в глаза пожелтевшая газета «Коммунист» от восемьдесят девятого года. На первой полосе газеты красовалось насупленное лицо какого-то генерала. Пожалуй, единственной чистой вещью в доме была эта пленка, а пожелтевшая газета – единственной вещью нормального цвета.

На столе лежало неизвестно когда приготовленное картофельное пюре, а рядом с тарелкой – давно немытая «дежурная» ложка. Нет, это не было беспорядком. Беспорядком называется хаотичное расположение чистых вещей. Здесь все было грязно. Правильнее было бы назвать это неряшливостью. Кажется, мое изумленное оглядывание по сторонам заметила и Марина, высокая женщина с потемневшей от хождения под солнцем кожей.

– Видите, да, доктор Селим, какое у нас трудное положение, – слова Марины вернули меня в реальность. – Никто нам не помогает, – она обратилась ко мне, но продолжала смотреть на поседевшую сгорбленную мать, сидевшую на краю кровати.

– А как обратиться к ней? – я пытался выиграть время, чтобы собраться с мыслями. Цель моего визита оставалась не понятна и мне самому.

– Люся. Люся Ивановна... Василевская, – медленно выговорила Марина, будто с трудом вспоминая фамилию матери.

«Василевская, Василевская, Васильевна», – пробормотал я. Что-то знакомое. Я содрогнулся от нездешнего, устремленного в бесконечность взгляда ее матери.

– А где ваш отец? – меня охватило любопытство. Как будто я все это уже однажды пережил.

– Он давно умер. Я его с трудом помню, – неохотно ответила Марина. В этом ответе тоже сквозили странная робость, страх...

– А как его звали?

Я задал вопрос, но в мыслях вернулся в 93-й год. Карабахская война была в самом разгаре. Передо мной возник образ армянина Шалико. Шалико, ни фамилии, ни отчества которого я не знал. Семидесятилетний Шалико, которого доставили в операционную на носилках в сопровождении жены-азербайджанки и детей смешанных кровей, Шалико с тревогой на лице и глазами, в которых, как и у Марины, сквозили странная робость и страх…

– Иван. Иван Иванович.

В ходе операции выяснилось, что Шалико не обрезался. Медсестра, потерявшая сына в карабахской войне, фальшиво стенала: «Этот сукин сын еще не обрезан». Чтобы избежать пересудов, жена Шалико, услышавшая в коридоре эти слова, настояла на том, чтоб ее мужа обрезали. Хирурги полушутя-полувсерьез сделали обрезание семидесятилетнему мужчине. В тот день мою художественную душу будто разбил паралич. На следующий день Шалико умер ...

– А вы родом откуда, если не секрет? – я не мог побороть своего интереса.

Взгляд Марины был прикован к мешку с гречкой, который я принес. Как будто боясь, что я заберу его обратно, она покорно ответила:

– Моя мама здесь родилась и ее мать тоже. А отец откуда-то из Грузии, там где-то есть портовый город… Маленький город! Не помню!

– Интересно! – отчего-то мне это показалось романтичным. – А мама знает?

– Неет! Она не знает! – сразу перебила Марина. – Она не помнит! Она… Она вообще глухая! – кажется, расспросы утомили Марину. Мать посмотрела на дочь и кивнула, будто понимала, о чем идет речь.

– А у вас сохранилась какая-то семейная фотография? – желание увидеть незнакомого Ивана Ивановича было непреодолимым.

– Нет, не сохранилась! Только его фотография, – указала она кивком головы на старый шкаф в углу, – мама не разрешает трогать.

Я посмотрел в направлении, указанном Мариной. Это был портрет ее отца – Ивана Ивановича. Меня как будто молния сразила. Похоже, Архимед кричал свое «Эврика!» в схожем эмоциональном состоянии. Я словно увидел зеркальное отражение насупленного генерала с первой полосы пожелтевшей газеты «Коммунист», единственной сохранившей цвет вещи под единственной чистой вещью в квартире – пленкой.

– А как его фамилия?

– Власов. Иван Иванович Власов, – тихим голосом, словно сдаваясь, сказала Марина, безвольно роняя руки.

В газете была опубликована статья, реабилитирующая генерала Власова... Я почувствовал себя следователем, в годы репрессий получающим обьяснительные от людей с фамилией Власов: «Я не имею никаких родственных связей с изменником генералом Власовым...»

Деменция

С возрастом воспоминания становятся ближе, чем родные дети...

Селим опоздал на пять минут. Он собирался зайти через заднюю дверь и неприметно сесть с края. Подойдя к двери, он услышал, что собрание проходит шумно. Раздавался голос спикера: «Они освободили Молдавию, они штурмовали Берлин». Это был старший фельдшер больницы дядя Гюлю. Этот голос невозможно было не узнать. Атрибут речи дяди Гюлю – клацанье зубных протезов, подвергающихся рокировкам во время разговора.

Он взял себя в руки. Необходимость проскочить незаметно отпала. Всё равно царил «бардак». Он шумно распахнул дверь и вошел. Находившиеся в зале сидели спиной к Селиму. Дядя Гюлю, выступавший на трибуне, приметив Селима, тут же наставил на него палец:

– Спросите его, раз не верите! Моя книга есть в его библиотеке.

Все повернулись и посмотрели на Селима. Селим, уже в сотый раз слышащий эти слова, подтвердил их кивком. Имя дяди Гюлю оказалось случайно упомянуто в книге какого-то русского автора о войне. Ободренный подтверждением, дядя Гюлю пламенно продолжил свою речь:

– В семнадцать лет я уехал из деревни на войну и вернулся из Берлина в сорок седьмом, – продолжали клацать протезы. «Бог знает, в каком году он пошел на войну...», – наверное, большинство присутствующих в зале пытались решить это уравнение, как Селим.

«Интересно, знает ли дядя Гюлю итальянский?» – подумалось замечтавшемуся Селиму.

Когда-то Селим посетил Сан-Ремо в качестве туриста. На самом деле он не очень любил путешествия. Однако, услышав о Сан-Ремо, с радостью решил поехать. Его молодой настрой был проникнут духом музыкальных фестивалей, проводимых в этом городе. На него произвел впечатление небольшой инцидент, произошедший здесь. Они гуляли по главной улице аккуратного и красивого города. Старый местный итальянец припарковал свой маленький автомобиль на обочине улицы. Два молодых человека, шутники, работавшие в соседнем магазине, подняли в один присест похожую на игрушку машину пенсионера и прижали ее к фонарному столбу таким образом, чтобы дверь со стороны водителя не открывалась. Селим вместе с участниками группы с интересом наблюдал за происходящим с расстояния пятидесяти метров.

Старик-итальянец начал громко возмущаться. Даже не знающим итальянский было ясно, что он жалуется на молодежь. Тем не менее, по его мягко звучашей быстрой речи чувствовалось, что он не очень-то и зол. Подойдя к машине, Селим дал знак паре мужчин из группы. Они так же в один присест взяли автомобиль и поставили обратно.

Молодые итальянцы молчали. А старик заговорил громче и быстрее. Было совершенно ясно, что тот разозлился. Селим и его друзья, услышавшие вместо благодарности упреки (а, может, и ругань), ничего не ответили старику. Даже гид никак не отреагировал. Селим понял свою ошибку. Им не следовало трогать машину.

Может, старику это и было нужно. Возможно, старик сознательно каждый день оставлял там свою машину. Может, это событие повторялось изо дня в день. Тогда старик напомнил Селиму маркесовского полковника, которому никто не пишет письма. Наверное, старик, ни от кого не получая писем, решил писать самому себе... Даже спустя много лет Селим вспоминал этого старика. Наверное, он сейчас не начинает свой разговор с жалоб на молодых людей. Он уже говорит о том, как туристы суют нос в дела итальянцев, как те мусорят его прекрасный город...

– Я справился с целой кучей немцев, а здесь не справляюсь с пятью-шестью санитарками, превратили больницу в помойку! – продолжил клацающую речь спикер.

– Ближе к делу, – поторопил дядю Гюлю главврач, начавший терять терпение.

– А я разве не о деле говорю? Приближается День Победы. Всё должно быть чистенько и аккуратно…

Селим задумался о ежегодном застолье в честь дяди Гюлю. Фактически ежегодно по случаю Дня Победы в больнице проводилось мероприятие в честь ветеранов, раздавались подарки, а затем устраивался банкет для нескольких из них, кто еще не впал в детство. В последние годы все они умерли или вышли на пенсию. Остался только дядя Гюлю. Мероприятие теперь было символическим, проводилось наспех, ему дарили подарок и быстренько расходились. Обходились без банкета, оправдываясь тем, что, мол, дядя Гюлю стар, выпьет лишнего и угодит в неприятность. Однако Селим и пара коллег не забывали о застолье для дяди Гюлю. И тогда дядя Гюлю представал в иной красе, с орденами на груди, в бордовом пиджаке. Тогда протезы не клацали. Тогда протезы двигались по столу, как сороконожки. То забирались в стакан с водой, то выглядывали из тарелки. И все смотрели на эти протезы, как на домашнюю кошку, путающуюся под ногами. И даже когда они падали на пол, официант промывал их и с улыбкой клал на край стола. А дяде Гюлю было нипочем. Он с энтузиазмом рассказывал о местах, где никогда не был, о людях, которых никогда не встречал, и только когда поднимали тост за его здоровье, скромно хранил молчание, заглядывая лукавыми блестящими глазами в рот Селима и коллег. А в конце дядя Гюлю всегда говорил по-немецки и сам же переводил. Когда его сажали в машину и везли домой, он не садился, не сказав «Auf Wieder sehen».

– Ради кого мы сражались? Ради вас! Я уже совсем стар! Мы должны уважать себя! Мне не нужно ничье уважение. Есть один-два человека, мне хватает. Спасибо. Я все записал, оставил.

«Интересно, что он написал?» – думали все. А Селим знал. Убедившись, что сзади никто не увидит, он поднимал большой палец и показывал «отлично». Дядя Гюлю смеялся. А собравшиеся нервно ерзали. Сразу после окончания пятиминутки дядя Гюлю находил Селима:

– Ну, как я сказал?

И Селим снова поднимал большой палец. Поднимал и знал, что дядя Гюлю ничего не написал. И что ему тоже никто ничего не пишет...

Однажды умер сын дяди Гюлю, полковник, работавший начальником в каком-то районе. На траурную церемонию Селим отправился со своими коллегами. Во дворе дома в самой высокой части города натянули палатку. Пришло много людей. Большинство из них – чиновники, должностные лица. До погребения покойного оставалось еще больше часа. Люди собирались группами по три-пять человек и разговаривали. Естественно, разговор шел о покойном. Говорили, что он окончил институт в одном из российских городов и работал там же. «Ему не следовало оставаться там. Родина, мать – это первое, что ты чуешь. Запах, который мы не осознаем, – это тот самый запах, которым пропиталась наша эктодерма в материнской утробе. Если пытаешься изменить этот запах, он становится банальным, опошляется. Новая родина – то же самое, что новая мать», – каждое услышанное слово окрыляло Селима. Будь это в его силах, он и покойному дал бы их услышать.

Потом говорили, что, когда развалился Советский Союз, он вернулся с желанием служить своей стране, но по какой-то причине не поладил с местной полицейской системой. И снова вернулся в Россию. «И именно тогда совершил свой главный просчет. Если уж покинул Родину, возвращаться нельзя. Создаешь на чужбине виртуальный образ родины и наслаждаешься им. Но если уж вернулся, то Родина у тебя уже не «первая». Нет никакой разницы в химической формуле тестостерона у двадцатилетнего и пятидесятилетнего. Но почему новая любовь не столь сладка, как первая, почему последующие дети не столь важны, как первенец? Да-а... Если мы хотим, чтобы всё «первое»осталось в памяти навеки, мы не должны его повторять! Мы должны любить один раз и все виды ошибок совершать лишь единожды»…

Дядя Гюлю сидел рядом с муллой во главе большой палатки, натянутой во дворе. Над его головой висела большая фотография покойного. Дядя Гюлю, держа в руке какую-то маленькую фотографию, клацая протезами, что-то говорил мулле. Мулла был растерян и беспомощен. Он не знал, что делать, обратиться к присутствующим и прочитать «Фатиху» или продолжать слушать дядю Гюлю.

Увидев Селима дядя Гюлю сразу же воспрянул. На его лице не осталось никаких признаков траура. Он жестом указал ему сесть рядом.

– Вот этот снимок я сделал в тот год, когда пошел на войну. – Дядя Гюлю снова взял муллу в оборот. – Мне тогда было семнадцать. А это, рядом со мной, мой генерал.

На фото мужчина лет пятидесяти в генеральской форме рядом с автомобилем «Виллис» что-то говорил сидящему за рулем водителю с хитрыми глазами. За генералом стоял хилый парень. На обратной стороне этого случайного снимка была написана дата – «1945-й год».

«Ах, ты прохиндей... Значит, ты пошел на войну в сорок пятом и вернулся в сорок седьмом? Значит, ты видел «немцев» только на рынке и в магазинах…», – Селим успокоился, так как нашел решение неизвестного, на которое искал ответ много лет с тех пор, как знал дядю Гюлю. Он изумленно посмотрел на дядю Гюлю. Посмотрел и совершенно ясно понял, что вот прямо сейчас дядя Гюлю наставит на него палец и примется клацать протезами:

– Если не верите, спросите у него! Моя книга есть в его библиотеке – «Они освободили Молдавию, они штурмовали Берлин»...

Невроз или перенос

Любовь, ставшая образом жизни, – это невроз

Хамелеон шел тяжелой поступью, раскачиваясь. Как авторитетные мужчины, у которых кружится голова. Освещаемая солнцем сторона его тела была белой, а другая – черной. Он внезапно остановился. Уставился одним яйцевидным глазом на Ахмеда, а другим на Гулендам. Затем открыл свой рот с жемчужными зубами и словно бы попытался плюнуть на них. Но почему-то заколебался. «Плюнуть или нет?» – Ахмед насторожился, будто услышал вопрос хамелеона, заданный самому себе. Затем встал в стойку первоклассника, ожидающего приказа учительницы, и стал ждать. Его учительница, шевеля накрашенными губами, уставилась и вторым глазом на Ахмеда, а затем раскрыла рот. Ее длинный язык с шарообразным кончиком резко выскользнул из укрытия и шлепнулся о лицо Ахмеда – Шшаррапп!

Он испуганно проснулся. Невольно протянул руку к лицу, пытаясь оторвать прилипший язык. «Спидометр» тахипноэ (*учащенное поверхностное дыхание* – ***Ред.***) зашкаливал:

– Вот бессовестный, всё не приезжает, чтобы отвести меня к врачу, – Ахмед киши, сплетя пальцы, зашагал из угла в угол по своей двухкомнатной квартире на

четвертом этаже, – Господи, сколько же снов я вижу? Мое сердце вот-вот лопнет, – и, стараясь не обращать внимания на свое колотящееся сердце, он принялся нажимать кнопки неработающего телевизора.

Прошел год со дня смерти его жены Гулендам. Ахмед киши прикипел к допотопному черно-белому телевизору. Без Гулендам квартира для Ахмеда превратилась в черно-белый мир. Ахмед не мог заснуть без включенного телевизора. Часто изображение на экране пропадало, а на его месте появлялись черно-белые полосы, сопровождающиеся неприятным шумом. Тогда Ахмеду киши приходилось прерывать свой сладкий сон и «вразумлять» телевизор, даже если это занимало целый час. Иначе Ахмед не смог бы никак заснуть.

Как и Гулендам, телевизор давно хотел отойти в мир иной. Но Ахмед не мог этого допустить. Каждый раз он брал телевизор на руки, пыхтя спускался с четвертого этажа, брал такси и возил к мастеру, работавшему неподалеку. Отремонтированный телевизор работал от силы пять дней. Затем у него опять начинались «припадки». И Ахмед киши снова радостно бежал к мастеру. У него это уже вошло в привычку, и как только открывалась мастерская, он бежал туда. Поначалу беседовали они только о телевизоре:

– Дядя Ахмед, ради Бога, пошли к черту этот телевизор! Ай, киши, допотопный он у тебя. Ему уже сорок лет, пора на свалку. И ты перестанешь мучиться, и меня перестанешь мучить, – в искренности мастера сомневаться не приходилось.

– Что поделать, мастер, я к нему так привык, это приданое моей жены, рука не поднимается выбросить, – Ахмед, который в такие минуты принимал понурый вид, знал, что мастер прав.

С Гулендам они прожили вместе сорок лет. Когда они женились, тесть дал хорошее приданое. Большая часть того, что он дал, при переезде на новую квартиру оказалась бесполезна. Пригодились лишь пара мелочей и тот самый телевизор. Пока была жива Гулендам, Ахмед даже не вспоминал о телевизоре. Ахмед, занятый делами с утра до вечера, вернувшись вечером домой, старался все свободное время проводить с женой. Как говорится: «Куда иголка, туда и нитка». Если бы ему не было стыдно, он бы держал Гулендам при себе, даже сидя на унитазе...

Теперь прошел год со смерти Гулендам. За этот год телевизор, ее заменяющий, работал бесперебойно. Не выдержавший такой нагрузки телевизор наконец умер на руках Ахмеда. Как бы он ни просил, мастер и близко к телевизору не подошел. Бедный Ахмед! Ни Гулендам, ни телевизора! Ахмед киши обрек себя на одиночное заключение. Ему казалось, что, если он ступит за порог, сердце остановится. Вся надежда была на зятя...

Единственная дочь Ахмеда киши давно была выдана замуж. Он позвонил зятю и ждал его приезда. По собственным словам, Ахмед любил его так же сильно, как собственного сына. А зять всё не появлялся...

– Он всё-таки не кровный родственник, не станет сочувствовать, как родной ребенок, – Ахмед цеплялся за домыслы, как утопающий за соломинку, – сытый голодного не разумеет! Какая ему разница, страдаю я или нет. Ах-х, Гулендам, Гулендам!

Наконец, зять, которому жена закатывала скандалы, взял десятидневный отпуск на работе и приехал к Ахмеду. Ахмед радовался донельзя. Он нашел сотоварища. Не вспоминал ни Гулендам, ни телевизор. Ни на минуту не отпускал от себя зятя. Через неделю зять, как и телевизор Гулендам, пришел в неисправное состояние и пошел «черно-белыми полосами». «Нет, я так сойду с ума, я должен что-то предпринять до конца отпуска, – бесповоротно решил измучившийся зять. – Лучше сначала поговорить с доктором наедине».

На приеме врача зять был взволнован. Врач с почти сорокалетним стажем сразу почувствовал, что этот визит не из обычных. Потому что увидел «корысть», сидевшую на шее пациента и свесившую ноги, как хомут.

– Док, помогите мне, пропадаю! – зять умолял доктора избавить его от хомута.

– Говори медленно, с расстановкой, чтобы я понял, – доктор будто обращался не к пациенту, а к «корысти».

– Доктор, у моего тестя едет крыша, – зять принял жалкий вид, но скрыть своего хитрого взгляда не мог.

– А мастеру показывали? – опыт заранее прошептал доктору, чем закончится разговор.

– Кого? Тестя? – растерянный зять не понял вопроса.

– Нет, его голову! – равнодушно уточнил вопрос врач, возясь с рецептурным бланком перед собой.

«Кажется, и у него едет крыша. Если смогу их свести, конец моим мучениям». – Зять не стал озвучивать молниеносно пронесшуюся в голове мысль.

– Показывали, док, но безрезультатно! Вся надежда на вас.

«Только больной выдаст дочь за такого, как ты», – подумал доктор, глядя в хитрые глаза зятя.

– Ладно, чем этот бедолага сейчас занят?

– Док, он не отпускает меня от себя с утра до вечера. Говорит, если уедешь, сердце мое не выдержит. У меня тоже есть дела, я должен вернуться в Баку!

– Дааа, – зять не мог решить, каково заключение врача, потому что тот многозначительно растягивал гласные. – Хорошо! Приведи его, посмотрим, чем сможем помочь, – в конце врач не забыл кольнуть зятя, – пока не торопись покупать билет!

Зятя будто ошпарили кипятком: «Чтоб вам всем провалиться...». Сбился ритм сердца, но язык свой он попридержал.

– Ладно, док, завтра приведу.

На следующее утро Ахмед киши, высокий человек благородной внешности и с робким выражением лица, поздоровался с присущей аксакалам вежливостью и вошел. Он представился:

– Меня зовут Ахмед. Мой зять говорил с вами вчера.

– Даа! Ахмед киши, присаживайся! – «Интересно, что у него там с головой?» мог бы подумать доктор по наущению дьявола, но вопреки тому пришел к иному выводу: «Совсем не похож на больного человека!»

– Доктор! Это правда, что пол будущего ребенка зависит только от мужчины? – врач, не ожидавший такого вопроса, призадумался. Перед его глазами возник образ зятя-прохиндея.

– Конечно! – ответил доктор после паузы. – В любом случае лучше жаловаться на сына, чем гордиться зятем. – Врач увидел, что камень в огород Ахмеда угодил в цель.

– Аxx! «Я родила то, что ты посеял!» Вот как отвечала покойная жена, когда я упрекал ее за то, что та не родила сына, – удрученно сказал Ахмед киши.

– Что было, то было, переходи к делу!

– Доктор, я не могу оставаться дома один, мое сердце готово разорваться. Обязательно кто-то должен быть рядом. А среди людей мне становится не продохнуть, кажется, что небо готово на меня рухнуть. Не могу усидеть на одном месте. То задыхаюсь, то немеют руки, то мурашки по голове. Не пойму, что за беда. Вылечи меня!

– Даа! Это называется неврозом, дядя Ахмед! Его величество невроз!

– Доктор, ей-богу, я не нервничаю. Никто меня не задевает, все уважают, – Ахмед недоверчиво посмотрел на доктора.

– Невроз, дядя Ахмед, не означает нервного человека! Невроз – это дьявол внутри тебя. Невроз – это несбывшиеся мечты. Невроз – это мучения в той среде, куда ты попал, но адаптироваться не можешь, – увидев, что пациент внимательно его слушает, доктор продолжил «урок». – Невроз – это характер, деформированный бессмысленными принципами. Невроз – это взгляд на события под неправильным углом.

Было ясно, что Ахмед не до конца понимал, о чем говорил доктор, но тот продолжил свой монолог. Он говорил это еще и потому, чтобы насыпать соли на его раны.

– Невроз – это одиночество, даже если вокруг тысячи людей, пятнадцать зятей.

– Оxx! Прямо в точку! – тут Ахмед киши не выдержал и хлопнул ладонями по коленям.

– Отпусти его бедного, пусть возвращается, захочешь что-нибудь сказать, заходи ко мне!

После долгого разговора доктору удалось убедить Ахмеда. Зять, избежав инфаркта, вернулся в свой Баку – город, где даже деревья не отбрасывают тени.

Первый визит оказался далеко не последним. Ахмед киши, у которого возникли теплые чувства к доктору, часто навещал его, каждые два дня. Его замкнутость прошла. Собираясь к врачу, он радостно выходил из двухкомнатной «тюрьмы» на четвертом этаже, иногда даже пил чай в чайхане. Во время одной из бесед доктор сделал Ахмед киши странное предложение:

– Одиночество – это плохо, дядя Ахмед. Может, найдешь себе кого-нибудь?

Когда Ахмед услышал вопрос, в его глазах на миг загорелся свет. Однако яркость этого света была настолько мала, что ее мог просечь только умудренный жизнью человек.

– А как же Гулендам? Ведь я предам память о ней, – беспомощно сказал он.

– Не думаю, что это предательство. И всё же решать вам.

Даже спустя неделю после этого предложения пациент не появлялся. Затем визиты возобновились. Однако в совершенно другой форме. Ахмед киши просто открывал дверь, здоровался и говорил: «Хотел узнать, пришли ли вы на работу, я рядом, пью чай в ближайшей чайхане». После этих слов он уходил. Однажды, когда всё это повторилось в очередной раз, доктор не позволил Ахмеду киши уйти:

– Дядя Ахмед, не мучайся, поднимаясь по лестнице. Если хочешь знать, на работе ли я, посмотри, припаркована ли моя машина перед больницей. Достаточно увидеть ее...

Ахмед киши снова пропал. А через десять дней заявился с новым «шедевром».

– Доктор, где твоя машина? – тревожно спросил он, распахнув дверь. Врач вспомнил, что оставил автомобиль на «мойке» в ста метрах поодаль.

– Отдал помыть.

– Хорошо, до свидания! – пациент снова исчез. Доктору стало не по себе: «Тебя, дядя Ахмед, лекарствами не вылечишь!»

Прошло несколько месяцев. Врач услышал, что Ахмед ищет себе подругу. А тех, кто взялся за это дело, попросил, «чтобы ее желательно звали Гулендам»…

Фиалки, пахнущие формалином

Селиму снова снились кошмары. Он видел себя на последнем этаже высокого, но еще не достроенного здания из металлической конструкции. Его ровесница депутатка объясняла Селиму и однокурснику Мазахиру урок. Тема урока была об искусственном интеллекте. На железных плоскостях на столе разместили двух полулюдей. Их глаза выглядели очень грустными и гневными. Депутатка вдохновенно рассказывала о них и показывала. Иногда она, как мясник, отрезала от них кухонным ножом какой-нибудь кусок. Одетый в докторский халат с короткими рукавами Мазахир с сигаретой во рту равнодушно смотрел на нее. Селим упрекнул депутатку и сказал, что полулюди могут умереть. А та улыбнулась в ответ: «Дорогой, посмотри, скольких я уже прикончила. Глянь, они у перил…» Селим посмотрел. Возле перил росли странно пахнущие фиалки. Посреди фиалок виднелись коричневые туфли, завернутые в окровавленную простыню...

Он проснулся весь в поту. «А Фрейд почему не явился?» Обычно в конце сна он хмурился и сердито говорил: «Этот сон я видел неправильно». Он попытался истолковать его. Перед сном он посмотрел фильм о нейрохирурге Серджо Канаверо. Тот хотел пришить человеку голову. Говорят, опыт на мышах ему удался. Но обезьяна, которой он пришил голову, умерла. «Причем тут депутатка? – ему пришлось немного пораскинуть мозгами. – Даа! Серджо – символ трудолюбия». Депутатка, которую он знал со студенчества, была такой же прилежной. Где бы та ни была, в какой бы сфере ни трудилась, добивалась успеха, даже ценой подхалимства. А как насчет искусственного интеллекта? Почему глаза у них выглядели такими грустными? Ни одно страдание не могло бы вызвать такое горе. Он понимал старания депутатки, но почему она их так безжалостно резала? Почему относилась к ним, как к подопытным животным? Ведь даже Серджо не проявлял такую жестокость к подопытным животным...

Он посмотрел на будильник. Он снова опередил его звонок. Вспомнил, что поставил будильник, потому что нужно было ехать в деревню. На душе стало теплее. Он увидит родные места, которые давно не видел, посетит свою любимую реку – красавицу Гобу...

Он не был в деревне уже несколько лет. После последней размолвки с отцом пообещал себе, что больше не поедет в деревню. А теперь был вынужден это сделать. Его младший брат был смертельно болен. Рак! Месяц назад сделали операцию, но опухоль появилась вновь. Как будто она бросила вызов медицине: «Не идите поперек Бога!» Врачи не согласились на повторную операцию и рекомендовали лучевую терапию. Ответы гистологических анализов в Баку и Москве совпали: «Шваннома!» Селим хорошо понимал, что это значит. Понимал, что это похоже на ожидание казни приговоренного к смерти. Вся разница заключалась в том, что родственники были рядом... В автобусе ему стало тяжело. Хотелось быстрее доехать.

Выйдя из автобуса в Дашузе, он молил небеса, чтобы никто из знакомых ему не встретился, и он дошел бы до дома пешком, отдавшись во власть грез. В Дашузе был неписаный закон. Если какой-нибудь водитель видел пешехода, непременно должен был его подвезти, не важно, знаком был с ним или нет. К счастью, этого не произошло. Он дошел до Эйри. «Ну, здравствуй, старушка!» – поздоровался он. Не стал дожидаться ответа. Эйри отвечала величественным молчанием. «Как твоя сестра?» – задал первый вопрос, который пришел в голову. Спросил и посмотрел на запад. Гобу вдали сливалась с Эйри – он продолжил путь, будто получил ответ на свой вопрос. До склона Туркоглу шел молча. Грунтовая дорога закончилась, начался зеленый луг. Заборы из веток лесного ореха, растущие у подножия кольев фиалки и первоцветы создавали чарующее настроение. Внезапно в небе загрохотало, а потом он почувствовал, как капли падают ему на лицо. Следом раздался звук открывающейся калитки:

– Доктор, родненький!

Узнал сразу. Это был Анвар.

– Это я, не узнал, что ли? Велиоглу Анвар.

Анвар говорил тихо и медленно, «как черепаха». Своим маленьким ростом, светлыми волосами и белой кожей он вовсе не походил на своих односельчан. Его морщинистая, загорелая кожа указывала на то, что состарился он не от тяжелого труда, а от жизненных тягот. Они расспросили друг друга о житье-бытье. Селим спросил, как идут дела в селе, как поживает сын Анвара Вали.

– Вали живет себе потихоньку. Я назвал его именем отца, вот и забочусь о нем, как об отце. То есть не забочусь вовсе, – не забыл тот отшутиться. Когда Анвар говорил, у него изо его рта хлестала слюна. Боже, сколько слюны может быть у человека! Как будто к слюнным железам этого бедолаги провели провод из самой Ниагары. «Я скучаю по твоим цитатам, дядя Анвар», – Селим знал, что Анвар любит цитировать Толстого и Бальзака. Не успел додумать свою мысль, как Анвар вставил:

– В селе все по-прежнему. Как говорил Бальзак, оно похоже на вдову после смерти своего блатного мужа, – и уставился на Селима своими маленькими проницательными глазами.

Селим уже чувствовал себя мокрым. Но Анвар выглядел счастливым. «Спасибо, дядя Анвар! Без тебя в этом селе было бы пресно. Ты и Ниагара, и Виктория этого края. Брызгай на меня, сколько хочешь». Видимо, Анвар тоже заметил «ниагару». Немного отступил и, будто только узнав о цели приезда Селима, спросил про брата, но, не дожидаясь ответа, сказал:

– Бедный, ведь такой молодой, чтоб болеть этой заразой. Разве можно, чтоб такой парень таял у нас на глазах? Мы с ним крепко дружили, – добавил он уже в прошедшем времени.

Анвар продолжал говорить, а мысли Селима унеслись в полное приключений прошлое Анвара. Это был тот самый Анвар, который нашел оригинальный способ воровать цыплят из колхоза. Он открывал кузов Газ-51, разбрасывал зерно, на которое сбегались куры, затем закрывал кузов и давал дёру. Это был тот самый Анвар, который ссыпал пшеницу в арык за гумном и велел своему сыну Вали собрать и высушить ее. Потом смеялся:

– Пусть привыкает к труду. Вот доля от вора вору.

У Анвара был свой путь. Он никогда не отклонялся от этого пути. Может, если бы Анвар хотел чего-то в открытую, ему бы дали. Однако Анвар этого не делал. После каждой кражи он бросался в сторону умников где-то подхваченным математическим выражением: «Я сокращаю числитель со знаменателем».

Уставившись на Селима хитрыми и слегка слезящимися глазами, он ждал ответа.

– Что поделать, дядя Анвар? Такова судьба. – Селим не нашел другого слова.

– Если люди проживут долго, они все рано или поздно умрут от рака. Но ему это совсем не к лицу. – Селим не понял, на что намекает Анвар. Всем было известно, что тот мастер загадывать загадки. Будь подходящее время и обстоятельства, Селим присел бы у подножия забора и с удовольствием слушал бы последние новости в мире и в деревне с комментариями Анвара. Но настрой был совершенно другой. Как будто исчезло все удовольствие, которое он получал от вида на деревню из Дашуза. Почувствовав это, Анвар просто сказал: «Ну, иди, глянь, как дела».

До дома оставалось недалеко. «Почему Мазахир проявил такое безразличие?» – не мог забыть свой сон Селим. Небольшой рост, красноватый цвет лица, маленький орлиный нос с выступающими капиллярами и гнусавый тембр речи сразу выделяли Мазахира среди других. Этот добрый, чуткий человек походил на «альбатроса» Бодлера. Обычно казался спокойным и терпеливым. Редко сердился. Однако, когда злился, даже самым эмоциональным коллегам приходилось отмалчиваться. «У него, наверное, еще не иссякло терпение...»

Переступив порог, Селим тут же ощутил атмосферу траура. В воздухе стоял странный запах. Он никогда не видел отца таким грустным. Глаза матери распухли от слез. Братья и невестки смотрели на него вопросительно. Знакомое зрелище. Так всегда на него смотрели родственники тяжелобольных. Он не очень расстроился. Брат лежал в постели. «Значит, пока не конец. Иначе ему постелили бы на полу», – первая мысль, которая пришла в голову. Брат смотрел на потолок потухшим взором. Лицо его пожелтело. Как будто он втянул в себя тусклый свет в этом доме. Его кости и сухожилия отчетливо просматривались из-за худобы. Он тяжело дышал. Настолько тяжело, что привлекал внимание: «Интересно... он всё еще дышит...» Селим вспомнил день, когда брат лежал в больнице месяц назад. Он ободрял его в палате и использовал все методы из своей практики. Неожиданно вошли одноклассники брата. Из памяти Селима никогда не сотрется радость на лице больного, возникшая в тот момент. Они говорили, смеялись. Как будто брат вовсе не болел.

Слова брата, сказанные прежде, чем попрощаться, перевернули всю душу Селима: «Если бы я мог хоть раз еще поиграть с вами в футбол во дворе, горя бы не знал». Тогда Селим не выдержал, вышел из палаты и еле дошел до ванной. Он все еще не мог вспомнить, как тогда рыдал. Помнил только то, что выплакал всю душу. В тот день брат для него умер, и этот странный сегодняшний запах Селим ощутил еще в то далекое время.

Теперь он был немного спокоен. Ну сколько раз умирать брату?.. Казалось, его безразличие передалось и домочадцам. Отец и мать расспрашивали его о жизни и делах, будто только сейчас заметили. Жены братьев стали готовить еду. О больном будто и вовсе забыли. После ужина стали рассказывать воспоминания, истории о проделках Селима и братьев,а невестки заливались смехом. Больной находился в своем собственном мире. Вдруг мать с тревогой сказала одной из невесток:

– Ой, быстро включи телевизор, сериал пропустим.

Внезапно комнату наполнил тот же странный запах. «Господи, что это за запах? Я что, с ума схожу?» Селим под каким-то предлогом вышел во двор. Старая сирень, в тени которой они всегда сидели, в сумерках казалась загадочным чудовищем. Он сел под сиренью, на скамье. Не смог заплакать, хотя в глазах стояли слезы. Перед глазами предстали киборги, которых он видел в своем ночном кошмаре. «Остаются еще перила и обувь», – подумал он. Он затруднялся в толковании.

Он до изнеможения бродил по Авингуда Диагонал и близлежащим улицам. Смотрел на уникально красивые перила уникально красивых зданий. На самом деле перила были предлогом. Фактически он смотрел в окна. Думал, что вдруг сможет увидеть за каким-нибудь окном своего кумира старого Габо, адреса которого не знал. Он устал, но никого не увидел. Винил в том не опухшие ноги, а обувь. Первое, что там купил, были туфли. Модные в то время коричневые туфли от Армани. Наверное, Габо держал в каждой своей квартире в разных городах, где время от времени жил, по паре туфель, чтобы найти то, что искал. Наверное, в каждом месте есть что искать особенного...

Селим долго сидел под сиренью. Когда вернулся домой, «вонючий» сериал еще продолжался. Он извинился, сказал, что пришел после ночной смены и должен выспаться. Пошел в спальню. Лег на кровать и уставился на балки на потолке. Потолок напоминал плавательный бассейн. В студенческие годы, они использовали «живые» трупы, когда проходили миологический раздел анатомии. Студентов-отличников после лекций оставляли на свежевание трупов. Двое-трое студентов должны были аккуратно снять с трупа кожу. Да еще так, чтобы не пострадали мышцы. Селим впервые увидел эти тела в бассейне в подвале анатомического отделения. Темный подвал, бассейн с маленькими зелеными огоньками на стенах, резиновые сапоги до таза, трупы с устрашающим взглядом и растрепанными волосами и странный запах. Если бы в тот день позволила гордость, он немедленно бросил бы носилки и убежал. Сбежал и больше не вернулся бы в университет. В тот день в подвале время будто замерло. Не говоря ни слова, они положили трупы на носилки, как роботов, и принесли на кафедру. Содрали с них кожу, а потом услышали благодарность. Этот запах всю жизнь преследовал Селима. Иногда еле слышался, иногда шибал в нос, но никогда не оставлял Селима в покое.

Его глаза были закрыты. Гипнос и Морфей медленно брали Селима в окружение... Он возвращался. Небо было черным-пречерным. Оно походило на матерей, не могущих разродиться и впавших в эклампсию. Накрапывало. К этому дождю добавился печальный плач. Брат прощально махал Селиму из бассейна. Повсюду росли странно пахнущие фиалки в человеческий рост. «Это запах формалина. Формалин в бассейне, где хранятся трупы», – таинственно перешептывались фиалки, пытаясь оплести Селима. «Ах, проклятый сколиоз!» – крикнул Селим, пытаясь убежать от них. Вдалеке слышался свист поезда.

– Это мой поезд, – брат обратил мечтательные глаза на Селима, – Твоего еще долго ждать... – из окна вагона выглядывал Фрейд и улыбался...

На следующее утро Селим узнает, что, пока он спал, брат умер. Отец не дал разбудить его: «Он устал, со смены, после долгого пути. Мы всё равно ждали...»

Много позже Селим узнает, что Анвар также внезапно скончался в тот день. В тот же день ему вместе с пахнущими формалином фиалками приснился Анвар. Анвар снился ему, чтобы сказать:

– Доктор, родненький!..

Тар

Изъян притупляет воспоминания...

Утром Вейсель не мог проснуться. Ему казалось, что голова у него размером с казан, и что их сосед кузнец Зейнал стучит молотком по этому казану. После каждого сильного удара тот же самый Зейнал киши давал ему наставления:

– Сынок, меньше пить надо этой отравы! Ты весь провонял! Твой батя – хороший мужик. Возьмись за дело!

У Вейселя не было сил ответить. Он мучился до самого вечера. А эта гадость от него не отставала. «С вами далеко не пойдешь, за дело не возьмешься. За что бы я ни взялся, придираетесь, вам не угодишь, – пробурчал он в сердцах, – жалеешь потом, что вообще взялся».

У Зейнала «недостатков» не имелось. С утра до вечера он потел в кузнице. Любил давать наставления. Казалось, что его «совершенство» проистекает из этой любви. Он кружил вокруг да около и пересекался с теми, у кого имелись «недостатки». Говорят, что увещевание среди свидетелей – это упрек. По мысли Вейселя, даже с глазу на глаз наставления ничего не стоили.

Он медленно пошел к туалету в глубине двора. На двери висел большой замок. Повесил отец. Каждый раз, когда Вейсель «бухал» водку, утром на двери туалета появлялся замок. «Сукин сын, после тебя этот туалет целые сутки надо проветривать», – оправдывался отец. Вейсель растерянно начал поглаживать атерому на голове. Выглядывающая среди редких волос атерома на его макушке с каждым днем становилась всё больше. Не прошло и месяца с тех пор, как он вырезал старую. Проклятая, будто только этого и ждала. Она с необъяснимым аппетитом всасывала в себя всё, что Вейсель ел и пил, и за месяц стала в размерах, как прежняя.

«Мать снова начнет, мол, твой отец куда-то дел ключ. Еще и ее целый час придется упрашивать. У меня тем временем кишки лопнут, – он пошел обратно, к дому, – не двор, а стадион. Пока дойдешь до дома, снова схватит живот. Надо построить себе новый туалет возле дома, – засмеялся он этой мысли, – когда беру в руки лопату, они делают сотню замечаний, фиг разрешат мне что-нибудь построить».

В другой части сада стоял дом, к одной стене которого примыкал курятник. В нем обитали три-четыре наседки и два петуха. Большой петух, склонив голову, чистил свои огромные шпоры. Во время возлияний со своими собутыльниками Вейсель неоднократно обещал зажарить для них этого петуха. Но в последний момент у него почему-то не поднималась рука его зарезать. Маленький хорохорящийся петух бился о железную сетку курятника. «Чудные люди, на месте туалета построили курятник, а на месте курятника – туалет. Вот и вся нескладность, – продолжал ворчать Вейсель, поглаживая одной рукой живот, а другой атерому. – А ты не хорохорься! – прикрикнул он на молодого петуха. – Не то всю злость на тебе вымещу». Он поднялся по ступенькам, собираясь перепрыгнуть через дверь. Но прежде чем успел дотянуться до задвижки, изнутри показалась почерневшая от чистки орехов рука, в ладони которой был зажат ключ:

– Держи! Чтоб вам обоим провалиться! Оба упертые. Я была вынуждена купить такой же замок. Когда ты напиваешься, рано утром я сама запираю туалет. Знаю, что, если отец запрёт его, возьмет ключ с собой. Тогда я и сама останусь без туалета.

Холодное прикосновение ключа, потемневшие руки матери унесли его в прошлое. Его дедушка был старой закалки человеком. Степенный, уважаемый и трудолюбивый. Комбайнер колхоза. Когда начинался сбор урожая ячменя и пшеницы, он садился за руль и отдыхал лишь в конце сезона. Для Вейселя было целым представлением, как дед, придя вечером домой, умывался, брился машинкой «Победа». Для Вейселя оставалось непонятно, кому адресовались слова деда: «Где борода, там микробы стыда». Посреди комнаты с балками на потолке расстилали белоснежную скатерть на полу. Дед выпивал целый самовар чая, опираясь на гигантскую мутекке с золотистыми кисточками. А четырем еще неженатым сыновьям и внуку-первенцу Вейселю, сидевшим вокруг расстеленной скатерти, бабушка наливала чай из чайника.

– Вы еще не имеете права пить самоварный чай! Чтобы пить самоварный чай, нужно иметь такой же большой характер! – полусерьезно-полушутливо говорил дед. После чая подавалась еда. Сначала деду, потом дядьям и, наконец, малышу Вейселю. Когда и где ела бабушка, оставалось загадкой. После ужина дедушка, опершись на мутекке, смотрел по телевизору «Вечер мугама». Настроение каждого куплета, каждой интонации мугама, распеваемого в этой получасовой программе, запечатлевалось на его лице. И «камертонным» движением головы он передавал свое настроение сыновьям и внуку. В то время Вейсель ничего не смыслил в мугаме. Однако после «мимического» перевода деда у него во рту менялся вкус, а нос чуял аромат. Возможно, именно дедовская любовь к мугаму послужила причиной тому, что Вейсель в музыкальной школе поступил в класс тара. Дедушка не уставал трижды в неделю, пачкаясь в пыли и грязи, водить Вейселя в город, в музыкальную школу. А Вейсель уставал. Когда он чувствовал усталость, дед подбадривал его:

– Вот увидишь, ты сможешь лучше них. Тогда я не буду смотреть «Вечер мугама», я буду слушать тебя, умница!

Прошло пять или шесть месяцев. После «Вечера мугама» дед выключил телевизор, выпрямил свою мутекке с золотистыми кисточками и заявил:

– А теперь послушаем свой мугам! – он кивнул жене. Бабушка вручила Вейселю вырезанный из тутового дерева, покрытый темным лаком и отделанный жемчужными краями тар. Тар был красив. Он сильно отличался от «детского» тара, который Вейсель использовал на уроках. С первого взгляда было ясно, что у этого тара тоже есть дедушка, бабушка и дядья. Вдобавок, казалось, что дед этого тара опирается на мутекке с золотистыми кисточками, что время и место приема пищи его бабушкой остается загадкой, и что его дяди стоят перед отцом навытяжку…

Он взял в руки тар с радостью, удивлением и изумлением. Как будто ему в руку вложили уголья. Он вынул плектр из гнезда. Настроил тар. Не обращая внимания на любопытные и улыбающиеся глаза дядьев, начал играть своими маленькими тонкими пальчиками первый выученный мугам – «Баяты-шираз». Ушел в музыку, не слыша и не ощущая ничего постороннего. Все, что доносилось до слуха, – ободрительные междометия деда, сопровождающиеся «камертонными» кивками головы. Даже тридцать лет спустя эти междометия в трудные минуты всегда превращались в «Сегях», «Чахаргях» и воодушевляли Вейселя. Даже когда дед внезапно умер, эти междометия не дали ему заплакать...

Теперь Вейсель потерял эти тридцать лет. Нет, не потерял, а сгноил. С каждым днем чуточку больше. Как сушка свежего влажного навоза. Поворачивая с одной стороны на другую, подставляя солнцу и ветру.

Разве так длинна жизнь? Что от нее останется, если каждый отщипнет чуточку: председатель муниципалитета, председатель сельской администрации, деревенские старейшины, гадалка, знахарка, директор школы, отец, мать... Ничего не останется!

Одни шрамы. Келоидные рубцы, кровоточащие рубцы, гноящиеся рубцы, незаживающие рубцы... Вот и живи теперь с ними!Посмотрим, сможешь ли?! Кому нужны однообразные дни и банальная жизнь среди этих рубцов?

Теперь Вейсель думал о мугаме иначе. Он думал, что мугам – музыка затуманенных мозгов. Он не по вкусу, когда ты трезв. Чтобы понять его, надо сбежать из этого мира. Сын человеческий должен уметь сбежать из этого мира. Это не требует много энергии. Достаточно иметь бабушку и деда. Достаточно быть сыном человеческим.

Маленький петух вел себя, как пьяный. Судя по всему, Вейсель вылил недопитую водку в резонатор тара, который использовали вместо миски в курятнике. В изготовленный из тутового дерева, покрытый орехового цвета лаком и инкрустированный жемчугом резонатор тара. Вейсель обратил свой холодный затуманенный взгляд на старого петуха, которого всегда хотел зарезать и съесть:

– Я обещаю, деда! У меня больше не будет болеть живот...

Эйри

Меня зовут Селим. Я родился в деревне. В красивой деревне. Мне нужно немного описать эту деревню. Иначе мои слова выйдут пресными. Значит, так: горный склон, одинокое шоссе у подножия склона, грунтовая дорога перпендикулярно этой дороге (так выйдет более точная картина). Примерно через километр эта дорога упирается в русло реки. Река глубокая. Место, где дорога подходила к руслу реки, с превеликим трудом разрыли, расширили, выровняли и вывели на берег. Затем построили мост, соединяющий два берега. Река называется Эйри. Это, наверное, самая романтичная река в мире. Как видно из названия, она и вправду кривая. Она петляет вокруг деревни, как змея. Иногда топаешь километра два вдоль реки и вдруг спохватываешься: оказывается, ушел всего-то на двадцать метров от прежнего места. Берега поросли кустарником. Настоящий рай для кроликов, фазанов, барсуков. Вода илистая, но сладкая-пресладкая. Летом, купаясь в этой мутной илистой воде, весь становишься белым, будто только вышел из мельницы. В летнюю жару вода убывает, но никогда не пересыхает. Когда лежишь на песчаном берегу, опустив ноги в воду, накрывает такое блаженство, будто весь мир твой. Как сказано у поэта Годжа Халида:

Тому, кто витает в облаках,
Светлые мысли приходят на ум…

Иногда находились те, кто нарушал это блаженство. Дети, купающиеся в реке, пуляли песочными комьями в грузовики с песком. Вопли, ругань и проклятия сливались в сплошной ор. Эйри не оставалась в стороне от этой свистопляски, начинала бурлить сильнее.

У Эйри был еще приток. Его называли Гобу. Он протекал прямо посередине села. Река была не такой большой, как сестра, но походкой и осанкой они были схожи, как две капли воды. С прозрачной и сладкой водой. Иногда она проявляла гнев, но обычно имела мягкий нрав. А холмистые и равнинные берега красивы донельзя. Сестры обнимали всю деревню, пока не сливались друг с другом. Прямо как великаны из сказок, охраняющие деревню.

На невысоком холме возле Гобу находится деревенское кладбище. Очень древнее, такое же древнее, как сама деревня. Часть кладбища возле Гобу – святыня, место паломничества. Давно забыто, кто там похоронен. Там больше никого не хоронят. Покойников хоронят на новом кладбище рядом с ним. А те, кому еще предстоят похороны, сначала посещают старые могилы на севере, а потом новые на юге, чуть выше.

Даже не знаю, зачем я завел этот разговор. Да, я начал с того, что родился и вырос в деревне. Как я могу не любить деревню? К сожалению, в деревне нет университета. Я был вынужден учиться в столице. Вот почему я там и работал. И каждый раз, выходя уставшим с работы и садясь в битком набитый пахнущий сараем вагон метро или в такси со словоохотливыми шоферами, я мечтал об одном: вот бы сказать, чтоб поехал на берег Эйри, умыться бы ее спокойной теплой водой, а потом полежать на песчаном берегу...

Я вроде опять перепутал. Эйри, Гобу, кладбище... Да, да! Все вспомнил. Однажды затосковав по Эйри, по Гобу, я кое-как отпросился с работы и приехал в деревню. После короткого приветствия ноги сами привели меня прямо на кладбище. Проведав могилы родственников, я заметил ветхое надгробие. На кривом маленьком речном камне, водружённом взамен надгробия, черным фломастером было выведено МАСТЫХ. Ни фамилии, ни даты рождения и смерти. Я вспомнил давний день, когда какое-то время назад приехал в деревню вечерним поездом. Потому что тот день невозможно не вспомнить. Хочу и вам об этом рассказать.

Я добрался до деревни в утренних сумерках. Всю деревню охватил чей-то вой. Нет, это не был ни волк, ни собака. Сказали, что это воет Мастых. У нее снова начались боли в груди. Уже долгое время вой Мастых заменял сельчанам утренний призыв на молитву. Как будто все ждали этого ужасного воя, словно звук трубы архангела Гавриила. Когда она начинала выть, соседи закрывали двери и окна, а те, кто спал, засовывали голову под подушку. Дело дошло до того, что детей, которые не ели и вели себя непослушно, начали запугивать Мастых. Пропало всё очарование деревни. Я понял, что боль – первейший изъян, унижающий человеческое достоинство. Человек может умереть от боли. Но выть? Нет! Здесь имелась какая-то другая мудрость...

Мне вспомнилось обращение невежественной и темной Мастых, у которой вдобавок было плохое воспитание:

– Я ведь умираю, совсем умираю! – игнорируя стоящих в очереди пациентов, она распахнула дверь и ворвалась внутрь, как будто знала меня добрую сотню лет. А мне, в свою очередь, пришлось проявить безразличие к такому поведению.

– Что случилось, тетя Махруза? – Все звали ее Мастых, но настоящее ее имя, похоже, было таким.

– Гляди! – она беззастенчиво приподняла поношенный грязный жакет и показала покрасневшую и опухшую грудь, сочащуюся гноем. Как будто я был виноват в этом.

– Поправится! – с той же решимостью ответил я. «Куда ей поправляться, горемычной! Рак в последней стадии не лечится», подумал я. – Где ж ты всё это время пропадала? Почему не пришла вовремя, тетя Махруза?

– Некому меня привести, сынок, – властная и буйная женщина внезапно приняла несчастный облик. – У меня один-единственный сын. Чтоб ему провалиться!

Тут Мастых начала сыпать проклятия. Господи!!! Что за проклятия??? Она проклинала все. Проклинала солнце, луну, звезды. Проклинала горы, долины, реки и озера. Проклинала судей, прокуроров, начальников. Проклинала плохих людей, нечестивцев, плохих соседей, хороших соседей. Проклинала женщин, мужчин, молодых и старых. Проклинала предателей, негодяев, ублюдков. Проклинала винтовки, пистолеты, ножи. Она также проклинала длинные винтовки, короткие винтовки, длинные ножи, короткие ножи, раскладные и нераскладные ножи, старые-новые ножи, ржавые и нержавеющие ножи. В этих проклятиях света и искренности было с целый мир. Эти проклятия каплями стекали мне в сердце. Текли и приносили с собой прохладу и опьянение. И вправду, что за чудо? Искренние славословия попадаются редко. Но проклятия всегда искренние, всегда чистые, как хрусталь.

– Бедолага угодил в тюрьму в самое неподходящее время, – закончила наконец свой монолог Мастых.

Муж Мастых никуда не годился. Он слонялся с утра до вечера, нес какую-то чепуху и ни за какую работу не брался. Даже если бы и взялся, то непременно провалил бы. Дни напролет он бродил по всей деревне – без какой-либо причины, бессмысленно. В одном доме его поили чаем, в другом кормили едой. На самом деле хозяин пытался отделаться одним чаем. Но, видя, что Алескер не уходит, был вынужден поставить перед ним еду. Когда он ел и пил, постоянно говорил о Мастых. К тому же омерзительные подробности – Мастых не готовит, Мастых не заваривает чай и так далее, и тому подобное. Как река Эйри, он юлил и кривлялся. Он умер так же, как жил – без уважения, позорно. Ведь молитвы за упокой – не подарок, этому нужно посвятить всю свою жизнь.

Мастых кое-как поставила на ноги сына. Мальчик рос, как кот у Киплинга – раскованно, свободно. Целыми днями ловил рыбу в Гобу (почему-то дел с Эйри не имел), там ее готовил и запивал водкой, а потом задирал кого ни попадя. Он делал все, что взбредало в голову, деревенские упрекали его, но домашние ни слова не говорили. Мастых целый день бегала в поисках куска хлеба, откуда у нее могли взяться на это силы и терпение?

В тот день я написал «рецепт» для Мастых и сам купил для нее обезболивающие уколы. Обычные обезболивающие тут не годились. Я выбрал анестетики и дал медсестре особые инструкции. Как говорится, от проклятий человек расцветает, а от похвалы мрачнеет.

С начала «лечения» прошло двадцать дней. Как только Мастых начинала выть, тут же появлялась медсестра со шприцем. Соседи спали спокойно. Дети так же спокойно продолжали шалить. Я услышал в свой адрес похвалу и милость в адрес своих усопших, но начал видеть кошмары. Каждую ночь ко мне приходило странное существо в тюремной робе со шприцем в руке.

– А теперь я сделаю тебе анестезию! Почему ты не позволяешь ей страдать так, как мы для нее предначертали? – говорило существо.

– Кто вы? Ведь у нее рак! Я облегчаю ее боль, – я согласился бы и на ампутацию, чтобы оправдать себя.

– Дело не в раке! Не всякий больной раком воет, – странное существо избегало главного вопроса.

– В чем тогда проблема? – вопрос оставался без ответа, и существо исчезало.

Не прошло и месяца, как умерла Мастых. В одиночестве. Продолжая выть. Ее сын «развлекался» в тюрьме. Наверное, этот вой был рожден сожалением о том, что она не смогла дать своему единственному сыну надлежащее воспитание. В тот день мне снова приснилось странное создание. На сей раз на нем не было тюремной робы и шприца в руках...

Я немало простоял перед одинокой могилой с кривым надгробием. Гобу, извиваясь, протекала по одну сторону могилы. Мне показалось, что вода не течет, а напевает колыбельную для Мастых. Вечную колыбельную...

Вугар Эмрах родился в 1970 году в Шеки. Окончил Медицинский университет. По специальности он терапевт. Кандидат медицинских наук. В настоящее время работает врачом в Шеки. Выступает со своими произведениями в местной периодике. Прозу Вугара Эмраха можно смело отнести к литературе, выходившей из-под пера писателей-врачей – Рабле, Чехова, Селина. Как у Рабле, в этой прозе есть смешное в широком диапазоне; как у Чехова, особенно позднего, «нулевой стиль», когда автор минимально обнаруживает собственное присутствие в тексте; как у Селина, свидетельство очевидца, распрощавшегося со многими, если не всеми иллюзиями. Фрагменты «голой правды». Отрезвляет и бодрит.

КАМИЛЛА КЕРИМОВА

НОВЫЙ ДЕНЬ

***

Эти самые ночи, когда с темнотой на плечах,
Переполнив по горло себя самого тишиной,
Постигаешь умение слушать и громко молчать,
И азартно смеяться, когда ну совсем не смешно.
Неуспокоенность гложет по вечерам,
Список дневных побед убирая в стол.
Выше на три ступени. Еще вчера
Справиться с этим казалось трудней раз в сто.
Можно легко неприступные рубежи
Взять, если крылья твои на ветру поют.
Я наливаю море в бокал души,
Чтобы корабль сердца нашел приют.
Дни перемелются радужною мукой,
Чтобы окрасить в пестрое наши сны.
Там, где корабль сердца найдет покой,
Будут другие пристани не нужны.

***

Внутри – сквозняк. Год на исходе.
Потрачено так много слов.
Рука зависла на аккорде,
Забыв былое ремесло.
День превратится во вчерашний.
Набрав разгон, то вверх, то вниз
На сквозняке парит бесстрашно
Душа – лихой парашютист.
Свинцом усталость. Мозг рассеян.
Бессмысленно глядеть назад,
И впереди нет Моисея –
Направить, вспомнить, указать.
Сама несу свои скрижали –
Чернильные черновики,
И мысли носятся стрижами,
Когда на ощупь в две строки
Пытаюсь уместить так много.
А все, что сбудется со мной, –
Задача Времени и Бога,
И рукописная дорога
Дымится за моей спиной.

этой зимой

Дождь мелкой дробью расстреливает дома,
Капли по стеклам спешат, пожирая друг друга.
Не удивляйся, это пришла зима.
Просто такая зима, и бегут по кругу
Стрелки, мгновения, мысли и мишура
Дней, что едят друг друга в едином танце,
То, что казалось важным еще вчера,
Может сегодня и в памяти не остаться.
Пусть все идет. Перемелется, облетит.
Пусть отмотают стрелки от жизни годы.
Важное не покинет тебя в пути
И не зависит от времени и погоды.

****

Ближайшие станции –
селёдка, салат и салют;
На уходящий поезд билеты не продают.
Кто-то едет с комфортом в купе,
А кто-то отстал, но успел
Хоть на подножку вскочить
(Большое спасибо, врачи).
Счастья им, отъезжающим в радостном звоне
Надежд и событий грядущих лет.
... И светлая память оставшимся на перроне,
С любовью глядящим им вслед.

мгновение

однажды,
когда никто и ничто
не ставит препятствий
души долгожданному отдыху,
я буду смотреть,
как цепляется белое облако
за серебристый флагшток;
я буду смотреть,
как рвутся его кружева,
и влетают в прорехи
немые пунктирные птицы,
и осознавать, что жива, жива,
и что это мгновение –
не повторится.

а вдруг?..

Всем свое: богу – богово,
зверю – зверево,
людям – людское.
На закате каждый идет в свое логово,
ищет покоя.
И когда ты совсем один, то всего хватает;
Ты практически невредим и необитаем.
И замóк оставляет снаружи весь мегаполис,
Чтобы ты раздевался, ни капли не беспокоясь.
Почему же тогда в облицованных коридорах
Ты замрешь, услыхав в ночи непонятный шорох?
Ты свободен, один, как перст.
Пообжился, освоился.
Почему же тебе теперь не поется, а воется?
И когда ты снаружи весел, то изнутри
Замыкаешься на полное «черт побери»,
И в застенках души не перестаешь надеяться:
Вдруг твое неделимое все-таки делится?
Вдруг кому-то сейчас тебя не хватает,
Вдруг снаружи кто-то свой обитает?..

***

Время летит бескрыло,
Но с быстротой цунами.
Может быть, что-то было,
Только, увы, не с нами.
Карандаши и перья
Нужно чинить ножами,
Столько на ноль умножали –
Кто же, скажи, теперь я?..
Выбралась не одна я
Из этого января...
Чем меньше о нас знают,
Тем больше вокруг говорят.
Люди врастают в вещи,
В бункеры из устоев.
Близкое и простое
Вдруг оказалось вещим.
Выкраду горсть во сне я
Призрачного покоя,
И лишь твоей рукою
Стёрты мои сомненья.
Пусть поджимают сроки,
Пусть отвернулись боги...
Зная длину дороги,
Выдержать можно много.

стихи во сне

Накрывает покой с усталостью пополам,
Наполняется город двуокисями азота,
Облака проплывают,
подобные тучным волам,
И сбиваются в стадо на линии горизонта.
Я во сне услышу важнейшее из имён,
Я вдали увижу любимейшее из лиц,
Только вряд ли смогу успеть досмотреть тот сон,
Что рассвет сотрет,
как сотни других страниц.
Убегают годы, подвластные суете,
Убегают строки, покорные лишь огню.
Проплывают лица –
чужие и все не те...

... я однажды во сне тебя догоню.

****

Скинуть шпильки, хлебнуть виски,
Мимо вешалки бросить шарф,
Имя вычеркнуть прочь из списка,
Чтоб не жаловалась душа.
Подуставши от светских хроник
И собою не дорожа,
Свесить ноги за подоконник
Двадцать пятого этажа
И над месивом этой ночи,
Над гудками центральных трасс
Хохотать, потому что очень,
Очень больно молчать сейчас.

любить дракона

Шепчет сердце мне беспокойно,
В полнолуние разбудив:
Береги своего дракона,
Что таится в твоей груди.
В час отчаянья и бессилья,
В час тревоги и пустоты
Он свои тебе дарит крылья
И огонь, чтоб сжигать мосты.
Оттого-то и непокорно
Сердце любит, поет и жжёт.
Береги своего дракона –
Так, как он тебя бережет.

утро

Новый день начинает
привычные хлопоты,
Небеса просыпаются рано.
Зашагают по свету несчастные роботы,
У которых сбита программа.
Пусть наждачной бумагой по сердцу тоска
Заскребется, сбивая нас с курса,
Научись отпускать, научись отпускать
Тех, кто больше не хочет вернуться.
Все когда-то закончится. А пока
Помни правило золотое:
Отучись привыкать, отучись привыкать,
Привыкать ни к чему не стоит.
Пусть за давностью лет километры бинтов
Нам на душу жизнь намотает,
Невозможного нет для того, кто готов.
Кто готов, тот и мертвым встанет.

когда

Когда закончится этот бег,
Когда подведут черту,
Когда растает последний снег,
Я знаю, куда уйду.

Вдали от баров и дискотек –
Простой деревянный дом,
Где падают яблоки в темноте
В траву за моим окном.

В души затерянных уголках
Я так его берегу,
И там обязательно есть река,
И лодка на берегу.

В погоду ясную ли, в грозу,
Вам брода там не найти.
...За две монеты перевезу,
Садитесь. Нам по пути.

ГЕЛЛЕРТ УАЙТ
Тафиаркан

Быстро щёлкая по клавишам, Эммет набирал:

«Джон продолжал бежать, оборачиваясь назад и лишь изредка переводя дыхание. Он чувствовал, как за ним гонятся, чувствовал, как эта тварь дышит ему в спину, с каждой секундой всё ближе и ближе. Это громадное существо с восемью тонкими клешнями вместо ног и руками толщиной со спичку, зато острыми, как нож Гордона Рамзи, когтями. Он слышал периодический взмах огромных крыльев и уже практически лишился надежды. Это конец. Но вот чудо! Дверь! У него появился шанс убежать! Джон подбегает к двери, хватается за ручку, тянет дверь на себя, и, увы и ах, он оказался на складе. «Тупик», – подумал он, и оглянулся вокруг. На глаза ему бросился шкаф, Джон побежал к нему и залез внутрь. Он сидел внутри и, тяжело дыша, смотрел через щели, в которых показался Тафиаркан. Он медленно ходил по комнате и принюхивался. Под его худощавым телом цокали, словно каблуки по деревянному паркету, доски, его размахивающийся хвост уже разбил пару ваз, а красные глаза, словно фонарики, выбивались из общей картины темноты. Джон услышал странный звук. Это был скрип дверцы. Перед тем, как на него набросились, Джон ещё успел подумать: «Твою ж мать!»

Джона Уилсона нашли на следующий день с открытым ртом, выпученными глазами и огромной дырой в животе».

Эммет со скрипом встал и пошёл собирать письма, валявшиеся лись под его дверью. Возвращаясь в гостиную, он начал просматривать их. Опять квитанции, рекламы журналов, оповещения о скидках и очередное письмо от давно надоевшего поклонника. Там всегда было одно и то же: «У меня страшная болезнь, и я хочу увидеть вас (или ваш следующий роман) перед тем, как уйду» или же всё письмо автор восхвалял Грина, приравнивал его творения к Лавкрафту или Эдгару По. Он это ненавидел. Эммет уже собирался выбросить письмо, как вдруг заметил на конверте написанное от руки слово «зачем?» Он остановился и задумался. Постояв минуту в ступоре, Эммет сказал: «Что за загадки?!», затем бросил письмо в мусорный ящик, сел в кресло и заснул.

Эммет открыл глаза и увидел, что телевизор всё ещё работает. Повернув голову, он бросил взгляд на стол, стоящий рядом с ним. На столе лежали пульт, записная книжка, с пожелтевшими от времени листами, ручка, пару лекарств, очки и… конверт с надписью «зачем?» Эммет прищурил глаза, в полной уверенности, что его уже в который раз подводит зрение, а затем потянулся за очками. Надев очки и обнаружив, что на столе лежит именно тот самый конверт, который он недавно отправил в мусорку, Эммет замер. Он ведь ясно помнил, что, как он сам выразился, «выбросил это чёртово письмо!» Однако же вот он, тот самый конверт, с той самой надписью. Надпись была такой аккуратной и каллиграфичной, что спутать её с напечатанной на компьютере было легче лёгкого, но Эммет слишком долго варился в издательских кругах, поэтому отличить напечатанное от написанного ему было не сложно. Он потянул письмо к себе и поднял его. Эммет долго смотрел на конверт, после чего, прошептав «Чёрт с тобой!», раскрыл его.

Внутри всё было написано таким же почерком.

«Не знаю, насколько велик шанс того, что Вы, мистер Грин, откроете это письмо, а уж тем более прочтёте его, но я всё же надеюсь, что Вы уделите мне пару

минут своего времени. Вначале, чтоб Вы не сочли меня невеждой, я должен сказать, что читал абсолютно всё, написанное Вами. Не каждый писатель может приковать читателя к страницам, наполнить персонажа и провести столько хитросплетений сюжета, как Вы. Должен сказать, что у меня был период невероятного увлечения Вами, вплоть до фанатизма, и я считаю своим долгом поблагодарить Вас за это время. Ваши романы сыграли огромную роль в моей жизни (как и в жизни многих), и я верю, что Ваши достижения совершенно не случайны. Однако я искренне надеюсь, что в данный момент Вы, мистер Грин, ни над чем не работаете, но давайте не торопить события. Я могу с уверенностью сказать, что знаю каждый поворот сюжета в каждой из Ваших работ, помню имена каждого из персонажей и помню каждую мелочь, вплоть до того, чем завтракал Эрик Пратт в книге «Собачий приют». Искренне надеюсь, что Вы не принимаете меня за какого-то простофилю, который читал от силы пять книг за всю жизнь и лишь две из них Ваши. Что ж, наверно, я могу приступить к главной теме моего письма. Месяц назад я прочёл последний роман из трилогии о Джоне Уилсоне. Не думаю, что Вы помните меня, но я, как огромный поклонник Вашего творчества, был одним из первых, кто купил этот роман, скажу больше, мне даже удалось получить Ваш автограф. Я прочёл книгу за два дня и (чего там скрывать) был в восторге от каждой строчки. От каждой, кроме последних двух абзацев.

Скажу честно, я пытался, но не смог удержаться от этого письма, поскольку сердце моё сжимается каждый раз, когда я вспоминаю, как Вы хладнокровно и, не побоюсь этого слова, бездарно убили Джона. По своей натуре человек я не вспыльчивый, но я не в силах контролировать ни свои слова, ни свои действия каждый раз, когда вспоминаю конец этой безупречной трилогии и конец этого прекрасного человека! Не поймите неправильно, я совершенно не считаю Вас плохим писателем, но при каждой мысли о Вас мне хочется задать вопрос: «зачем?», а после искромсать Вас на мелкие кусочки. У меня в голове не укладывается, как Вы посмели сделать такое! И на сколько бы сильно я ни восхищался Вами и Вашим талантом, я не могу не начать злиться, когда думаю о Вас. Я ждал эту книгу два года! Я прощал Вам лень, прощал Вам медлительность и простил Вам то, что Вы не дали ни малейшего намёка на то, что нас ожидает в продолжении! Но потом проходит два года, и я получаю вот это? Нет, сэр, нет! Это не то, что мне нужно было! Это было душераздирающе и безумно бездарно! Вы не можете так со мной поступить! Я человек справедливости и считаю, что все должны отвечать за свои слова и поступки. Поэтому, как бы прискорбно мне ни было, я обязан сообщить, что Вам придётся отвечать. Вы, конечно, можете счесть всё моё письмо бредом сумасшедшего, но, по крайней мере, моя душа будет свободна, ведь я Вас предупредил.

***P.S.** Возвращаясь к теме того, что Вы вполне возможно что-то пишете, а я почти полностью в этом уверен, я дам Вам шанс закончить работу. Я даю Вам ещё один день. Вы должны решиться и либо докончить дело до завтрашнего вечера, либо взяться с силами и удалить Вашу новую историю.*

Выбор за Вами.

Удачи».

Эммет тупо уставился на письмо. Он был напуган и зачарован. Он, человек, который всю свою жизнь посвятил книгам про монстров, вурдалаков, убийц и сумасшедших, только что испугался.По правде говоря, он не понимал, что именно его пугает в этом письме, но оно словно распалось на миллионы ледяных жучков, которые разом заползли под кожу и принялись хаотично бегать. И это продолжалось до тех пор, пока их словно не выдернули из-под кожи Эммета.

– Кретин, – прошептал Эммет и скомкал письмо. – Да кто он такой, чтоб поучать меня?! Я создал Джона Уилсона, и я имел полное право убить его! Можно подумать, мне было легко это сделать…но так надо было. Это полностью моя трилогия и я мог и могу сделать с ней всё, что хочу. Если я захочу, то я могу полностью её аннулиро-

вать. И не этому ослу решать, что мне делать! И почему я должен нервничать из-за него?! Я не боюсь пустых угроз. Да и что он может мне сделать? Призвать призрак Джона, – Эммет усмехнулся, – навряд ли.

Когда Эммет ложился спать, жуки вернулись и остались с ним до тех пор, пока он не заснул.

Его привлёк странный звук из угла комнаты. Эммет посмотрел туда и увидел шкаф, дверца которого со скрипом открылась. Из него вылезла тёмная фигура. Эммет был совершенно уверен в том, что перед ним стоит никто иной, как Джон Уилсон. В такой темноте было невозможно увидеть даже свои пальцы, но Джон был в жизни Эммета так долго, что не узнать его было просто невозможно.

– Как ты посмел засунуть меня в этот шкаф, как ты посмел так унизить меня?! – сказал Джон. – Кто ты такой, чтоб вершить мою судьбу! Ты лишил меня жизни с любимой, лишил меня шанса когда-либо взять на руки моего собственного ребёнка, ты лишил меня вечеринок с друзьями, вместо этого ты засунул меня в этот чёртов шкаф, именно ты убил меня, не этот грёбаный монстр, ты настоящий монстр в этой истории, было умно прикрыться другим именем. «Тафиаркан», да? Это ведь ты настоящий убийца, но ты слишком труслив, поэтому сделал это его руками! Ты не имеешь никакого права вершить судьбы так, как хочется тебе! Но это не страшно. Тебе всё равно придётся отвечать. Отвечать за свои слова и действия. Давай, воспользуйся шансом, уйди красиво, убей ещё парочку людей!

Эммет проснулся. Руки его дрожали, под кожей вновь забегали жучки. Он побежал на кухню, схватился за графин и наполнил стакан водой, попутно пролив половину на пол. Эммет жадно выпил воду и попытался отдышатся. В голове звучало: *«Давай, воспользуйся шансом, уйди красиво, убей ещё парочку людей!»*

«Всё нормально, – думал он. – Это всего лишь сон. Во всём виновато это грёбаное письмо и этот дерьмоед! Это всё он! Этот придурок!» Он подбежал к мусорному ведру и начал рыться в поисках письма.

Давай, воспользуйся шансом, уйди красиво, убей ещё парочку людей!

Вот оно! Эммет схватился за письмо и разорвал его на мелкие клочки.

Давай, воспользуйся шансом.

Эммет подошёл к окну и выбросил клочки бумаги. На душе стало легче. Жуки удалились, а руки перестали трястись. Он пошёл в ванную и умылся холодной водой, после чего лёг обратно в кровать и включил телевизор. Эммет уснул через час, и больше ему ничего не снилось.

Жаль, что его последний сон был таким.

Проснулся он поздно. Приняв душ и позавтракав, Эммет сел в своё кресло и уставился на монитор компьютера с незаконченным рассказом.

«Выбор за вами».

– Нет, у меня ещё полно времени, чтоб закончить рассказ. Я имею право отдохнуть после вчерашней ночи. Письмо и ночь – это всего лишь причина и следствие, я просто перенервничал. Я могу закончить рассказ и завтра. Его письмо – это всего лишь пустые угрозы сумасшедшего, он не может сделать мне ни-че-го, и точка!

Но он не мог оторвать взора от компьютера.

Убей ещё парочку людей!

«Бог с ним! – подумал Эммет, – чем раньше, тем лучше».

И он принялся печатать. С того самого момента, как он сел и до последней строчки, его не отпускало напряжение.

Эммет просидел за компьютером много часов, редактируя старый текст, печатая новый и редактируя новый. После самого рассказа он написал:

«Послесловие:

За столько лет своей карьеры я ни разу не сказал спасибо ни одному из тех драгоценных людей, что всегда были рядом со мной. По своей эгоистичной натуре я

всегда считал только себя причиной всех своих заслуг. Нам, людям, кажется, что наша жизнь, всё, чего мы добились, да и мы сами – это плод лишь наших собственных стараний, но это не так. Человек делает себя в такой же степени, что и близкие ему люди. И сейчас мне бы хотелось исправить свою ошибку и сказать спасибо: Моей самой лучшей маме из всех мам в этом мире. Тебя нет уже много лет, но не проходит и одной ночи, чтоб я не подумал о тебе. Моему отцу, ты умер за пять лет до мамы, но хочу, чтоб ты знал, нам тебя не хватало, твоя смерть в той аварии была шоком для всех в семье. Моей прекрасной бывшей жене. Лили, мы с тобой не особо поддерживали отношения после размолвки, но ты всё ещё дорога моему сердцу, мне не хватает твоих объятий и поцелуев (ну, или, на худой конец, твоей стряпни) Моей замечательной дочери. Поверь мне, ты была моим вдохновением много лет, я не знаю, что бы делал без тебя. Наверно, сидел бы сейчас где-то на улице, прося прохожих о милостыне. Мои лучшие друзья. Многих из вас я знаю с детства, и вы должны знать, что вы – невероятные, я ценю каждую секунду с вами.

И поблагодарю своих постоянных читателей. Я сожалею о том, что заставил пережить в последней книге из трилогии о Джоне Уилсоне. Спасибо за то, что вы всё ещё со мной».

И вновь жучки копошатся под кожей. И вновь руки трясутся.

На лице Эммета появилась тёплая улыбка

«Довольно неплохо», – подумал он

Эммет посмотрел на часы. Уже семь вечера. Он сел в кресло и включил телевизор. И просидел перед ним три часа.

Эммет вновь глянул на часы. Десять часов. Пора ложиться. Он бросил взгляд на дверь в спальню, Эммет безумно устал, но он боялся заходить в эту спальню, боялся, что она проглотит его целиком, и он уже оттуда не выйдет. «Это просто пустые угрозы!» – сказал он себе и пошёл в спальню.

Дурак.

Эммета Грина нашли через четыре дня после его смерти. Он лежал в собственной кровати, рот его был раскрыт, глаза выпучены, а на месте живота зияла дыра.

«Вам придётся отвечать».

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

ЖИТЬ СРЕДИ ЧУДОВИЩ, ИЛИ ЧЕЛОВЕК МИНУС...

«...гигантские спруты – не фантастика. Они и в самом деле существуют. Моряки и натуралисты разных стран упоминали о них с древних времен. И ученые упоминали – знаменитый Олаус Магнус, хроникер XVI века, и Эрик Понтопиддан, натуралист XVIII века; правда, в описаниях этих авторов, почерпнутых из скандинавского фольклора, кракены (так они называли гигантских спрутов) выглядели довольно преувеличенно – целые плавучие острова, на которых может разместиться и свободно маневрировать целый полк солдат... Такие чудовища якобы способны были мутить море, вызывая сильное волнение...

В японских средневековых летописях о гигантских кальмарах тоже рассказывают всякие чудеса – якобы они обладают мощными гипнотическими способностями и способны подманить к себе с помощью морока и пожрать не только рыб и морских птиц, но и человека... Фольклор, да! Легенды, сказки, тосты... Однако истинные гигантские кальмары не нуждаются в преувеличениях или приукрашиваниях. Они и так огромны, сильны, загадочны и очень, очень, очень опасны» (Александр Хакимов, «Подданные Дагона»).

…Чужой разум… Чуждый разум…

С той самой поры, как человек поверил в существование инопланетян, его стал занимать вопрос: а поймем ли мы их при встрече? Ну, допустим, что обитатели других миров человекообразны; внешнее сходство подразумевает тождество мышления (хотя лично мне это утверждение отнюдь не кажется бесспорным). А если не человекообразны? Насколько психология, мораль разумных существ, прошедших иной эволюционный путь под чужим солнцем, на планете с иными, нежели на Земле, физическими характеристиками, будет отличаться от психологии и морали Homo Sapiens, выросшего под желтой звездой по имени Солнце?

С той самой поры, как человек задумался о создании искусственного интеллекта, его, человека, стал занимать вопрос: насколько психология и мораль робота будет отличаться от психологии и морали Homo Sapiens? Интеллект существа безэмоционального, существа, не рожденного женщиной, существа, которое никогда не влюблялось, не познало радости отцовства и материнства, не знало присущих человеку страстей и привязанностей… Будет ли Искусственный Интеллект вследствие всего этого считать себя выше человека? Или, напротив, Искусственный интеллект осознает некую свою ущербность? Или его сухому, рациональному сознанию все это будет безразлично?

Над этими вопросами думали и думают социологи, психологи, ксенологи, кибернетики, математики… Частенько над этим задумывались фантасты – Уэллс, Чапек, Саймак, Азимов, Лем…

Но порой для обсуждения этого вопроса не обязательно прибегать к образам инопланетян или роботов. Это можно сделать, не выходя за пределы самого человека.

…В 1963 году молодые тогда еще, только-только набирающие силу в литературе братья Стругацкие начали писать повесть под названием «Дни Кракена». Кракен в ней действительно присутствует – подарок японского океанолога советским ученым. Гигантский головоногий моллюск временно живет в плавательном бассейне одного из московских научно-исследовательских институтов (пока ему лихорадочно строят специальный аквариум).

Но суть задуманной повести не в этом, а в яростном споре двух друзей, Андрея и Виктора, причем их взгляды на вопрос дискуссии диаметрально противоположны. При желании можно увидеть в этом своеобразный отголосок тогдашних споров между так называемыми «физиками» и «лириками». Так, Андрей (явный «лирик») считает, что в будущем в основу прогресса ляжет бесконечное духовное развитие, вот только нужно избавиться от забот о материальном обеспечении. Виктор же (безусловно, «физик») считает, что «человечество должно как можно скорей избавиться от страшной обузы интеллекта – от эмоциональной стороны его». Предельная рационалистичность, служение чистому знанию. Если бы человек жил достаточно долго, замечает Виктор, он бы неизбежно избавлялся от дурацкой чувствительности и занимался бы исключительно делом. Да каким же делом? Добыванием знаний, а не поисками художественного воздействия на духовную сторону натуры. И в порядке последнего аргумента Виктор объявляет, что природа уже знает такой разум: это Кракен. С мрачным восторгом описывает он этих чудовищ, которые столетиями растут в океанских безднах, накапливая колоссальный опыт в своем непрерывно растущем мозгу, далекие от духовных потрясений, всегда знающие, что им надо, беспощадные охотники и холодные рационалисты, живущие индивидуально и без социальной организации, без принуждения, никогда не ошибающиеся, руководствующиеся в жизни немногими рациональными принципами… Их не беспокоит тоска по несбыточному, они философски принимают смерть, и они при всем при том способны уловить возможную угрозу сверху – наблюдая батискафы и ощущая удары атомных бомб. И, возможно, они воспротивятся вторжению человека и будут правы, заключает Виктор.

Андрей возражает: ведь дух – это единственное, что отделяет человека от животного. Виктор раздраженно отвечает, что «все гуманитарные науки – дерьмо, и возникли-то они из праздности, и вообще они – аппендикс на теле человеческой культуры».

Повесть «Дни Кракена», увы, так и не была дописана, – по словам Стругацких, они почувствовали, что увязают в бесконечных бытовых мелочах и вещь становится им все более и более неинтересной… А жаль, очень жаль. Я читал черновики этой повести, наброски, план-сюжет. Особенно эффектной выглядит концовка. Андрей, между прочим, переводчик с японского языка и в конце Второй Мировой войны успел повоевать с японскими милитаристами на Дальнем Востоке. Именно на Андрея взваливают трудоемкую задачу: океанолог-японец вместе с дареным кальмаром прислал груду средневековых рукописей на японском языке, в которых много рассказывается о кракенах, их образе жизни, повадках, контактах с людьми в древние времена, и так далее. От Андрея требуют перевести все это как можно скорее. Он соглашается, но взамен выбивает себе право в любой момент посещать бассейн и смотреть на гигантского кальмара – для вдохновения. Во время таких посещений Андрей осознает страшную вещь: Кракен, этот холодный, расчетливый, хищный обитатель морских глубин обладает мощными гипнотическими способностями, и именно под его влиянием сотрудники института постепенно превращаются в ледяных эгоцентриков, не знающих пощады в достижении своих вполне низменных целей! И вот в один из своих визитов Андрей проносит трофейную катану (самурайский меч) и прыгает в бассейн – чтобы убить Кракена и спасти людей от его влияния…

(Еще раз напомню, что повесть писалась в начале 60-х годов XX века – в разгар споров между «физиками» и «лириками». Стругацкие просто «сжали пружину вопроса до упора» – довели рассуждения до логического конца, страшненького, надо сказать, конца, миновав все промежуточные стадии).

Итак, по мнению некоторых людей, идеал разумного существа – Кракен? Холодный разум без малейших признаков эмоций? Практицизм, голый расчет, рацио, так сказать, – и никаких чувств, душевных мук и сомнений, никаких мечтаний, никаких фантазий… Никаких любовных терзаний – только голый секс для продолжения рода, а скорее всего – просто ради удовольствия. Никаких глупых штучек вроде привязанности к детям, уважения к женщинам или почтения к старикам – сплошное рацио. Никакой культур-мультур – главное, полней набить себе брюхо. Поели – а теперь можно и поспать… Поспали – а теперь можно и поесть… Человек минус что-то такое… Ну, если так, то я знаю немало людей, которых можно смело назвать Кракенами! Вот только жить среди них, не имея под рукой хорошего гарпуна (или, на крайний случай, катаны) мне не очень-то уютно…

P.S. Во время занятий со студентами Национальной Академии Авиации (тренингов по развитию воображения, в рамках ТРИЗ, Интеллектуального Клуба «Импульс» и Клуба Фантастических Идей) я предлагал подробно обсудить вышеупомянутый вопрос. В качестве литературных примеров я привел повесть болгарского фантаста Павла Вежинова «Белый Ящер» и – «Дни Кракена» братьев Стругацких, незаконченную, увы, повесть. Если в «Днях Кракена» вопрос лишь дебатируется, то в «Белом Ящере» главный герой – жуткий парень по имени Несси, в результате случайной мутации уже родившийся на свет таким вот «рацио», с полностью отсутствующей эмоциональной сферой, конечный результат, торжество голого прагматизма… Иметь дело с таким парнем да и просто жить рядом с ним – очень опасное занятие…

Хорошая пища для размышлений, не правда ли?

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Страх

Просыпаясь от ужаса и страха и не помня ничего из того, что повергло тебя в состояние, близкое к безумию, понимаешь, что страх – очень сильное чувство, парализующее волю. Это чувство знакомо и людям, и животным. Страх – главный учитель у дрессировщика. «Кнут и пряник» обязательно присутствуют в любом обучающем процессе. Все выступают за «пряник», но только в тесной компании с «кнутом». Случайно я открыла для себя очень интересный факт. Мне рассказал об этом биолог и ему можно верить на слово. Все, кто видел наяву или, например, по телевизору, как «заклинатель змей», факир заставляет страшную ядовитую змею подчиняться его воле, наивно полагают, что искусная игра на дудочке и заставляет змею, по всей вероятности, страстную меломанку, исполнять прихоти человека. Как человек наивен, и как часто он выдает видимое за суть! У змеи нет ушных раковин, она почти глухая. Факир вместо завораживающей тихой мелодии может играть бравурный марш, и результат будет таким же. В чем фокус? В страхе!!! Змеи попадают к факиру в нежном возрасте, и он заставляет их выполнять свои приказы простым, самым действенным способом. Как только змейка пытается сделать по-своему, факир больно бьет ее по голове той самой дудочкой. Змея хорошо запоминает урок и безумно боится дудочки! Только и всего.

Революция, будь то французская, русская, зиждется на страхе. Террор (*фр. Terreur* – ***Ужас***) – изобретение революционных масс. «Красный террор», «белый террор». Люди не придумали ничего более действенного, чем страх, чтобы получить желаемое. Террор оказался таким сильнодействующим средством, что благополучно перепрыгивает временные границы и сопровождает народы из века в век. Все разговоры о гуманизме и о том, что люди становятся цивилизованнее, а, следовательно, гуманнее, так и остались «душеспасительными беседами», ведущими в никуда.

Страх создает ореол вокруг того, кто в состоянии «сеять страх». Люди наделяют своих мучителей достоинствами, которых у них нет и в помине. Безудержная, безграничная лесть – одно из проявлений страха. Можно говорить о национальных особенностях страха. То, что на Востоке правители в силу своего южного темперамента были скоры на расправу, вероятно, стало причиной того, что лесть расцвела таким пышным цветом, и она почти не режет слух, а воспринимается как необходимое украшение речи воспитанного вельможи. Страх сопряжен с ненавистью. Чем он сильнее, и чем больше заливается соловьем раб, восхваляя своего господина, тем больше ненависти скапливается в душе его, чтобы однажды выплеснуться страшной волной кровавого террора.

На страхе может держаться, как на очень прочном фундаменте, любая диктатура. Страх настолько вездесущ, что он проникает в сердце самого бесшабашного храбреца. Как ни странно, страх является оборотной стороной безумной храбрости. Только устав бояться, чаще всего совершают отчаянные, храбрые поступки. Страх – древнее испытанное оружие, одно из самых эффективных для управления массами. Страх, смешавшись с толикой безумия, превращает людей в фанатиков, обожествляющих предмет своего страха. Самые ловкие диктаторы, сумевшие продержаться на волне страха многие десятилетия, прекрасно осведомлены о механизмах действия этого чувства. Знают точно, до какой степени, градуса страха нужно довести не очень сильного человека, чтобы он стал способен на любую подлость, чтобы он начал строчить доносы на близких ему людей. Диктаторы всех времен, Нерон, Муссолини, Гит-

лер, Сталин, сегодня – Путин, занявший свое место в «серьезной» компании, очень умело применяли это грозное оружие, прежде всего потому, что им самим хорошо знакомо было это чувство. Великий дуче, прежде чем стать «отцом нации», в молодости убежал в Швейцарию, чтобы не служить в армии. Сталин, панически боялся стать мишенью для товарищей по партии, вспомним его пребывание в баиловской тюрьме в Баку, оно, вероятно, также не обошлось без страха. Питерская подворотня для новейшего российского диктатора оставила свои зарубки на сознании. Если проследить жизненный путь любого из них, обязательно найдешь страх, не заглушенный и не преодоленный. Страх толкал их на самые бесчеловечные поступки.

Захватнические войны, как правило, ведут диктаторы. Прежде всего, чтобы самоутвердиться, показать своему народу, а заодно и миру, какой он сильный лидер, не в пример другим слабакам-руководителям, поднять самооценку себе и своим подданным, тем более, что другими достижениями похвастаться невозможно, и в очередной раз напугать мировое сообщество. «Пусть боятся». «Пусть знают, что мы самые сильные, самые смелые, самые умные!»

Трагедия в Буче еще раз показала, что для одержимого диктатора человеческая жизнь не стоит ничего. Дорогостоящее вооружение намного ценнее в его представлении, чем такая «мелочь», как человеческие жертвы. Для такого рода деятелей нет никаких табу. Тактика устрашения мирных жителей предполагает массовые убийства самым жестоким образом, в чем весь мир убедился в Буче, Ирпене. Список, вероятно, неполный. Мог бы диктатор распоряжаться миллионами жизней, если бы не страх? Атавистический, животный страх? Нет! Никогда!

Что можно противопоставить преступной воле диктатора? Решимость преодолеть страх. Мы это видим сегодня в России на примере отдельных выступлений людей, преодолевающих страх. Художница из Питера, Елена Осипова, 20 лет протестует против войны. Конечно, таких смельчаков, как она, немного. Она смогла преодолеть страх. Если смогла хрупкая немолодая женщина, вероятно, это возможно.

Не бойтесь смотреть правде в глаза! Гораздо страшнее закрыть глаза, чтобы не видеть, что творит страшный диктатор, запугавший вас.

Мне возразят, что легко рассуждать, когда нет реальной опасности попасть в тюрьму, подвергнуться пыткам. Попасть в тюрьму может каждый при диктаторском режиме. Законы пишутся на потребу диктатора. Необязательно протестовать против войны. Кому-то может понравиться ваше имущество, или не понравиться выражение лица. Донос в такого рода обществах вполне обычное дело. 37-й год тому подтверждение. Выбор за каждым.

Эйнштейн, сумевший увидеть мир под новым углом зрения и обнаружить относительность вселенной, предлагал добавить к десяти библейским заповедям еще одну: Не бойся!!!

Ангел и бес. Что в нас от ангела, а что от беса

Бесконечная битва, полем боя, которой являются люди, человек.

Низменное и возвышенное перемешано так, что иногда сложно определить, что от ангела, а что от лукавого. Как может один и тот же человек восхищаться нежной мелодией, красотой заката, маленьким смешным щенком и одновременно ненавидеть себе подобного до такой степени, что в состоянии сотворить любую гадость, а, возможно и убить. Возвышенные чувства хрупки, как любая красота, им необходим бережный уход, иначе они захиреют от небрежения к ним и увянут. Насладиться музыкой, красотой пейзажа, увидеть и прочувствовать неповторимую манеру художника – может не каждый. Слушала Густава Малера, его неоконченную 10 симфонию. Странные мысли родились у меня. Удивительная смесь романтизма, перемежаемая брутальными интонациями. Как если бы пресытившись сладким, нежным, захотелось

попробовать чего то острого. У художников, у большинства, во всяком случае, есть такая замечательная возможность превратить переживания, чувства, раздирающие его в нечто абстрактное, будь то музыка, картина, либо литературный текст. Все, что мучает, он может воплотить, «сублимировать» в искусство. Sublime с французского- «возвышенный». То есть возвысить свое земное существование до художественных образов. Возвысить, вызывая массу эмоций, переживаний, способных взволновать душу. Франсиско Гойя и его серия офортов «Ужасы войны» не могут оставить равнодушными ни одного мыслящего человека. Неразрешимый вопрос заключается в том, как тот же мыслящий человек, способный на сострадание, доброту к абстрактному человеку, теряет разум, а вместе с ним человеческое лицо. Парадокс заключается в том, что даже те, кто, казалось бы, имеют эту счастливую способность видеть красоту мира, иногда способны на самые страшные деяния. Бесконечна борьба в человеке между его физическим телом, бренной оболочкой, животными инстинктами и хрупкой надстройкой, состоящей из эфемерной души. Войны сопровождают человека всю его историю. Войны за территорию, жизненное пространство, за выход к морю, за полезные ископаемые. Причин, по которым ведутся войны, множество. Причина чаще всего прячется за поводом. А вот поводом может стать любой случай. Известный инцидент, приведший к колонизации Алжира, известен как «Coup d'éven tail» – Удар веером. Дей Хуссейн *(Дей – правитель Алжира, избиравшийся пожизненно советом янычарских офицеров –* ***Г.А.****),* бывший в 1827 году на момент инцидента правителем Алжира, в пылу полемики ударил веером консула Франции, что послужило поводом к войне и последующей колонизации Алжира. Каким образом протекает война, известно всем. Темная сторона человеческой натуры получает сильный импульс. Все темные инстинкты, находившиеся под контролем разума, начинают превалировать и управлять человеком. Он теряет всякую способность оценивать свои действия. Способен на убийство и насилие. На все.

Конечно, мы можем говорить об определенном смягчении нравов, в сравнении с прошлыми веками. Просвещение, как написал в своей статье *«Sapereaude – мужество мыслить. На Facebook-е тоже»* Рахман Бадалов, не является панацеей ни от невежества, ни от жестокости. Невозможно с ним не согласиться. Жестокие убийцы и тираны могут быть одновременно просвещенными людьми, ценителями искусства и меценатами, Нерон, Гитлер, Наполеон, ограбивший многие страны, чтобы украсить Францию, наш современник Брейвик, любитель Канта и Адама Смита, врач-офтальмолог Башар Асад, работавший врачом-стажером в Лондоне, Ким Чен Ын, прилежный студент из Швейцарии, ряд очень длинный. Почему цивилизованность, просвещение, искусство не смогли возвысить их души. Почему животная сторона человеческой личности взяла вверх. Каков механизм, химическая реакция, происходящая в человеческом организме, способствующая проявлению животных инстинктов? Корень слова «*просвещение*» – свет. Lumière фр, свет. Русское понятие – это калька с французского. Естественно, поскольку эпоха просвещения les Lumières родилась во Франции. Жан Жак Руссо, Дени Дидро, д'Аламбер – просветители, чьи взгляды получили распространение далеко за пределами Франции. Общественный договор, Contrat social Руссо по сути идеализированная картина современного демократического общества. И, тем не менее, чтобы воплотить в жизнь идеи бесспорно более справедливого общества, чем то, что существовало на тот момент во Франции, якобинцы пролили реки крови. Где зло, а где добро? Они возвели террор в ранг государственной политики. Здесь появляется для меня «свет в конце туннеля» в разрешении этого вопроса. То, что мне представляется как феномен «коллективного помешательства или коллективного зла». Низменное в человеке проявляется особенно ярко, когда все вокруг теряют способность рассуждать критически и делегируют свое «право на сомнение» самым твердолобым. Системное оформление извращенной идеи вырождается в самые страшные проявления низменной стороны человеческой натуры. Система, как некий

механический монстр начинает пожирать своих создателей. Так случилось и с якобинцами. Многие из них закончили жизнь на эшафоте, поверженные гильотиной, символом якобинской системы. Робеспьер, неподкупный (incorruptible) представитель якобинцев, один из пламенных сынов французской революции, был лишен головы посредством гильотины. Но прежде, чем система доберется до отцов основателей, она уничтожит огромное число людей, того самого большинства, которое с восторгом приветствовало установление этой системы. Но ведь изначально лозунги революции столь привлекательны: свобода, равенство, братство. И нужно признать, что ценой большой крови французам удалось добиться преобразований. Только когда система якобинцев была окончательно сломлена, появилась возможность вернуться к изначально светлым идеям. Не сразу. Французское государство пережило еще множество потрясений, в том числе и амбиции Наполеона.

Страшная сторона человеческой натуры присутствует в каждом из нас. Но проявляется она, к счастью, не у всех. Как человек поведет себя в экстремальных обстоятельствах, какая сторона его натуры возьмет вверх, темная или светлая, на мой взгляд, главный вопрос существования человека. Достоевский долго размышлял над ним и оставил нам в наследство плоды своих раздумий. Удивительная трактовка этого вопроса мне кажется, дана в персонаже Раскольникова. Его экзистенциальный вопрос «Тварь я дрожащая или право имею?» находит страшный ответ в убийстве старухи. Почему именно таким образом Раскольников пытается доказать себе, что он не является «тварью дрожащей», а может преступать законы не только человеческие, но божественные, где одной из заповедей является заповедь «Не убий». Вспомним, что падшим ангелом, ставшим впоследствии воплощением вселенского зла, является Люцифер, что означает «светоносный». То есть изначально он был настолько блестящ, что получил это имя. Он бросил вызов Всевышнему, посчитав, что может состязаться с Создателем во всем. И за это был низвергнут в пучину зла. Вывод: смириться, подчиниться воле обстоятельств, «фатума» не пытаться изменить предначертанную свыше судьбу? Та самая доктрина, взятая на вооружение религией, любой, утверждающей, что земная власть от Бога, а простой смертный обязан подчиниться земному властелину. Передать ему право принимать все жизненно важные решения, касающиеся социума, в котором он существует. Противоречие явственно проступает в основах религии, хотя бы потому, что в случае, к примеру, с христианской религией, Христос возвысил свой голос против церковников, фарисеев, наводнивших храм торговцами. Его распяли потому, что он посмел выступить против власти. То есть перестал быть «дрожащей тварью». Можно по-разному трактовать «бунт». С точки зрения власть предержащих, нарушение существующего порядка это всегда нарушение законности. Как правило, не задумываясь, в большинстве случаев, используют насилие против насилия. В истории известны случаи, когда протест выражался мирным способом, без насилия, без террора, без оружия, без кровопролития. Иногда такой способ, если на нем настаивать, приносит свои результаты. Британская колония Индия стала независимой в результате мирного протеста, организованного Махатмой Ганди. «Непротивление злу насилием». Идея очень привлекательна. Правда, противная сторона должна быть в определенном смысле подготовлена к новой реальности. В американском фильме 2013 года «Дворецкий» режиссера Ли Дэниелса главная тема – протест афроамериканцев против дискриминации. В сцене в кафе, афроамериканцы пользуются тем же приемом «непротивления злу насилием»; вместо отведенных для них мест, они занимают, те, что предназначены для белых. Реакция белых обывателей совершенно неадекватна. Для меня – этот эпизод один из лучших в фильме. Тем не менее, и в этом случае ситуация поменялась к лучшему в наше время.

Возможно, это один из удачных сценариев борьбы (не люблю это слово, но в данном случае его нечем заменить) с системным злом.

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

Иудейка из Кюрдамира

Юмореска

Эвакуация из Симферополя в 1942 году и прибытие нашей семьи на место жительства в Баку было неожиданным для многочисленной маминой родни.

Пять бакинских братьев ее мамы Ривы сами ютились в небольших комнатушках, как, впрочем, и большинство населения города. Папина родня, родом из Украины, также находилась в эвакуации по разным городам Средней Азии.

А потому принять семью из пяти человек стало проблемой для всех. Но выход все-таки нашелся. Одна из бакинских родственниц имела двухкомнатную квартиру, куда и решили поселить наше эвакуированное семейство.

Бакгорисполком не имел свободных квартир и потому разрешил предложенное уплотнение. Здесь необходимо внести небольшое, но важное, разъяснение: квартира была подвальная и без коммунальных удобств (все удобства во дворе), а комната была без окон и являлась проходной для хозяйки дома.

Тетя Аня была несколько глуховата и потому создаваемый нами шум воспринимала весьма стоически. Как мы размещались на ночлег? Помню только о себе, что я спал на обеденном столе – очевидно, это было самое комфортное место.

С окончанием войны демобилизовался брат мамы Наум. Пришлось родне потесниться на полу. А вскоре приехала из Средней Азии мамина двоюродная сестра Рая. Ей исполнилось 16 лет, и потому детский дом разрешил ей уехать к родным. Рая была родом из Ленинграда. Ее родители погибли во время бомбежки, и Рая осталась сиротой. Конечно, она поехала в город, где жили ее дяди и тети по материнской линии. Разумеется, она остановилась в нашем веселом подвале, который вместе с ней стал насчитывать 7 человек.

Очевидно, домоуправление посочувствовало нашей семье, и потому было принято решение Исполкома освободить одну комнату в нашем коридоре от складских резервов и предоставить ее маме с двумя детьми, т. е. мне и сестре. Таким образом, мы, не выходя из общего коридора, стали самостоятельной семейной единицей. У меня появилась привилегия – спать на раскладушке, а у Раи – перебраться с пола на мой престижный обеденный стол.

Рая была с семиклассным образованием, и устроиться ей на работу без специальности было сложно. Поэтому она стала работницей на кухне детского сада. Летом, когда детские сады выезжали в свои летние резиденции, я всегда находился в числе этих счастливчиков. А однажды я попал в один детсад вместе с Раей. Этот период был насыщен для меня добавочными вторыми блюдами, особенно мне везло с «макаронами по-флотски». К концу сезона я превратился в большой котел с макаронами. Но такое «счастье» случается только один раз в жизни. Через пару лет Рая встретила своего мужчину – Якова, который стал ее супругом. Он был каким-то специалистом по разработке цемента, а потому служил на цементном заводе в городе Тауз (ныне Товуз). Там в специальном поселке для работников завода он имел квартиру.

Известное далеко за пределами современного Азербайджана производство цветного цемента близ города Товуз, расположенного на северо-западе республики примерно в 430 км от Баку, было заложено в 1912 г. По некоторым данным, строительством завода проектной мощностью до 4 тыс. тонн цемента в год, принадлежав-

шего Акционерному обществу для производства портландцемента и других строительных материалов, занимался немецкий концерн «Siemens».

Специальным постановлением Совнаркома на Товузском цементном заводе было впервые в промышленных объемах налажено изготовление белых и цветных цементов. Сырьем для получения белого цемента служил известняк.

Вплоть до своего закрытия по естественным причинам в 1980г. предприятие обеспечивало белым цементом не только многие крупномасштабные стройки Советского Союза, но и такие известные стройки, как Асуанская плотина.

В году 1950-м я приехал в Товуз на летние каникулы. Комната у молодоженов была вместительная с водопроводом и электрической плитой. Поселок был ухоженный с асфальтовым покрытием. Был даже бассейн для купания. Вечером все собирались на танцах в клубе, где небольшим оркестриком руководил все тот же Яков.

Он предложил мне стать оркестрантом в качестве ударника. Очевидно, я умудрялся, следуя ритму музыки, правильно отбивать такты. Так я впервые приобщился к эстраде. Приятные воспоминания омрачает один негативный факт, сделанный при непосредственном моем участии. Поскольку хозяева работали на заводе, то не всегда они имели возможность приготовить мне что-либо съестное. Каждый день к порогу дома доставлялись молоко и яйца. К этому добавлялся какой-то обед. В этот день я не нашел ничего, кроме сырой картошки. С этим овощем я был близко знаком, поскольку она входила в ежедневный рацион нашего семейства. Приготовить жареную картошку было для меня одно удовольствие. Почистив и нарезав картофель, я вдруг внезапно обнаружил факт отсутствия какой-либо смазки для жарения. В те годы я был напичкан различными идеями, и как раз можно было применить одну из них: а что, если пожарить без масла – интересно, что получится. Результат не заставил себя долго ждать: картофель обуглился, сковорода превратилась в кочергу, а едкий дым нагло проник во все домики поселка. К счастью, пожарная команда не приехала по той простой причине, что она вообще не существовала. Мои воспоминания о пребывании в Товузе заканчиваются запахом гари, который долго не исчезал, несмотря на мой преждевременный отъезд. Но, в принципе, я остался доволен результатом эксперимента. Остались продукты сгорания, не произошли ни взрыв, ни возгорание. Я даже оставил рекомендацию: «Не продолжать делать подобные опыты».

Вскоре Якова перевели на запуск и освоение нового цементного завода в Гарадагском районе. Уже заканчивалось строительство посёлка городского типа Приморск (ныне Сахиль), который был образован 17 марта 1952 года на Каспийском побережье в Гарадагском районе города Баку.

Датой основания поселка считается дата начала строительства Гарадагского цементного завода – 1949 год. Одновременно со строительством завода было начато возведение жилых массивов по всему периметру Каспийского моря. В 1951 году были пущены в строй I и II технологические линии завода, а в 1952 году посёлок Сахиль получил статус административно-территориальной единицы.

Супруги получили в жилье целый, так называемый, финский дом со всеми удобствами и даже с приусадебным участком.

Конечно, вся наша семья стремительно ворвалась в поселок на смотрины дома.

Дом был новенький, пахнущий свежей краской и совершенно пустой – без мебели и ковров. Поскольку за один день мы не набегались по квартире, то пришлось устраиваться на ночь на полу, подложив головы вместо подушки на колени родственников.

Оставив счастливых супругов наживать добра, мы вернулись в свои «хоромы».

Но, оказывается, счастье не только в получении жилплощади. Яков начал попивать, а вскоре и совсем спился. Последовали скандалы и рукоприкладство. Урожденная ленинградка не хотела привыкать к подобным унижениям и подала на развод.

Статная женщина не долго ходила в разведенках. Азербайджанский «Илья Муромец» сделал ей предложение соединить два одиноких сердца, и, при ее согласии на это мероприятие, богатырь Човгун увез, как в настоящих легендах, любимую женщину на своем самосвале к своему очагу в родной край – Кюрдамир. Собственно Çovğun с азербайджанского перевода на русский обозначает буран, вьюга, т. е. в день рождения малыша на село обрушился буран. Вот он ее и забуранил. Свой собственный дом, огород и фруктовый сад сразу же привлекли внимание сироты, преобразив ее в хозяйку усадьбы.

Теперь уже очередной приезд семьи из Кюрдамира в нашу тесную обитель представлял нашествие горячо любимых родственников, с каждым разом увеличивающихся по количеству детского состава.

Рая, завернутая в чадру и облепленная детишками, никак не напоминала ту далекую модную девушку из Ленинграда. Конечно, она прекрасно говорила на азербайджанском языке и уже была знакома со всеми народными праздниками и обычаями.

Главная задача нашей семьи была накормить эту ворвавшуюся ватагу.

И вот тут я с благодарностью вспоминаю государственную помощь в продаже полуфабрикатов. В первую очередь это за упаковки пельменей, котлет, банки с борщами. Особое почтение к готовой жареной рыбе, которую начинали уничтожать, еще находясь в в рыбном магазине, что напротив Парапета.

Ну, а сладкое просто невозможно перечислить – такой богатый ассортимент продавался в кондитерских.

Итак, мы покупали две пачки пельменей, заправляли бульон бесчисленным количеством зелени, и две кастрюли содержимого мигом исчезали в пустых желудках кюрдамирчан. Потом вся артель делала визиты родственникам.

Но ночевать они возвращались на наш пол.

В середине 80-х годов наезды из Кюрдамира резко сократились. Ввиду долгого отсутствия двоюродной сестры моя мама забеспокоилась и подала идею самой посетить Кюрдамир. Ввиду отсутствия домашнего адреса Раи я пытался отговорить маму от этой неразумной поездки. Но мама была уже на пенсии и жаждала каких-либо приключений. И она-таки поехала.

И доказала всем нам, что «язык и до Кюрдамира доведет».

Разве можно представить, что в городе не знали богатыря Човгуна и его красавицы жены Раи. Маме так понравилось хозяйство сестры, что она задержалась еще на пару недель.

Пожалуй, это была последняя встреча мамы со своей двоюродной сестрой.

Начавшиеся события распада Союза застопорили наши встречи.

Однако остался и существует феномен, что с помощью этой супружеской пары возник прецедент появления нового этноса иудейско-кюрдамирского происхождения.

Очевидно, ученым Азербайджана необходимо серьезно изучить перспективу развития этого этноса.

Книжные рекомендации

Каждый месяц во всем мире выходят сотни, если не тысячи книг. От попыток разобраться в этом обилии старых и новых имен и названий зачастую кругом идет голова. Я хотел бы поделиться с читателями нашего журнала конспективным обзором тех книг, которые пропустил через себя с известной долей наслаждения. Среди авторов и классики, и «забытые классики», и современники, которым вероятно суждено стать классиками в будущем. В отличие от большинства современных рецензентов я не побоялся давать спойлеры, убежденный в том, что сюжет в художественной литературе не главное. Тут важно другое, важен общий знаменатель всех этих книг – интеллектуализм без заумности, стилистическая незаурядность, новаторство и, вместе с тем, отчетливая связь с традицией.

Ниджат МАМЕДОВ

Кормак Маккарти, «Дорога» (2006)

Жесткий и жестокий, ослепительно-аскетичный роман от классика современной американской литературы, одного из представителей школы «южной готики» Маккарти. После глобальной катастрофы, погубившей всю флору и фауну, оставшиеся в живых немногочисленные люди лишаются тонкого и хрупкого налета цивилизованности и деградируют на самый низший уровень, в большинстве становясь каннибалами. Через весь этот ад шествуют Отец и Сын, неся «огонь в сердце», на юг, к океану, надеясь обрести там хоть какое-то надежное укрытие. В дороге они встречают самых разных странников. Диалог с одним из них, стариком с библейским именем Илай, заставляет еще раз задуматься обо всей экзистенциальной абсурдности удела человеческого: «Бога нет. А мы – его пророки». Он есть, убежден умирающий Отец, и воплощен в Сыне, который во что бы то ни стало должен продолжить путь.

Фаридаддин Аттар, «Логика птиц» (1177)

Мистически-экстатическая поэма персидского поэта-суфия, которого считал своим учителем сам Руми. Произведение в аллегорической форме описывает великий Путь познания истины. Тридцать птиц выбирают себе в качестве предводителя Удода и отправляются на поиски своего господина Симурга. Преодолев семь долин, символизирующих семь макамов – стоянок на духовном пути, птицы добираются до озера, чья зеркальная гладь отражает их собственный лик, и понимают, что это и есть Симург, их господин. Важно отметить тонкую языковую игру Аттара: на фарси «Симург» так и означает «тридцать птиц».

Станислав Лем, «Солярис» (1961)

События в романе протекают в космосе, на отдаленной планете Солярис, покрытой мыслящим Океаном. Уникальная особенность Океана состоит в том, что он способен материализовать грёзы, воспоминания, фантазии своих незадачливых исследователей. Прибывший на станцию психолог Кельвин после череды странных происшествий (например, материализации своей давно умершей жены) принимает решение всё-таки остаться на станции. Он думает: «Пожалуй, об Океане мы не узнаем ничего, но, может быть, о себе...». Произведение Лема затрагивает серьезные вопросы: копии и оригинала; сознания и подсознания; жертвования во имя любви; встречи с радикальной инаковостью. Роман экранизирован Андреем Тарковским в 1972 году.

Дж.М.Кутзее, «Жизнь и время Михаэла К.» (1983)

Стихия романа нобелевского лауреата – Земля. Земля, из которой мы вышли и с которой смешается наше бренное тело. Земля, которую мы питаем и которая питает нас. Герой романа Михаэл родился с умственными и физическими дефектами. Многие его за это отвергают, но работающий садовником Михаэл живет в относительной гармонии, будучи благодарным каждому солнечному дню, как те цветы и деревья, за которыми он ухаживает. Охватившая страну война вынуждает его бежать на отдаленную заброшенную ферму, где он мечтает посвятить всю жизнь возделыванию земли и выращиванию тыкв. Потеря в пути больной матери восполняется в финале обретением матери-природы, принявшей героя в свое благодатное лоно.

Эрнст Юнгер, «Годы оккупации» (1958)

Принявший участие в двух мировых войнах, получивший в общей сложности 14 тяжелых ранений выдающийся немецкий прозаик-стилист, мистик, офицер, «один из двух великих читателей XX века» (другим был Борхес), обладатель «сердца искателя приключений», которого уважали по обе стороны политического, интеллектуального и военного фронта, Эрнст Юнгер прожил в общей сложности 103 года (1895 – 1998). Всё перечисленное выше уже говорит о том, что этот тевтонский рыцарь находился в особых отношениях с Судьбой. В томе военных дневников Юнгер предстает перед читателем живым воплощением героического романтизма, настоящим мужчиной, но еще более Мужем.

Notabene: с Юнгером близко дружила поклонница его творчества Банин(см. ниже), они сохраняли дружеские отношения всю жизнь. Банин переводила статьи Юнгера на французский и посвятила ему три книги.

Банин, «Кавказские дни. Парижские дни» (1945; 1947)

Мемуары Умм эль-Бану Асадуллаевой или, на европейский манер, Банин – дочери бакинского нефтепромышленника, министра торговли АДР Мирзы Асадуллаева, внучки Шамси Асадуллаева и Мусы Нагиева, проливают свет на жизнь девочки, а потом девушки и женщины из состоятельной, патриархальной семьи в переломный момент истории, *«Когда судьба по следу шла за нами, Как сумасшедший с бритвою в руке»* (Арсений Тарковский). Местами откровенная исповедальность Банин вызывает в целом гордость за смелость эмансипированной азербайджанки, которая бесстрашно принимает вызовы Судьбы и с достоинством одерживает верх, не теряя при этом, что немаловажно, искромётного чувства юмора. С французского на русский воспоминания Банин блестяще перевела наша соотечественница, выпускница Сорбонны Ульвия Ахундова.

Р.М.Рильке, «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910)

Герой провиденциального романа великого поэта Райнера Мария Рильке охвачен жаждой видеть. Это роман о взрослении, открытии в себе глубины и сострадания к каждому живому существу. Помните, как Стинг пел в «Shape Of My Heart»: «I'm not a man of too many faces / The mask I wear is one»? Герой романа тоже из таких: он не многолик, он прячется лишь под одной маской, живет и бродит по улицам Европы и закоулкам памяти, чтобы разгадать священную геометрию случайности, скрытый закон исхода, увидеть за разрозненным Единое, вполне отдавая себе отчет, что это задача не из легких. И это роман о любви, о том, что влюбленность проходит, но любовь длится.

Герман Гессе, «Игра в бисер» (1943)

Эпохальный, пророческий роман от классика прозы прошлого века, Нобелевского лауреата за 1946 год представляет собой опыт жизнеописания магистра Игры Иозефа Кнехта. «Игра же – это высокоразвитый тайный язык, в котором участвуют самые разные науки и искусства. Игра в бисер – это игра со всем содержанием и всеми ценностями нашей культуры». Обитатель Касталии Кнехт, где прошла почти вся его жизнь, посвященная эстетике, в оглушающем финале романа совершает головокружительный прыжок в этику, в поглотившее его ледяное озеро ради любви своего ученика, согласившись на ту игру, где нет ни победителей, ни побежденных.

Хулио Кортасар, «Игра в классики» (1963)

Это книга, в которой можно жить. Эту книгу можно смело брать на необитаемый остров. По этому роману можно строить свое будущее. Его герои ненавязчиво становятся твоими друзьями и даже родней. Этот текст можно читать сотней способов, и каждый из них будет уникальным. Здесь есть всё: любовь и смерть, одиночество с собой и одиночество вдвоем, интеллектуальные дискуссии обо всем на свете и молчаливое любование каким-нибудь камешком или сухим листом, разлуки и встречи, вопросы и ответы, слезы и смех. «Если б я не написал эту книгу, то бросился бы в Сену», – говорил Кортасар. Игра спасла автора. Спасет она и читателя.

Константин Вагинов, «Труды и дни Свистонова» (1929)

Этот роман, написанный ярким и самобытным поэтом, которого высоко ценил Михаил Бахтин за карнавальную эстетику письма, одним из деятелей группы ОБЭРИУ Константином Вагиновым (Вагенгеймом), предвосхищает едва ли не все последующие постмодернистские изыски будущей литературы: тут и поэтика абсурда, отказ от идентичности персонажей, интерес к кэмпу и китчу, цитатность и коллажность, обнажение приема. «Труды и дни Свистонова» – это роман о создании романа. Обыватели, окружающие бывшего поэта, а ныне прозаика Свистонова, всеми силами стараются казаться значительными и интересными, чтобы войти в историю, попав в роман писателя. Однако Свистонов, переведя своих знакомых неудачников в текст, переходит в него и сам и сталкивается с тотальной опустошенностью мира. Итальянский ученый К.Риччо отметил, что такой герой, как Свистонов, «мог бы послужить отправной точкой для вавилонской библиотеки аргентинца Борхеса».

Густав Флобер, «Бувар и Пекюше» (1881)

Грустная и уморительно смешная история двух закадычных друзей, чудаков и чудиков. После получения одним из них приличного наследства друзья (обоим по сорок семь лет) переселяются из Парижа, где оба работают переписчиками, в провинцию и самозабвенно предаются якобы научным штудиям, становясь, как говорят в народе, «профессорами околовсяческих наук». Бувар и Пекюше строят свою жизнь и быт по книгам, но, сталкиваясь с противоположными мнениями, не знают, на что решиться, и в итоге пробуют себя во всём: от земледелия и садоводства до философии и религии. Они ищут Начало и Конец, и потому Середина теряет для них всякое значение. А ведь именно в Середине кроется приятие жизни со всеми ее тайнами, бесконечностью и непостижимостью. Именно в Середине кроются покой и счастье. В итоге, пройдя через все круги незнания и познания, наши герои возвращаются к своим истокам, а именно к переписыванию, как в былые времена. «Они принимаются за дело» и обретают долгожданный покой.

Мануэла Гретковская, «Полька» (2001)

Каждый будущий отец просто обязан прочесть этот дневник беременности. Чтобы осознать простую истину – рай под ногами матерей. Миром управляют мужчины, мужчинами управляют женщины, а женщинами – дети, которые, по мнению суфиев, до двух лет, за весь период кормления грудью (отнимать ребенка от груди как по Фрейду, так и Исламу следует через два года) пребывают в ангелическом состоянии. В книге Гретковской много юмора, польской парадоксальности, увлекательных культурологических отступлений: «Мир беременности распадается на вредное и безвредное. Самое ужасное, что вредной для ребенка могу оказаться я сама – со своим резус-фактором, плохим настроением. Безвыходное положение, хотя выход один: через родовые пути».

Энрике Вила-Матас, «Бартлби и компания» (2001)

Лауреат «испаноязычной нобелевки», парадоксалист и иронист Вила-Матас в своем романе-эссе ведет речь о реальных и вымышленных им самим писателях, которые в один прекрасный день по той или иной причине решили бросить писать и по мере сил придерживались этого решения. Имя собственное в названии романа намекает на писца Бартлби – героя одноименной повести автора «Моби Дика» Германа Мелвилла. Бартлби Мелвилла на любую просьбу и предложение отвечал необыкновенно тихим, ясным голосом: «Я бы предпочел отказаться». Компанию, подобранную Вила-Матасом этому задавшему камертон писцу, объединяет умение сказать «Нет» суете, тщете и мирской славе, той славе, которая, по словам Сенеки, зависит от мнения многих. Роман открывается эпиграфом Жана де Лабрюйера: «Одни видят достоинство и заслугу в том, чтобы писать хорошо; другие – в том, чтобы не писать вовсе». Мораль, если угодно, сего романа такова, что всякая подлинная литература всегда возвращает нас к самой Жизни, к самому миру, к выкрашенной известкой стене, бездонно синему небу и полету птицы.

Дж.Сафран Фоер, «Жутко громко и запредельно близко» (2005)

Когда невзначай обращаешь внимание на то, что этот суперкреативный роман написал 28-летний автор, тебе просто крышу сносит и становится радостно за безграничный потенциал человечества. С первых же страниц становится ясно: Фоер прекрасно знает традицию и, мало того, умеет открывать новое. Еще Борхес писал, что есть всего четыре сюжета: 1. О штурме и обороне укреплённого города (Троя). 2. О долгом возвращении (Одиссей). 3. О поиске (Ясон). 4. О самоубийстве бога (Один, Аттис). Троей в романе Фоера оказывается Нью-Йорк 11 сентября 2001 года. Богом, решившимся на самоубийство, отец главного героя девятилетнего Оскара Шелла – отец, который выпрыгивает из верхнего этажа горящего небоскреба. Поиски ведет сам маленький Оскар, нашедший после смерти отца ключ в вазе; он обходит весь Нью-Йорк в поисках замка для этого ключа, встречаясь с самыми разными людьми и взрослея после каждой встречи. После долгого возвращения домой Оскар смиряется с горькой утратой. Роман завершается серией фотографий горящего небоскреба и прыгнувшего мужчины. Фото даны в обратной последовательности: отец Оскара не падает, он взлетает.

Роман экранизирован Стивеном Долдри («Билли Эллиот», «Часы», «Чтец») в 2012 году.

Том Маккарти, «Когда я был настоящим» (2005)

Редко когда концептуальный роман оказывается интересным. В наше время концептуальностью обычно маскируют собственную бесталанность. Однако роман влюбленного в континентальную философию британца Маккарти – чтение захватывающее. В некотором роде это воскрешение французской новороманической поэтики, решенной на новом материале. После неназванной производственной травмы герой романа получает в качестве компенсации огромную сумму. Однако потеряно нечто очень важное – ощущение настоящести настоящего. Герой решает потратить все свои деньги на реконструкцию тех событий и состояний прошлого, в которых он ощущал собственную подлинность: этакий иронический реверанс в сторону Пруста – в поисках утраченного настоящего. Но игра в финале оборачивается трагедией – смертью нескольких ассистентов. Возможно, месседж автора заключается в том, что смерть в нашу эпоху позднего постмодерна остается единственной реальной реальностью, способной встать лицом к лицу с тотальностью симулякров.

Кадзуо Исигуро, «Не отпускай меня» (2005)

Очень интересная заявка: любовный треугольник между клонами-донорами в антиутопичной Британии. Печальная и в некотором смысле страшная книга: все эти «выемки» (пересадка органов) и «завершения» (смерть). Очень понравился один минус-прием: в этой книге о любви слово «любовь» встречается лишь раз, будто рифма в верлибре. «Несчастные создания. Что же мы с вами сделали? Мы – со всеми нашими проектами, планами…», – говорит в приступе раскаяния хозяйка приюта, где воспитывают и готовят к ужасному будущему детей-клонов. Да, благими намерениями вымощена дорога в ад, в ад бесчеловечности. А человек должен помнить, что он в ответе за тех, кого приручил.

Notabene: роман Исигуро и либретто Владимира Сорокина «Дети Розенталя», главными героями которого тоже являются клоны, вышли в одном и том же году – 2005-м.

Роман экранизирован Марком Романеком с Кирой Найтли в одной из главных ролей.

Александр Гольдштейн, «Спокойные поля» (2006, премия Андрея Белого, посмертно)

Александр Гольдштейн родился (1957) в Таллине, с раннего детства жил в Баку, окончил филфак АГУ (БГУ), защитил кандидатскую по творчеству Ахундова, эмигрировал в 1990 году в Израиль, скончался летом 2006-го, похоронен в Тель-Авиве. Первая его книга «Расставание с Нарциссом» вышла в 1997 году, когда автору было уже сорок, тот возраст, когда, по словам Конфуция, человек освобождается от сомнений, тот возраст, когда Мухаммед стал пророком. И первая же его книга получила одновременно две противоположные премии: «Малого Букера» и «Антибукера» – беспрецедентный случай в истории новейшей русскоязычной литературы. А последнюю свою книгу «Спокойные поля» Гольдштейн дописывал на больничной койке, умирая от рака легких, отказавшись от положенного морфия, дабы не терять накал письма. Для Азербайджана Гольдштейн сделал многое, в том числе в последней своей книге: он любовно воспел али байрамлинские пустыри и закаты, городских сумасшедших в Баку, вымаливающих у Бога издания полного Джойса, «Прерывистый мугам» даглинцев, баню «Фантазия»…

Покойся с миром, певец, твоими книгами можно дышать до скончания дней.

Михаил Шишкин, «Письмовник» (2010)

Он и она. Он, война и она. Он, война, письма друг другу и она. Он, его смерть на войне, другая эпоха, но всё еще она и всё еще письма. Такого хорошего, душевного, теплого, трогательного, предметного, насыщенного фактурой (звуками, запахами, тончайшими движениями мысли и души) романа с потрясающим русским языком я давно не читал. Мастерски прописаны детали, ведь у Шишкина учителя́ первого ранга: Набоков и Саша Соколов, чей опыт в своем творчестве он не только синтезирует, но и переосмысливает. Согласно определению самого писателя, это роман о настоящем понимании, для которого не преграда ни километры, ни годы. И это роман о главном – не о борьбе со смертью словом, а о простых ценностях: человеческом тепле и свете. «Письмовник» награждён премией «Большая книга», в том числе и в «народном голосовании».

Грегори Бейтсон, «РАЗУМ И ПРИРОДА. Неизбежное единство» 1979)

Бейтсон – мой любимейший ученый. И не только потому, что без него не состоялось бы НЛП. Читая его, я поражаюсь тому, как органично можно слить и свить поэзию и науку, быть поэтом в науке. Что только не изучал Грегори Бейтсон! – от культуры новогвинейского племени ятмулов до кибернетики и коммуникации дельфинов, от влияния метафор на сознание носителя языка и до шизофрении, «doublebind»овую теорию которой этот выдающийся мыслитель предложил в качестве объяснения причин заболевания. Поэтически мыслящий Бейтсон любил поговаривать: «Логика – плохая модель для причины и следствия». И эта книга, настойчиво рекомендуемая читателю, доказывает, что логическое без мифологического не в состоянии примириться с миром.

Уильям Голдинг, «Повелитель мух» (1954)

Дебютный роман британского лауреата Нобелевской премии по литературе (1983) Уильяма Голдинга, названный журналом «Time» одним из 100 лучших романов на английском языке с 1923 года, можно обозначить и как аллегорию, и как притчу, и как апокалиптический роман. Будучи сказовым по жанру, роман легко прочитывается подростками. Вдобавок о подростках и идет речь в этом произведении. Группа детей, очутившихся в результате авиакатастрофы на одном из необитаемых островов и оторванных от цивилизации, сначала держится вместе, но потом раскалывается на два лагеря: «племя охотников» и более миролюбивую группу. В результате «дикарского и свободного образа жизни» дети доходят до кровопролития. Но в итоге их, плачущих «над прежней невинностью, над тем, как темна человеческая душа», спасают именно взрослые — моряки военно-морского флота.

Голоса Америки. Из народного творчества США. Баллады, легенды, сказки, притчи, песни, стихи.

Любимейшая книга моего детства, изданная «Молодой гвардией» в 1976 году в серии «Тебе в дорогу, романтик». Не знаю, можно ли сейчас достать ее у букинистов, но в Национальной библиотеке она точно найдется. Можно покопаться и в интернете. Усилия воздадутся сполна. Этот сборник американского фольклора – от старинного эпического сказания «Валам Олум» и эскимосских легенд до блюзов и протестных песен XX века – раскроет перед детьми далекий и одновременно близкий во времени и пространстве мир, населенный яркими и незабываемыми образами, историями и легендами.

Пол Боулз, «Под покровом небес» (1949)

Родившийся в Америке и проведший небольшую часть юности в Париже, Боулз почти всю вторую половину XX века прожил в Марокко, Танжере. Как пишет один из критиков: «Ни один американский писатель не погружался в арабскую культуру столь долго. Подобно Джозефу Конраду и его герою Марлоу, Боулз совершил путешествие в самое сердце тьмы». Тьму в данной фразе следует понимать не только географически – как безвозвратное странствие вглубь иной культуры, но прежде всего как странствие экзистенциальное – в мистическую, а порой и ужасающую глубь самого себя, где встречаешь Иное, в Восток-Исток собственной души.

По роману Боулза, вошедшему в список ста лучших англоязычных романов, в 1990 году был снят одноименный фильм Бернардо Бертолуччи с Джоном Малковичем и Деброй Уингер в главных ролях.

Клеон Остин, «Кради как художник. 10 уроков творческого самовыражения» (2012)

Эта книга – знаменитый манифест одного из самых интересных людей интернета. Беспрецедентно честная книга о том, что идеи не берутся из воздуха и что всё уже было создано до нас. В мире нет ничего оригинального, уверенно утверждает Остин, потому не следует отвергать чужого влияния, надо копировать многих и повсякому, чтобы, в конце концов, обрести свой голос. Книга эта написана в очень позитивном ключе и интересно оформлена. В ней много мотивирующих цитат: от Пабло Пикассо («Искусство – это кража») до Джима Джармуша и Уильяма Ральфа Инга («Что такое оригинальность? Нераскрытый плагиат»). Что касается пресловутого плагиата, Остин делится своим мнением: «Когда крадешь у одного – это плагиат. Когда крадешь у многих – это исследование». Именно этому и учит данная книга: пребыванию в движении, вхождению в поток, исследованию нового и следованию своей мечте.

Сигизмунд Кржижановский, «Сказки для вундеркиндов» (1991)

Сигизмунда Кржижановского (1887 – 1950), чье творчество заново открыли в начале 90-х годов прошлого века, называют «прозеванным гением». Этот автор и вправду гений; то, что он делал в малой прозе в 1920 – 1940-е годы, созвучно исканиям Борхеса и Кафки, Майринка и Садег Хедаята. Каждый ребенок и каждый взрослый, сохранивший в себе ребенка, по сути вундеркинд и гений. Именно им адресованы эти причудливые «сказки», чьи названия говорят сами за себя: «Собиратель щелей», «Сбежавшие пальцы», «Разговор двух разговоров», «Безработное эхо» и т.д.

Хьюз Купер, «Секс-макс»(1969)

Научно-фантастический, антиутопический роман Хьюза Купера, написанный в хипповом 1969 году, рисует будущее то ли XXI, то ли XXII века. США установили власть во всем мире и обеспечили каждого своего гражданина неотменным правом на сексуальное наслаждение. Молодые парни перед женитьбой в этом гротескном мире идут не в армию, а отбывают двухгодичный срок «мальчиков по вызову». А девушки так и рвутся попасть в элитный спецназ и удовлетворять все желания одиноких старичков. Причем всё это – на благо и процветание общества, признающего лишь половую совместимость. Любовь же здесь считают опасным атавизмом. Супервыпускник «Секс-макса» Джеймс и юная Джози, влюбившись друг в друга посреди узаконенного торжества похоти, бросают вызов этому обществу потребления.

Мэри Шелли, «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818)

Лично я считаю Мэри Шелли одной из немногих по-настоящему гениальных женщин в истории человечества. Да, многим известно, что, не будь вечернего обсуждения привидений с лордом Байроном и предложения последнего о том, чтобы все присутствовавшие при этой беседе выдали свою готическую повесть, то «Франкенштейн», возможно, не воплотился бы из смутных грез 18-летней Мэри Годвин. Но одно дело – сказать, другое – сделать. И… Мэри Шелли взяла да создала одно из первых произведений в жанре научной фантастики. На самом деле, это очень грустный роман о том, как возомнивший себя Творцом человек создает чудовище, страдающее от одиночества и мстящее людям за их непонимание в ответ на попытки доброты и участия. И вместе с тем это остросовременный роман – стоит только «чудовище» заменить на искусственный интеллект, на пороге появления которого человечество застыло в напряженном ожидании.

Полин Реаж, «История О» (1954)

Главная культовая книга садомазохистов. И это задолго до всяких там «Пятьдесят оттенков серого» и т.д. **«О»** здесь и стон боли, переходящей в наслаждение, и череда п(р)охождений женщины через фантазматическую мужскую похоть, превращающую эту обладающую в начале романа личностью женщину в пустое место, в полный ноль, в скобки – () – сомкнувшие в себе Ничто – и готовые разомкнуться при первом же требовании своего хозяина. **«О»** работает фотографом, что в контексте романа Полин Реаж прочитывается как «вуайеризм». Собачья преданность возлюбленному, требующему от нее всё новых и новых раскрытий плотского и душевного, трансформирует вуайеристку в эксгибиционистку. Слои личности с нее снимаются вместе с ударами плетью и прочими BDSM экспериментами. **«О»** превращается в вещь, овощ, кочан капусты, одержимая в финале лишь одним желанием – желанием умереть.

Мишель Уэльбек, «Карта и территория» (2010)

Этот роман, за который язвительный француз получил Гонкуровскую премию, представляет собой саркастичный «портрет художника в наши дни» с обилием шпилек в адрес современного/концептуального искусства и искусства вообще. Фундамент, на котором покоится этот текст, – древнейшая, а возможно, и вовсе первичная оппозиция Природа – Культура. Название романа отсылает к эпистемологическому вопросу о соотношении между символом и объектом, лаконично сформулированному одним из предтеч НЛП Альфредом Коржибски как «Карта не есть территория». Задолго до Коржибски схожим образом выражались дзен-буддисты: «Палец, указывающий на Луну, не есть сама Луна». То есть научная теория или произведения искусства, описывающие «объективную реальность», не являются самой «объективной реальностью». Природа больше, лучше, красивее и сильнее искусства, громогласно нашептывает нам Уэльбек в заключительной фразе романа: «Только травы колышутся на ветру. Полное и окончательное торжество растительного мира». В романе имеет место быть ироническая реализация постмодернистского принципа «смерть автора»: одним из действующих лиц является сам Уэльбек, которого в последней части романа зверски расчленяют (читай: деконструируют). Беря во внимание критический пафос этой книги, ее вполне можно назвать очень хорошей